

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Цуркан Евгений Геннадьевич

**Социокультурная динамика и интернет-технологии:
социально-философский анализ**

09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Момджян Карен Хачикович

Москва – 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава первая. Генезис протокольной структуры интернета и история интернет-исследований.....	26
1. Введение в проблематику.....	26
1.1. Обоснование адекватности подхода.....	26
1.2. К вопросу о связи техники и медиа.....	34
2. Генезис протокольной структуры интернета.....	49
2.1. Разработка фундаментальных протоколов.....	49
2.2. «Открытые исходники» и «Свободное ПО».....	55
2.3. Web 2.0.....	63
3. Уроки истории. Послание интернет-медиа.....	66
3.1. Технический уровень.....	66
3.2. Протокольный уровень.....	70
3.3. Уровень социального взаимодействия и продуцирования культуры.....	75
4. История интернет-исследований.....	78
4.1. Первый период. От WWW до «пузыря доткомов». Зарождение интернет-исследований.....	82
4.2. Второй период. От кризиса dot.com до 2010 года. Институционализация интернет-исследований.....	85
4.3. Третий период. От площади Тахрир до наших дней. Диверсификация интернет-исследований, закрепление исследовательских сфер и языков описания.....	89
4.4. Проблемное поле интернет исследований.....	92
Глава вторая. Влияние интернет-технологий на динамику четырёх сфер общественной жизни.....	95
1. Сетевизация экономики.....	96
1.1. Пространственно-временная конвергенция.....	97
1.2. От фордистской модели производства к сетевой.....	104
1.3. Прекаризация и гигномика.....	108
1.4. Общество контроля, проектные формы работы, нематериальное производство и человеческий капитал.....	112

1.5. Сетевая модель обмена и экономика совместного потребления.....	118
2. Влияние интернета на идентичность и структуры повседневности.	121
2.1. Краткосрочная идентичность.....	121
2.2. Формы «неаутентичной» жизни.....	123
2.3. Трансформация публичного и приватного.....	132
3. Влияние интернета на организационную сферу общественной жизни: общество социальных движений.	155
3.1. Трансформация социальных движений и форм протестной активности.....	155
3.2. Смена оптики рассмотрения социальных движений.	162
3.3. Причины роста значимости социальных движений в политических процессах в контексте интернет-исследований	169
4. Влияние интернет-сети на динамику производства культуры.....	184
4.1. «Открытость» интернета и «даровость» информации.....	185
4.2. Трансформация культурных иерархий	193
4.3. Экспертное сообщество и «мудрость толпы»	199
4.4. Сетевой эффект «гениальности множества»	204
4.5. Информационная перегрузка	211
Заключение.....	215
Список литературы.	227

Введение.

Цифровая революция относится к явлениям новейшей истории. Несмотря на свою сравнительную историческую новизну, цифровые технологии на данный момент уже фундаментально встроены во все четыре сферы общественного производства и актуально меняют наши представления о человеке, обществе и культуре. Происходящие изменения настолько радикальны, что многие социальные теоретики и теоретики культуры описывают новое поколение как поколение «цифровых аборигенов», противопоставляя его поколению «цифровых иммигрантов», то есть людей, родившихся до цифровой революции. Оба термина получили широкое распространение после выхода в свет «Декларации независимости киберпространства», написанной Джоном Барлоу в 1996 году. Внимание привлекает следующий тезис данного манифеста: «Вы боитесь своих собственных детей, ведь они являются уроженцами мира, в котором вы навсегда останетесь иммигрантами»¹. Заявленная радикальность происходящих изменений может быть воспринята со скепсисом, в конце концов, «чем больше всё меняется, тем больше всё остаётся по-старому», проблема отцов и детей стара как мир. Однако сложно отрицать само наличие изменений, вызванных внедрением интернета: на макроуровне – в сфере материального производства, политической организации общества и правовой регламентации, в сфере производства культуры; на среднем уровне – в сфере нормативных ожиданий и ценностных презумпций, конвергенции социального пространства и времени; на микроуровне – в области человеческой идентичности, форм труда и досуга, базовых различий, образующих структуру повседневных взаимодействий.

Помимо объективных изменений и эффектов, сопряжённых с развитием интернет-технологий, цифровые технологии являются неотъемлемой частью наиболее распространённого «образа воображаемого будущего», задающего

---

¹ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Электронный ресурс] – 1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения – 21.03.2021)

вектор развития современного капиталистического общества. Цифровой сектор экономики является наиболее динамичным, именно в нём появляются «подрывные инновации» («disruptive innovation»), которые меняют весь экономический ландшафт, делая неэффективными предыдущие формы конкуренции и ведения бизнеса. Именно в цифровом секторе экономики возникают драйверы, задающие векторы экономического роста. Что прогрессивно, а что нет, во многом определяется исходя из развития цифрового сегмента экономики, который предстаёт в качестве идеала, легитимирующего современный капитализм как передовую, прогрессивную и наиболее «современную» систему.

С ростом интеграции интернет-технологий в традиционные экономические сектора, в организационную сферу, в область производства культуры и повседневных взаимодействий возрастает *актуальность* теоретического описания социальных закономерностей, устанавливаемых в новом цифровом пространстве. Процессам цифровизации и сетевизации культуры, экономики, политики и области повседневных взаимодействий посвящено достаточно много исследований, однако большинство из них носит локальный характер. Глубинная взаимосвязь между процессами, происходящими в разных сферах общества, равно как и системное единство происходящих изменений мало исследованы. Кроме того, исторически сложилась сегментация предметного поля интернет-исследований по двум различным, но тесно связанным между собой объектам исследования: с одной стороны, технологии и протокольная структура интернета, с другой – коллективные практики использования интернета. Соответственно, специфика описания интернета как технологии часто вынуждает исследователя встать на позицию технологического детерминизма, в то время как описание интернета как совокупности пользовательских практик склонно к конструктивистским обобщениям и в недостаточной степени учитывает влияние протоколно-технической структуры интернета на коммуникацию и взаимодействие пользователей. Теоретическая

актуальность нашего исследования состоит в синтезе двух разрозненных исследовательских программ, что позволит описать влияние интернет-технологий на социальную динамику в системном единстве, равным образом избегая Сциллы технологического детерминизма и Харибды радикального конструктивизма. В нашем исследовании мы постарались учесть обе позиции и удержать в исследовательской оптике оба типа объектов, то есть протоколно-интерфейсную архитектуру интернет-технологий как базовую детерминанту индивидуальных сетевых практик и социально-культурное влияние, оказываемое на разработку и использование заданной архитектуры. Разработчики при написании кода имеют в виду определённые паттерны пользовательского взаимодействия, что не может не отражаться на этом взаимодействии. Более того, элементы интерфейса, будучи введёнными в эксплуатацию, определяют когнитивные ожидания пользователя и в этом смысле конструируют их. С другой стороны, нередко пользовательские практики существенным образом отличаются от спроектированных разработчиками, возникают непредвиденные и непреднамеренные побочные следствия человеческого взаимодействия в сети, выявляются неочевидные зависимости, что в обратном порядке влияет на изменение интерфейса, перенастройку его под «действительные» нужды пользователя. В данном исследовании мы попытались осуществить теоретический синтез трёх социальных контекстов использования интернет-технологий, сформулированных В. Х. Даттоном²: в повседневной жизни, в профессиональной деятельности, в современных массмедиа. Синтез различных социальных контекстов в пределах одной теоретической конструкции ставит настоящее исследование на фронтир современных интернет-исследований.

Степень научной разработанности проблемы

---

² Dutton W. H. (Eds.) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // The Oxford Handbook of Internet Studies. Oxford: Oxford University Press, 2013.

История появления и развития интернет-сети подробно изложена в работах Дж. Аббате³ и Дж. Нотона⁴. Тема влияния исторического контекста разработки ключевых интернет-протоколов на структуру интернет-сети развивалась в работах М. Кастельса⁵, Р. Барбрука⁶, Дж. Ланира⁷, Дж. Зиттрейна⁸, П. Фличичи⁹. Технологии и инфраструктура интернета являются одним из объектов интернет-исследований, образующих собственное предметное поле интернет-исследований, наравне с такими объектами как практики использования интернет-сети, паттерны повседневного взаимодействия и контексты использования, а также правовое регулирование интернета, в особенности авторское право и сохранность личных данных. Интернет-исследования находятся в отношении предметного пересечения с областью социальной философии. Интернет-исследования правового регулирования интернета пересекаются с философией права. Интернет-исследования трансформаций, вызванных внедрением интернета в четыре сферы общественной жизни, понятых в системном единстве, пересекаются с общей социально-философской проблематикой. История развития интернет-исследований как отдельного исследовательского направления описана в работах Б. Уэллмана¹⁰, П. Колозариди¹¹, А. Ульданаова¹², Ю. Рыкова, О.

---

³ Abbate J. *Inventing the Internet*. Cambridge, MA: MIT. Press, 1999.

⁴ Naughton J. *A Brief History of the Future: The Origins of the Internet*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1999.

⁵ Кастельс М. *Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

⁶ Барбрук Р. *Интернет-революция*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁷ Ланир Дж. *Вы не гаджет. Манифест*. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

Lanier J. *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. New York: Henry Holt and Company, 2018.

⁸ Zittrain J.L. *The Future of the Internet – And How to Stop It*. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

⁹ Flichy P. *The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure* // *Business and Economic History*. 2004. Vol. 2. P. 1–11.

¹⁰ Wellman B. *The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago* // *New media & society*. 2004. 6(1). P. 123-129.

Wellman B. *Studying the Internet through the Ages* // *The handbook of internet studies*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. P. 17-23.

¹¹ Колозариди П.В. *Утопия и идеология в исследованиях интернета* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. №5. С. 144-158.

Нагорного¹³. По теме интернет-исследований в английских и американских университетах разработаны руководства, учебные пособия и справочники¹⁴. Различные варианты структурирования исследовательского поля интернет-исследований представлены в работах В. Х. Даттона¹⁵, М. Грэхема¹⁶, М. Бакардиевой¹⁷, П. ДиМаджио¹⁸. Несмотря на разнообразие и многочисленность различных локальных интернет-исследований, собственно социально-философские методы и способы постановки проблем, способные углубить и фундировать разрозненный пул интернет-исследований, не всегда находят в них отражение. Равно как и концепты, разработанные в интернет-исследованиях, основанные на актуальном социологическом материале, не всегда принимаются в расчёт социально-философской теорией.

Различные концепции сетевого общества и информационного общества представлены в работах М. Кастельса¹⁹, Ф. Уэбстера²⁰, Я. ван Дейка²¹, П. Крэйвена и Б. Уэллмана²², Д. Белла²³.

Колозариди П.В. Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. 2018. Т. 30, № 3. С. 69-92.

¹² Колозариди П.В., Ульданов А.А. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS // Социологический журнал. 2015. Том 21, №3. С. 105-128.

¹³ Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 366-394.

¹⁴ Consalvo, M., Ess, C., Wiley, J. (Eds.). The handbook of internet studies. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011.

Dutton W. H. (Eds.) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // The Oxford Handbook of Internet Studies. Oxford: Oxford University Press, 2013.

¹⁵ Dutton W. H. (Eds.) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // The Oxford Handbook of Internet Studies. Oxford: Oxford University Press, 2013.

¹⁶ Graham M., Dutton W.H. (eds.). Society and the Internet: How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives. Oxford: Oxford University Press, 2014.

¹⁷ Bakardjieva M. Internet in Everyday Life: Diverse Approaches // The Handbook of Internet Studies. Oxford: Blackwell, 2011. P. 59-82.

¹⁸ DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W. Rassel, Robinson J. P. Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 307-336.

¹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

²⁰ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

²¹ Dijk J. van. The Network Society. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications Ltd, 2020.

²² Craven P., Wellman B. The network city // Sociological inquiry. 1973. Т. 43. №. 3-4. С. 57-88.

Исследованию экономических эффектов, возникновение которых обусловлено внедрением цифровых технологий в сферу материального производства общества, а также влиянию интернет-сети на модели производства и формы занятости посвящены работы Н. Срничека, создавшего теорию «платформенного капитализма»²⁴; М. Фишера, чьи исследования в большей степени посвящены современному неолиберализму, проект которого включает в себя использование цифровых технологий²⁵; Л.В. Лapidус, занимавшейся описанием «гигономики»²⁶; М.С. Ильченко и В.С. Мартьянова, исследовавших постфордизм²⁷. Описанию возрастания роли человеческого капитала и нематериального производства в цифровой экономике посвящены работы А. Горца²⁸. Темы ускорения производственного цикла и общественного обмена раскрыты в работах исследователей акселерационистского направления правого и левого толка – уже упомянутого Н. Срничека, А. Уильямса²⁹ и Н. Ланда³⁰. Снижению долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, росту количества людей с незащищёнными формами занятости (прекариата)

Wellman B. Networks in the global village: Life in contemporary communities. Routledge, 1999.

²³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.

²⁴ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

²⁵ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.

²⁶ Лapidус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2018.

Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник ИЭ РАН. №6. 2018. С. 73-89.

²⁷ См. Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015.

²⁸ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

²⁹ Srnizek N., Williams A. #ACCELERATE: Manifesto for an Accelerationist Politics [Электронный ресурс] – 2013. URL: <https://syntheticeidifice.files.wordpress.com/2013/06/accelerate.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

³⁰ Land N. A quick-and-dirty introduction to accelerationism // Jacobite [Электронный ресурс] – May 25, 2017. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/> (дата обращения: 25.03.2021).

посвящены работы П. Бурдьё³¹, М. Хардта и Т. Негри³², Г. Стэндинга³³. Возникновению и развитию «обществ контроля» с особой формой повышения производительности труда и аффективным инжинирингом посвящены работы Ж. Делёза³⁴ и М. Фишера³⁵. Влиянию интернет-технологий на рыночный обмен посвящены труды К.А. Нордстрема и Й. Риддерстрале³⁶. Глубинная взаимосвязь различных экономических эффектов, возникновение которых обусловлено внедрением цифровых технологий в сферу материального производства общества, изучена сравнительно мало.

Изменившиеся модели материального производства и распределения взаимосвязаны с изменениями в области человеческой идентичности и базовых структур повседневного взаимодействия. Указанные изменения оказывают обратное воздействие на область материального производства. В разделе работы, посвящённом описанию трансформации идентичности, мы в первую очередь опираемся на теоретические наработки З. Баумана³⁷, М. Фишера³⁸, Г. Стэндинга³⁹, Р. Сеннета⁴⁰. В исследовании изменения базовых структур человеческой повседневности мы в качестве концептуальных ресурсов используем наследие А. Шютца⁴¹, Ж. Бодрийяра⁴², М. Хайдеггера⁴³

---

³¹ Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout // Contre-feux, Paris: Raisons d'agir, 1998. С. 96-102.

³² Хардт М, Негри Т. Империя. М.: Праксис, 2004.

³³ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

³⁴ Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233.

³⁵ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.

³⁶ Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

³⁷ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №. 4. С. 133-154.

³⁸ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.

³⁹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

⁴⁰ Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: Фонд Социо-прогностических Исследований «Тренды», 2004.

⁴¹ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

⁴² Бодрийяр Ж. Почему всё ещё не исчезло? [Электронный ресурс] – 2016. URL: http://www.chaskor.ru/article/zhan_bodriyyar_pochemu_vse_eshche_ne_ischezlo_40860 (дата обращения – 21.03.2021).

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009.

и П. Вирно⁴⁴. Вопросу трансформации различения публичной и частной сфер / действий посвящены уже ставшие классическими работы Х. Арндт⁴⁵, Ю. Хабермаса⁴⁶, Р. Сеннета⁴⁷, И. Гоффмана⁴⁸. Из исследований, в которых описывается цифровая конвергенция публичной и частной сфер, следует выделить работу З. Папахарисси⁴⁹, в которой вводятся понятия «частной публичности» и «публичной частности». Угроза частной сфере, которую несут в себе интернет технологии, подробно описана в работах Ш. Зубофф⁵⁰, Дж. Аппельбаума⁵¹, Дж. Ассанжа⁵². На русском языке проблематика различения публичного и частного в цифровую эпоху разрабатывалась в коллективной монографии под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова⁵³ и многочисленных статьях⁵⁴. Цифровая конвергенция публичной и частной сфер, вызванная внедрением интернет-технологий в повседневную жизнь людей, и те политические эффекты, которые из указанной конвергенции следуют, недостаточно изучены.

---

⁴³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2013.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007.

⁴⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁴⁵ Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

⁴⁶ Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT press, 1991.

⁴⁷ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

⁴⁸ Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.

⁴⁹ Papacharissi Z. *The virtual sphere: The internet as a public sphere // New media & society*. 2002. Vol. 4. №1. P. 9-27.

⁵⁰ Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power: Barack Obama's books of 2019*. Profile books, 2019.

⁵¹ Appelbaum J. *Letter to a Young Selector // Astro noise: a survival guide for living under total surveillance*. New York: Whitney Museum of American Art, 2016.

⁵² Ассанж Дж., Аппельбаум Дж., Мюллер-Магун Э. Шифропанки: свобода и будущее интернета. М.: Азбука, 2014.

⁵³ Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр.* М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013.

⁵⁴ Жолудь В. *Публичная сфера социальных медиа: от деградации к трансформации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2013. №1. С. 132-135.

Черепанова Т.В. *На границе частного и публичного: социальная рефлексия в медийном пространстве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2012. Вып. 12. С. 178-187.

Изменению политических властных структур в связи с появлением и развитием интернет-технологий посвящены работы М. Кастельса⁵⁵, А. Кальдерадо⁵⁶. Концептуализации социальных движений, с деятельностью которых мы связываем трансформацию политического уклада общественной жизни, посвящены работы Л. Киллиана⁵⁷, М. Адамсон и С. Боргоса⁵⁸, Ч. Тилли⁵⁹, Н. Смелзера⁶⁰, А. Меллучи⁶¹, Д. Мэйера и С. Тарроу⁶², П. Штомпки⁶³. Изучению влияния интернета на современные протестные движения посвящены работы Г. Волсфельда (в соавторстве)⁶⁴, С. Гонзалес-Бейлон (в соавторстве)⁶⁵, И. Алагуи и Дж. Кюблера⁶⁶. В России по данной тематике написано множество статей, что связано с событиями, происходившими на Болотной площади в 2011-2012 годах, в том числе статьи за авторством З.З. Кныжовой и И.В. Сулова⁶⁷, Е. Драчёвой и А.

---

⁵⁵ Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press, 2012.

Castells M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

⁵⁶ Calderaro A. *Social Media and Politics* // *The SAGE Handbook of Political Sociology*. 2018. P. 781-796.

⁵⁷ Killian L.M. *Social movements* // *Handbook of modern sociology*. Chicago, IL: Rand McNally, 1964.

⁵⁸ Adamson M., Borgos S. *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*, Boston: Routledge Kegan & Paul, 1984.

⁵⁹ Тилли Ч. *От мобилизации к революции*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

⁶⁰ Smelser N.J. *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press of Glencoe, 1962.

⁶¹ Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. London: Hutchinson Radius, 1989.

⁶² Meyer D.S., Tarrow S. *The social movement Society: Contentious Politics for a New Century*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1997.

⁶³ Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁶⁴ Wolfsfeld G., Segev E., Sheafer T. *Social Media and the Arab Spring Politics Comes First* // *International Journal of Press/Politics*. 2013. Vol. 18., №2. P. 115-137.

⁶⁵ Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. *Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion* // *American Behavioral Scientist*. 2013. Vol. 50, №7. P. 943-965.

Gonzales-Bailon S., Wang N. *Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media* // *Social Networks*. 2016. №44. P. 95-104.

⁶⁶ Allagui I., Kuebler J. *The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction* // *International Journal of Communication*. 2011. № 5. P.1435-1442.

⁶⁷ Кныжова З.З., Сулов И.В. *Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте* // *Власть*. 2019. №5.

Щербак⁶⁸, С.В. Циреля⁶⁹ и т.д. Влияние интернет-сети на психологию протестующих описано в книге В. Боттеро⁷⁰, в руководстве по социологии эмоций под редакцией Дж. Яспера и Л. Оуэнса⁷¹. На русском языке по данной проблематике опубликованы статьи А.Ш. Гусейнова⁷². Отдельно хотелось бы выделить коллективную монографию кафедры социальной философии и философии истории МГУ им. М.В. Ломоносова под редакцией К.Х. Момджяна и Р.Э. Бараш⁷³, в которой были выявлены программные механизмы сетевых протестных движений, определены их функции и дисфункции. Возрастание политической значимости социальных движений, связанное с развитием и распространением интернет-технологий, представляется нам перспективным направлением исследования.

Культурным эффектам, вызванным внедрением интернет-технологий в сферу производства культуры (в узком смысле слова), посвящены работы Дж. Ланира⁷⁴, Э. Паризера⁷⁵, К. Ширки⁷⁶, Дж. Л. Зиттрейна⁷⁷, К. Келли⁷⁸. К ключевым «сетевым эффектам», оказывающим влияние на область производства культуры, мы относим эффекты «мудрости толпы», «гениальности множества», а также «даровость» информации и

---

⁶⁸ Драчева Е., Щербак А. Политический Интернет и гражданское общество на выборах 2011–2012 гг. // Публичная политика-2011: сборник статей. СПб: Норма, 2012. С. 26-39.

⁶⁹ Цирель С.В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 162-174.

⁷⁰ Bottero W. A Sense of Inequality. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2020.

⁷¹ Jasper J.M., Owens L. (Eds.) Social movements and emotions // Handbook of the sociology of emotions. New York: Springer, 2014.

⁷² Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. №2. С. 82-96.

⁷³ Момджян К.Х., Бараш Р.Э. (ред.) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019.

⁷⁴ Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

⁷⁵ Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. London: Penguin, 2011.

⁷⁶ Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. London: Penguin, 2010.

⁷⁷ Zittrain J.L. The Future of the Internet – And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

⁷⁸ Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

трансформацию сложившейся культурной иерархии. Эффекту «мудрости толпы» посвящена книга Дж. Шуровьески⁷⁹. Эффект «гениальности множества» был сформулирован в работах М. Хардта и Т. Негри⁸⁰. Изучению возможных причин появления сетевого эффекта «гениальности множества» посвящены работы К. Ширки⁸¹ и Дж. Зиттрэйна⁸². Дж. Зиттрэйн объясняет возникновение сетевого эффекта «гениальности множества» через концепт «плодовитости» открытых систем. Закрепление за коммуникацией в интернет-сети особой «плодовитости» является достаточно сильным аргументом в пользу ограничения вмешательства государства и корпораций в цифровую среду. Для обозначения пределов государственного и/или корпоративного вмешательства в область продуцирования интернет-культуры мы проводим рецепцию аргументов, сформулированных в философском наследии В. фон Гумбольдта⁸³ относительно пределов вмешательства государства в образование. Разрушение традиционной культурной иерархии – разделения культуры на высокую (элитарную) и низкую (массовую), а также слияние искусства с рекламой – описано в работах Дж. Сибрука⁸⁴. В более философическом ключе эта проблематика разрабатывалась в трудах В.В. Миронова⁸⁵. Общей культурной динамике

---

⁷⁹ Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007.

⁸⁰ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

⁸¹ Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. London: Penguin, 2010.

⁸² Zittrain J.L. The Future of the Internet – And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

⁸³ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009.

⁸⁴ Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁸⁵ Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 3-25.

Миронов В.В. Семиотические виражи культуры: от диалога к монологу? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2017. № 5. С. 3-18.

Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 34-48.

обществ, находящихся в культурной парадигме постмодерна, посвящено огромное множество литературы, в нашем исследовании мы в основном опирались на теоретические разработки Ф. Джеймисона⁸⁶, Ж. Бодрийера⁸⁷ как двух общепризнанных классиков.

В исследованной литературе обращает на себя внимание локальный характер разрозненного пула интернет-исследований. Выявлению взаимосвязей между процессами трансформации, связанными с распространением интернет-технологий и происходящими в разных сферах общества, посвящено достаточно мало работ, равно как и исследованию системного единства различных социальных эффектов, произведённых внедрением интернет-технологий в четыре сферы общественной жизни.

Цель исследования – выявление закономерностей сетевой коммуникации, имплицитно заложенных в протольно-интерфейсную архитектуру интернета и цифровых устройств и эксплицитно выраженных в динамике социальных отношений, устанавливающихся в мировой сети и активно экспортирующихся за её пределы.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*:

1. Обоснование взаимосвязи между инфраструктурой интернета и динамикой социальных отношений, установившихся в интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий, посредством историко-генетического подхода и социально-философского анализа становления инфраструктуры интернет-технологий.
2. Экспликация сущностных характеристик интернет-технологий и их влияния на динамику социальных отношений, установившихся в

---

⁸⁶ Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014.

Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

⁸⁷ Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2009.

интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий.

3. Обозначение предметной соотнесённости интернет-исследований и социально-философских исследований, на пересечении которых находится проблемное поле данного исследования.
4. Проведение социально-философского анализа экономических эффектов, вызванных внедрением интернета в модели промышленного производства и формы занятости.
5. Проведение анализа социально-антропологических эффектов, связанных с повседневным взаимодействием в интернет-сети: трансформации идентичности и базовых различий, образующих формы повседневного взаимодействия.
6. Выявление направлений трансформации политического уклада общества, связанных с распространением интернет-технологий, повлиявших на рост значения социальных движений в политической жизни общества.
7. Выделение форм влияния интернет-медиа на производство культуры и характер коммуникации, осуществляющихся в интернет-пространстве.

Объект исследования: социокультурная динамика, обусловленная внедрением интернет-технологий в различные сферы общественного производства.

Предмет исследования: формы взаимосвязи протоколно-интерфейсной архитектуры интернет-медиа и динамики социальных отношений, установившихся в интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий.

Рабочая гипотеза исследования

Протоколно-интерфейсная техническая архитектура интернет-медиа обуславливает способы социального взаимодействия, которые устанавливаются в интернете и вокруг использования интернета, следовательно, отчасти обуславливает общую социокультурную динамику.

Ключом к описанию протоколно-интерфейсной технической архитектуры интернета, обуславливающей формы социального взаимодействия, установившиеся в интернете и вокруг использования интернета, является прояснение исторического контекста, в котором находились люди, создавшие базовые протокольные структуры интернет-сети, а также прояснение идей, которыми руководствовались разработчики. Некоторые идеи, из которых исходили разработчики при создании интернет-технологий, по нашей гипотезе, были зафиксированы в коде. Понимание протоколов и интерфейсов становится надёжным фундаментом описания самой возможности становления интернета именно в таком виде, в каком мы можем наблюдать его сейчас, равно как и социокультурных эффектов, возникших вследствие внедрения интернет-технологий в различные сферы общественной жизни.

Научная новизна исследования

Научная новизна данного диссертационного исследования заключается в следующих пунктах:

1. Обосновано наличие взаимосвязи между протоколно-интерфейсной инфраструктурой интернета и динамикой социальных отношений, установившихся в интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий, выявлены формы обозначенной взаимосвязи.
2. Выявлены сущностные характеристики интернет-технологий в контексте оказываемого ими влияния на динамику социальных отношений, установившихся в интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий.
3. Обозначена предметная соотнесённость интернет-исследований с проблемным полем социальной философии. В область социальной философии введены концептуальные разработки, эксплицированные из разрозненного пула интернет-исследований.
4. Посредством социально-философского анализа глубинной взаимосвязи процессов трансформации, связанных с распространением интернет-

технологий и происходящих в разных сферах общества, преодолен локальный характер разрозненных интернет-исследований.

5. Проведен социально-философский анализ экономических, социально-антропологических, политических и культурных эффектов, вызванных взаимовлиянием протоколно-интерфейсной архитектурой сети и социальной динамики.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость заключается в: а) введении в область социальной философии концептуальных разработок, эксплицированных из разрозненного пула интернет-исследований; б) описании процесса цифровизации и сетевизации культуры, экономики, политики и области повседневных взаимодействий в системном единстве; в) преодолении локального характера многочисленных разрозненных интернет-исследований посредством социально-философского анализа глубинной взаимосвязи между процессами трансформации, происходящими в различных сферах общественной жизни и связанными с распространением интернет-технологий; г) теоретическом синтезе различных социальных контекстов использования интернет-сети.

Практическая значимость определяется тем, что полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для прогнозирования исходов социального взаимодействия, локализованного в интернет-сети, прогнозирования развития политических социальных движений, культурной и экономической динамики.

Материалы диссертации, положения и выводы, в ней сформулированные, нашли практическое применение в педагогической практике диссертанта за последние два года его научно-педагогической деятельности на кафедре социальной философии и философии истории МГУ им. М.В. Ломоносова. Часть идей использована при подготовке рабочих программ двух учебных дисциплин вариативной элективной части (профессиональная дисциплина по выбору) основной образовательной

магистерской программы по направлению подготовки «Цифровые технологии в культуре» – «Человек в сети: социология онлайн-повседневности» и «Теория и практика медиапроизводства».

Методологическая основа исследования

Изучение протоколно-интерфейсной архитектуры интернет-технологии выступает исходной точкой нашего исследования социальной динамики, связанной с внедрением интернет-сети в четыре сферы общественной жизни.

В изучении генезиса интернета и анализе причин изменений интернет-сети, способов социального взаимодействия и форм коммуникации, устанавливающихся в интернете и вокруг его использования, мы обращаемся к историко-генетическому методу. В обосновании наличия технической и медиальной детерминации социальных взаимодействий и коммуникации мы задействуем наследие таких направлений философской рефлексии, как философия техники и медиа-теория. В изучении истории развития интернет-исследований мы прибегаем к методам концептуального и компаративистского анализа, а также к методам классификации и периодизации.

В выделении четырёх сфер общественной жизни, соответствующих необходимым для выживания типам совместной деятельности людей, мы наследуем субстанциально-деятельностному подходу. В изучении тенденций капиталистического экономического развития, связанных с процессом интеграции цифровых технологий в структуру общественного производства и распределения, мы задействуем концептуальные ресурсы системного подхода к изучению общества. В изучении влияния интернета на идентичность и структуры повседневного взаимодействия мы опираемся на теоретическое наследие философской антропологии, философии техники с элементами социологии повседневности. Методом теоретического синтеза мы проводим объединение двух исторически разделённых направлений интернет-исследований, посвящённых проблеме влияния интернета на формирование публичной сферы и проблеме утраты приватности. В

исследовании влияния интернет-технологий на политический уклад мы задействуем ресурсы системно-коммуникативного подхода и концептуального анализа. Исследование культурных эффектов, являющихся следствием опосредования интернет-технологиями творческой активности пользователей, осуществляется посредством методов контент- и медиа-анализа, а также элементов семиотического подхода.

Положения, выносимые на защиту

1. Протоколно-интерфейсная архитектура и технологическая инфраструктура интернет-медиа обуславливают способы социального взаимодействия, которые устанавливаются в интернет-сети и экспортируются за её пределы.
2. Ключом к описанию протоколно-интерфейсной архитектуры интернета, обуславливающей формы социального взаимодействия, установившегося в интернете и построенного вокруг использования интернета, является применение историко-генетического подхода с элементами социально-философского анализа к изучению исторического контекста, в котором находились люди, создавшие базовые протокольные структуры сети.
3. Внедрение интернет-технологий в сферу материального производства общества приводит к ряду экономических сетевых эффектов, к которым относятся: возрастание роли человеческого капитала и нематериального производства; ускорение производственного цикла и общественного обмена; последовательная замена фордистской модели производства на сетевую модель, подразумевающую выведение части сотрудников на аутсорс, снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма; встраивание в цепочку поставок вместо самостоятельного воспроизведения полного цикла производства; рост прекариата; возникновение и развитие «обществ контроля», характеризующихся распределенной властью, встраиванием ранее внешнего принуждения внутрь личности, аффективным инжинирингом,

продолжением образовательного процесса; возрастание темпа и ритма работы, распространение проектных форм работы, заменяющих рутинные формы; переход к сетевой модели распределения материальных и нематериальных благ. Данные тенденции носят закономерный и взаимозависимый системный характер.

4. Распространение интернет-технологий приводит к трансформации форм идентичности и базовых различий, структурирующих повседневные взаимодействия, к которым относятся: «наличное / подручное», «далёкое / близкое», «перцептивное / манипулятивное», «публичное / приватное».
5. В связи с развитием и распространением интернет-технологий возрастает политическая значимость социальных движений. Социальные движения как наиболее изменчивая часть политической системы всё чаще выступают в качестве инициатора, а также агента и проводника умеренных и радикальных социальных преобразований. Использование интернет-технологий в деятельности и коммуникации социальных движений приводит к изменениям по следующим антитетическим осям: «эксклюзия / инклюзия», «стратегическое действие / коммуникативное действие», «масса / множество». Изменяются пространство и время, в которых действуют и коммуницируют социальные движения. Можно выделить пять причин роста значимости протестной активности: появление единого коммуникативного пространства, структурные напряжения, являющиеся неотъемлемой частью нормальной работы основных подсистем общества, изменения в структуре политических возможностей, психологические и идеологические причины.
6. Опосредование интернет-медиа творческой активности пользователей приводит к ряду культурных сетевых эффектов, к которым относятся: даровость информации, невозможность обеспечения соблюдения авторского права; распространение количественных критериев оценки

качества контента, замена экспертного сообщества на «мудрость толпы»; разрушение сложившейся культурной иерархии – разделения культуры на высокую (элитарную) и низкую (массовую); слияние искусства с товаром и рекламой; ускорение производства и обращения информации; эффект «гениальности множества» – появление нового коллективного способа производства культуры.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов достигается автором за счёт ясности и обоснованности методологической базы исследования, которая позволяет привлекать широкий исторический опыт и практики повседневного сетевого взаимодействия для верификации положений, вынесенных на защиту, и основной гипотезы данного исследования.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. Цуркан Е.Г. Влияние интернет-технологий на трансформацию различия публичного и приватного // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 4. С. 53-68 (RSCI, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,320).
2. Цуркан Е.Г. К вопросу об автономии университетов // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 49-52 (Web of Science, Scopus, RSCI; JCR – 0,51, CiteScore – 0,3, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,869).
3. Цуркан Е.Г. «ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ – ОСУЩЕСТВИТЬ ДИАЛОГ КУЛЬТУР» (публикации В.В. Миронова в журнале «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия») // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 6. С. 122-133 (RSCI, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,320).

4. Цуркан Е.Г., Дряева Э.Д. Влияние цифровых технологий на модели производства и формы занятости: социально-философский анализ⁸⁸ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. М., 2019. Т. 23, № 4. С 533-547 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,112).

Диссертация прошла обсуждение на кафедре социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и получила положительное заключение.

Результаты, полученные в диссертационном исследовании, представлены более чем на 20-ти конференциях, симпозиумах, круглых столах, воркшопах всероссийского и международного уровней в двух странах и четырёх городах: Всероссийская научная конференция «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий» (Вологда, ВоГУ, 2-3 июня 2017); 6-я ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2017» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4-8 декабря 2017); XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2018» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 9-13 апреля 2018); Международная молодежная междисциплинарная конференция «Философия Искусственного Интеллекта» (Москва, РГУ нефти и газа (НИУ), 12-13 апреля); 7-я ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2018» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 3-8 декабря 2018); XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 8-12 апреля 2019); Воркшоп «Проблема свободы в трансцендентальной философии» (Москва, НИУ ВШЭ, 3-4 июня 2019); Круглый стол с международным участием «Социальная

---

⁸⁸ Авторский вклад соискателя в данной работе составляет не менее 75% общего объема текста.

телеология эпохи глобализации: нормы, каноны, ценности» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 5 июня 2019); XIII Международная междисциплинарная научная конференция «Павловские и Хессинские чтения» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18 октября 2019); XI Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2019» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 21-23 ноября 2019); Международная научная конференция «Этика в современном философском дискурсе» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 26 ноября 2019); 8-я ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2019» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2-6 декабря 2019); Международная научная конференция «Интерактивный космос «Россия – Европа». Александр и Вильгельм фон Гумбольдты для современной России» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 5-7 декабря 2019); Круглый стол с международным участием «Конструирование социальной реальности. Национальные стратегии VS глобальные тренды: роль интеллектуалов» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 июня 2020); Международная конференция «Ломоносовские чтения 2020. Секция философских наук» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 17-28 октября 2020); Всероссийская онлайн-конференция «Философские и социокультурные основания цивилизационного будущего России» (Саратов, СГТУ им. Гагарина, 29-30 октября 2020); Всероссийская онлайн-конференция с международным участием «Солидарность versus конкуренция: глобальные и национальные политико-экономические системы в условиях пандемии» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 29 октября 2020); XII Международная научная конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2020: Философия. Этика. Практика» (Санкт-Петербург, СПбГУ 19-21 ноября 2020); Международная научная онлайн-конференция «Новые концепты философии. К 90-летию Жака Деррида» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 22-23 декабря 2020); Всероссийский круглый стол с

международным участием «Между вечностью и “злостью дня”: меняется ли роль философии в эпоху глобализации и цифровизации» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 24 февраля 2021); XIX International Scientific Conference of Students, Postgraduates, PhD students and Young Scientists «Sociology in (Post)Modernity» (Украина, Харьков, ХНУ им. В.Н. Каразина, 18-19 марта 2021); XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12-23 апреля 2021); Всероссийская конференция Ломоносовские чтения 2021. Секция философских наук» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 20-29 октября 2021).

Структура диссертационного исследования.

Структура работы соответствует логике решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, поделённых на 8 разделов и 28 подразделов, заключения и списка литературы, насчитывающего 222 наименования. Общий объём работы – 244 страницы.

Глава первая. Генезис протокольной структуры интернета и история интернет-исследований.

1. Введение в проблематику.

1.1. Обоснование адекватности подхода.

Цифровое пространство является сконструированным, это результат человеческого труда. Современная структура сети не была неизбежной, более того, она не является наиболее оптимальной, поскольку структура сети является набором достаточно ситуативных решений актуальных на момент написания кода проблем. Даже те решения, которые современному наблюдателю могут показаться не просто оптимальными, а единственно возможными, не были неизбежными. Примером служат файловая система и интерфейс программной строки. Первое поколение компьютеров Macintosh, так и не поступившее в продажу, не имело файловых систем⁸⁹, следовательно, для компьютерных систем файлы не выступали необходимым решением, краеугольным камнем, без которого всё разрушится. Интерфейс программной строки, специфическая черта операционной системы UNIX, подразумевает, что вы печатаете команду, нажимаете Enter, после чего команда выполняется, команду также может написать другая программа, что делает процессы, происходящие в операционной системе дискретными, не привязанными к точно заданным моментам времени. Именно по причине данного структурного решения, которое было перенято разработчиками других ОС, при работе с современными гаджетами пользователь сталкивается с набором непредсказуемых задержек в пользовательском интерфейсе – временем которое требуется системе, чтобы самой себе прописать команду и инициировать её. Это проблема решается ускорением программных процессов, инноваций в сфере аппаратного обеспечения, но тем не менее проблема заключается в самой архитектуре, следовательно, не все решения оптимальны.

---

⁸⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 27-29.

Несмотря на вытекающую из вышесказанного ситуативность конструирования программного обеспечения, именно оно способно стать фундаментом изучения интернет-сети, позволяющим претендовать на объективность выводов, поскольку после введения в эксплуатацию ПО, с одной стороны, обрастает связями и интегрируется с другим софтом, фиксируясь в этом процессе, с другой стороны, создаёт когнитивные ожидания пользователей. Чем глубже интеграция и пользовательская привычка, тем меньше вероятность того, что ПО будет изменено из-за возможности появления ошибок и/или потери популярности на рынке при изменении. Отдельная разработка, появившись и заняв определённую нишу, будучи зафиксированной в процессе интеграции, останется неизменной. Данная разработка будет существенным образом влиять на социальные взаимодействия, установившиеся в сети, отсюда проистекает один из источников закономерности социального сетевого взаимодействия. Протокольная система и техническая инфраструктура, обеспечивающая работу интернета, обуславливает способ социального взаимодействия, который устанавливается в интернете и экспортируется за его пределы. Любые изменения в деталях цифрового устройства или ПО могут иметь значительные непредвиденные социальные последствия, что, если прибегнуть к аргументам Поппера в защиту автономии социологии⁹⁰, тоже служит косвенным подтверждением скрытых закономерностей сетевого социального взаимодействия, которые не могут быть сведены к интеракциям отдельных пользователей.

Важно отметить, что ПО различается по глубине своего залегания и степени интеграции. Чем глубже интеграция, тем меньше вероятность того, что ПО будет изменено. Как пишет Дж. Ланир: «Значительные изменения ПО в момент, когда от него зависит множество другого ПО, – самое сложное.

---

⁹⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 106-118.

Так что этого почти не бывает»⁹¹. Можно представить себе Facebook без лайков, интернет без Facebook, но интернет без протокола TCP/IP или гиперссылки будет другой технологией с другими формами пользовательских взаимодействий. Более того, даже поверхностные «косметические» изменения установившегося положения дел вызывают большие трудности. Компания Facebook уже несколько лет собирает аналитику и тестирует отключение счётчика лайков, чтобы избавить людей от социального давления, которое порождает данное технологическое решение, но не может отключить, поскольку не уверена, нужны ли людям социальные сети без лайков, а ведь лайк в качестве обыденной практики породили именно такие социальные сети, как Facebook.

Концептуализация программного обеспечения в большей степени и аппаратного обеспечения в меньшей во взаимодействии и взаимовлиянии с фигурой пользователя является ядром настоящего исследования, что не означает, что методологически мы исходим из позиций технологического детерминизма. Зафиксированное в процессе интеграции ПО действительно является одним из источников закономерностей поведения индивида в сети, но лишь одним. После того как протокольная инфраструктура интернета создана, после того как был создан пользовательский интерфейс, он должен стать «интуитивно понятным» в процессе пользования, хабиитуализироваться и прочно войти в пользовательские привычки, цифровое пространство должно быть обжито. Процесс обживания интернет-пространства правильнее было бы обозначить как процесс создания пространства посредством соединения архитектуры протоколов, пользовательского интерфейса и реальных человеческих взаимодействий, поскольку интернет обладает весьма специфической пространственностью, вытраиваемой пользовательскими взаимодействиями в том числе. Сильную позицию технологического детерминизма, которая в контексте интернет-исследований заключается в том, что программное обеспечение и аппаратное обеспечение

---

⁹¹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 19.

являются решающими детерминантами человеческого взаимодействия в интернет-сети, следует ослабить, исходя из следующих соображений:

1. Сообщество в процессе интернет-коммуникации не находится в вакууме, а значит люди неизбежно привносят в онлайн коммуникацию ценностные презумпции и нормативные ожидания, существующие в том сообществе, где они социализируются.

2. Пользователи часто используют интерфейс не так как изначально задумывали разработчики, реальные пользовательские практики могут существенным образом отличаться от прогнозируемых, чтобы объяснить этот комплекс непредвиденных практик обращения к детерминирующему воздействию ПО будет недостаточно.

3. Разработчики создающие ПО осознанно или неосознанно исходят из определённой антропологической модели, полагаемой в качестве фигуры пользователя. За каждым структурным решением, за каждой программой скрыта определённая идея, которая воплощается в коде и, фиксируясь в интернет-структуре, влияет на когнитивный опыт пользователя не опосредованно через убеждение, а непосредственно в виде способа действия, предполагаемого программой или интерфейсом.

Может показаться, что пытаясь уйти от технологического детерминизма, мы пришли к другой форме редукции, а именно к идеалистической. Поскольку, в конечном итоге, именно идеи, экстернализированные в виде программы, зафиксированные в коде и объективированные пользователями, меняют человеческие взаимодействия. Однако, чтобы признать роль идей в процессе социальной динамики, не обязательно вставать на позицию идеализма. Как писал Т. Парсонс: Из «...положения о том, что идеи играют важную роль в осуществлении действия, не вытекает, что автор вверился своего рода идеалистической метафизике, из которой зачастую следует, что идеи должны возникать благодаря «непорочному зачатию», что они не запятнаны социальными и экономическими воздействиями и влияют на действия посредством автоматических и таинственных процессов

самореализации или эманации, вне связи с другими элементами социальной системы»⁹². Признание за идеями вдохновляющей силы не означает, что разработчики находились вне определённого социально-исторического контекста и технологического ландшафта, когда создавали протоколы, равно как и не означает, что окружающие условия не влияли на содержание этих идей. Из исследовательской гипотезы, согласно которой социально-технологическая среда влияла на содержание идей разработчиков, экстернализованных в протоколах, интерфейсах и программах, следует, что объяснение исторического контекста, в котором находились разработчики, и описание идей, их вдохновлявших, даст ключ к пониманию имплицитных основ способа организации социально-экономических отношений, установившихся в интернете, и экспортирующихся за его пределы. Понимание протоколов становится надёжным фундаментом описания самой возможности становления интернета именно в таком виде, в каком мы можем наблюдать его сейчас. Однако описания моделей социально-экономических отношений, имплицитно встроенных в архитектуру интернета, самого по себе недостаточно. Это только первый шаг. Далее исследователю необходимо обратиться к разнообразным практикам использования интернет-сети, различным эффектам, которые обнаруживаются при использовании интернет-технологий реальными акторами. Также из признания влияния исторического контекста на идеи разработчиков следует, что появление интернета – это логичное продолжение технических, социальных и культурных трансформаций, происходящих в рамках развития мирового капитализма. Теоретическая опора на понятую таким образом протокольно-интерфейсную архитектуру интернета позволяет привлекать в качестве своего подтверждения широкий исторический опыт. Кроме того, это даёт возможность рассмотрения реальных человеческих интересов, осуществляемых в рамках капиталистической экономики

---

⁹² Парсонс Т. Роль идей в социальном действии // О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. С. 522

отдельными индивидами и группами со сходными экономическими интересами.

Исследовательские интуиции и гипотезы, из которых мы исходили, наследуют социологической традиции конструкционизма, впервые сформулированной П. Бергером и Т. Лукманом, с учётом многочисленных методологических уточнений и возражений, выдвинутых Р. Бхаскаром. Согласно конструкционистским положениям социальную структуру нельзя охарактеризовать как некую самостоятельную вещь, отдельную от человеческой деятельности, поскольку только в человеческой деятельности подобные структуры и существуют, однако структура, будучи однажды созданной, воспринимается отдельными индивидами как чуждая фактичность, она принудительная по отношению к индивидам. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману социальные структуры, решая проблему недостатка внутреннего биологически обусловленного инстинктуального порядка, в процессе человеческого взаимодействия экстернализируются, хабиитуализируются, затем отчуждаются и объективируются, институционализируются и интернализируются у дальнейших поколений уже в виде «здорового смысла», дотеоретического знания, принимающегося как само собой разумеющееся, естественной установки или «непреложного закона» человеческого взаимодействия⁹³. Уточнения Р. Бхаскара относительно данной схематики заключаются в следующем: «неверно говорить, что субъекты творят общество, скорее, надо бы сказать: они воспроизводят или преобразуют его»⁹⁴ и «люди не творят общество, ибо оно всегда предшествует им и составляет необходимое условие для их деятельности»⁹⁵.

Данная схема может быть перенесена на разработку программного обеспечения:

---

⁹³ См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 80-112.

⁹⁴ Бхаскар Р. Общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 227.

⁹⁵ Бхаскар Р. Общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 229.

1. Разработчики, работая в сообществах, принимают определённые решения касательно структуры интернет-протоколов, исходя из ситуативной логики инженерных решений и определенных идей. Их решения также детерминированы определённым социокультурным и технологическим контекстом, в котором они находятся. То есть изобретение чего-то нового, даже радикально нового, не противоречит преемственности по отношению к предшествующей логике капиталистического развития. Речь идёт не столько о создании, сколько о преобразовании, согласно с исследовательской интуицией Р. Бхаскара.

2. Решения разработчиков, будучи интегрированными с другим программным обеспечением, фиксируются в качестве постоянной детерминанты человеческого взаимодействия в сети, в то же время порождая определённые когнитивные ожидания у пользователей. Появляется «интуитивно понятный интерфейс». Оговоримся, что подобного рода интуитивная понятность не столько исходит из психологической конституции человека, которая скорее составляет коридор возможностей, сколько является результатом процесса интернализации существующей протокольно-интерфейсной архитектуры.

3. Взаимодействуя внутри заданной протоколами искусственно сконструированной интернет-среды, пользователь обживает её, хабиитуализирует свои сетевые практики, создавая «жизненный мир» – контекст взаимодействия. Пользователь обладает некоторой долей свободы в использовании заданных треков взаимодействия, отсюда и появляются непредвиденные разработчиками пользовательские практики. Протокольная и интерфейсная структуры донастраиваются под нужды пользователя. В то же время не все изменения в сложившемся положении вещей будут приживаться, поскольку, с одной стороны, они могут противоречить объективной логике протокольной архитектуры, с другой – будут не соответствовать сложившимся ожиданиям пользователей.

Чтобы показать объективность социальных процессов, Карл Маркс писал: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»⁹⁶. Когда речь идёт о программном обеспечении, мы можем констатировать, что идея, ситуативно возникшая в голове у отдельных программистов, если она прошла процесс фиксации и укоренилась в интернет-инфраструктуре, влияет на когнитивный опыт человека не опосредованно через убеждение, а непосредственно в виде программы. Более того, как замечает Дж. Ланир: «Фатальным аспектом информационных технологий является то, что отдельная разработка, появившись однажды и случайно заняв нишу, остаётся неизменяемой»⁹⁷. Подобно тому, как социальная структура определяется исторически сложившимся способом производства материальной жизни людей, так протокольная система, обеспечивающая работу интернета, обуславливает способ социального взаимодействия, который устанавливается в интернете. Таким образом: «Нельзя работать в информатике не занимаясь в то же время социальной инженерией»⁹⁸. Любые изменения в деталях цифрового устройства или ПО, иногда даже совсем незначительные, могут иметь значительные непредвиденные социальные последствия.

За каждой идеей, приведённой в жизнь через двоичный код, скрывается некая антропологическая модель, полагаемая разработчиками в качестве фигуры пользователя. «Программное обеспечение выражает идеи всего, от природы музыкальной ноты, до природы личности»⁹⁹. Разработчики, осознают они это или нет, создавая цифровой объект, занимаются философской работой, а именно – отделяют сущностное (эссенциальное) от случайного (акцидентного). Чтобы представить некоторый реальный объект в цифровом виде – нужно выбрать, что в нём главное. Создание цифрового

---

⁹⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 422.

⁹⁷ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 21.

⁹⁸ Там же. С. 15.

⁹⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 13.

образа реального объекта удаляет всё, что программист посчитал акцидентными свойствами этого объекта, в том числе и неформализуемые полутона смысла. Это роднит программирование с созданием научных теорий. Разница в том, что программист воплощает свои теоретические представления в интерфейсе программы, а не в научном тексте.

Если речь идёт о картине «Герника» кисти Пикассо, то всё более или менее ясно. В качестве главного выступает графический образ, хотя, конечно, можно предъявить в качестве главного вес картины, её запах или объёмную фактуру – есть варианты. Но когда речь заходит о личности человека, вопрос становится гораздо менее тривиальным, ведь по вопросу природы личности (идентичности) до сих пор не существует научного консенсуса. В прикладном программировании этот вопрос отнюдь не праздный, чтобы создавать формы присутствия человека в новом цифровом пространстве нужно иметь хотя бы некоторое представление о том, что такое личность.

Несмотря на описанную нами выше «незыблемость» ПО, укоренившегося в процессе фиксации, существование файла или гиперссылки, так или иначе, остаётся социальным фактом, а не законом природы. Иными словами, если интернет-технологии перестанут повышать качество жизни общества, всегда остаётся возможность эти технологии изменить. Главное – осознавать, какие последствия будут иметь те или иные изменения.

1.2. К вопросу о связи техники и медиа.

Попытка осуществить построение философской теории, основанной на гипотезе о взаимовлиянии техники и социальной динамики, часто сталкивается с возражением о том, что сами по себе технические инновации не имеют никаких потенциалов, важным является только то, как их используют. Данную точку зрения М. Маклюэн называет «глас современного сомнамбулизма»: «Представьте, что мы сказали бы: “Яблочный пирог сам по себе не хорош, не плох; его ценность определяется тем, как его

используют”»¹⁰⁰. Тем не менее, установление каузальной связи между развитием техники и изменением социального устройства является проблематичным, равно как и исследование конкретных форм, в которых данная связь проявляется. Можно ли делать концептуализацию технической инфраструктуры фундаментом теории, если всё зависит от того, кем и как технологии используются, то есть от человека? Можно ли ставить коммуникативные формы и социальные связи, установившиеся в интернет-сети, в зависимость от протоколно-интерфейсной архитектуры интернет-технологии, если в конечном счёте без человека, его нормативных ожиданий и ценностных презумпций, интернета в каком-то смысле не существует? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно описать, что такое техника и как она связана с медиа, поскольку интернет – это не просто система архитектурных решений и технических сцеплений, но ещё и медиа, опосредующее человеческую коммуникацию и взаимодействие. Интернет – это особое техническое медиа.

Понятие τέχνη (греч. «ремесло», «искусство»), от которого произошло слово техника (τεχνικόν – букв. относящееся к τέχνη), разрабатывалось в работах Аристотеля, где получило довольно широкую трактовку. Как отмечает М. Хайдеггер: «Во-первых, τέχνη – название не только ремесленного мастерства, но также высокого искусства и изящных художеств»¹⁰¹, в том числе поэзии. В то же время, τέχνη – это особый род познания, отличный от теоретической ἐπιστήμη. Различению этих понятий посвящены главы 3 и 4 в VI книге «Никомаховой этики»¹⁰². Разница между τέχνη и ἐπιστήμη заключается в том, что ἐπιστήμη – это научное познание, то есть неизменное знание о вечных законах, «...то, что составляет предмет научного знания (to episteton), существует с необходимостью, а значит,

---

¹⁰⁰ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 13.

¹⁰¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 306 – 330. С. 311.

¹⁰² См. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 174-176.

вечно, ибо все существующее с безусловной необходимостью вечно, вечное же не возникает и не уничтожается»¹⁰³. В то время как *τέχνη* имеет дело с областью изменчивой, находящейся в становлении: «Всякое искусство имеет дело с возникновением, и быть искусным – значит разуместь (*theorein*), как возникает нечто из вещей, могущих быть и не быть и *чьё начало в творце, а не в творимом* (курсив мой – Е.Ц.)»¹⁰⁴. Выделенное курсивом место отсылает нас к учению о 4 причинах: целевая причина техники находится в душе творца. Природный объект тоже находится в становлении: из жёлудя вырастает дуб, из семени – цветок. Но это не техника, поскольку целевая причина цветка – в нём самом. Так Аристотель выделяет технику как особый объект и, вместе с тем, особый вид познания. *τέχνη* – это продуктивное знание (знание как), умение делать что-то такое, что не дано природой налично. «*τέχνη* раскрывает то, что не само себя производит, ещё не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так и иначе»¹⁰⁵. Проблема соотношения науки и техники, поставленная ещё Аристотелем, получила широкое развитие в рамках современной философии техники, поскольку техника критически зависит от полученного знания, причём под «знанием» понимается не только научное знание. Техническое знание, то есть знание «как», не подразумевает обязательного наличия строгих научных методов. Техника в этом смысле появляется раньше науки, но современный технический уклад общественных отношений ставится в прямую зависимость от развития научного знания, верно и обратное. С одной стороны, техника является прикладной частью научного восприятия мира, с другой стороны, развитие науки само обуславливается развитием технических аппаратов и инструментов. В современном мире наука и техника всё больше теряют свою автономию по отношению друг к другу, синтезируясь в «технонауке». Конвергенция науки и техники ухватывается в

---

¹⁰³ Там же. С. 175.

¹⁰⁴ Там же. С. 176.

¹⁰⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: Статьи и выступления*. СПб.: Наука, 2007. С. 312.

концепте «технонауки», активно разрабатываемом академиком В.С. Стёпиным. Стёпин описывает технонауку следующим образом: «...своего рода симбиоз науки и технологий, ориентированный на запросы рынка. Технонаука опирается на постоянную поддержку бизнеса, который инвестирует исследования, приносящие прибыль»¹⁰⁶. И далее: «В технонауке доминируют запросы производства и сферы услуг, к которым адаптируются программы научных исследований»¹⁰⁷. Традиционные взаимоотношения, установившиеся между техникой и наукой, можно описать в следующей схеме: знание берёт своё начало в фундаментальных исследованиях, потом проводятся прикладные исследования, только после этого разрабатываются технологии, на основании полученных знаний, после чего происходит внедрение технологий в социальную жизнь. В современности формируются новые способы получения и применения научных знаний, основу новых способов составляет заказ производителей на определённый продукт научного познания. Техника и научное знание, которые разделял ещё Аристотель, образуют симбиоз и находятся на пути конвергенции.

Другое важное взаимоотношение, которое необходимо упомянуть – это взаимоотношение техники и человека. М. Хайдеггер настаивает на том, что техника – это вид раскрытия потаённости. Следовательно, для М. Хайдеггера, сущность техники находится в отношении зависимости к человеческому присутствию (Dasein). Аристотель отделяет технику от человека при помощи различения творчества (poiesis) и поступка (praxis)¹⁰⁸. Несмотря на то, что целевая причина техники находится в творце, совершенство технического объекта находится в самом объекте, чего нельзя сказать относительно добродетельных поступков. Относительно этого

---

¹⁰⁶ Степин В.С. Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований // Социальная и экологическая оценка научно-технического развития. Материалы межд. Конференции. М.: Российско-германское общество «Философия науки и техники» РФО, 2007. С. 5.

¹⁰⁷ Там же. С. 12.

¹⁰⁸ См. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 174-176.

различения у Аристотеля Ф. Кессиди пишет: «Поступок внешне (и по объективным последствиям) добродетельный не является таким, если он не сопровождается соответствующим намерением»¹⁰⁹. Таким образом, уже Аристотель выделяет технику в качестве объекта, отстоящего от человека. Один из основоположников философии техники Э. Капп считал, что в основе техники лежит «органопроекция»¹¹⁰ – техника создаётся по образцу живого организма. Более того, техника в его концепции не представляет собой порождение чего-то нового и искусственного, но является раскрытием естественных возможностей организма. Ж.-Л. Нанси на лекции в РУДН в Москве 23 сентября 2016 года говорил о двояком положении техники по отношению к природе и человеку как её части. Техника одновременно является частью природы, происходит от неё, но и противопоставляется ей, разрушает её в данном противостоянии. Исходя из упомянутой нами интуиции Аристотеля, согласно которой техника представляется умением *раскрыть* то, что не дано природой налично, Ж.-Л. Нанси заостряет внимание равно на отсутствие изначальной техничности в природе и на заложенность в ней потенции техничности, то есть на необходимости именно *раскрыть* технику, а не создать или изобрести.

Техника – это способ бытия человека в мире. Человек, обладая достаточно несовершенной биологической конституцией, вынужден компенсировать свои недостатки техническими приборами. У нас нет шерсти, но есть шкуры, нет когтей, но есть ножи, нет мощной челюсти и большого желудка, но есть огонь. Эти интуиции были в явном виде сформулированы ещё в 1920-ые – 1940-ые годы в немецкой философской антропологии, представителями которой являются М. Шелер, А. Гелен и Х.

---

¹⁰⁹ Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. С. 21

¹¹⁰ Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: 1925. С. 21-168.

Плеснер, а также развиты во Франции в трудах А. Кожева и Ж. Батая¹¹¹. Именно из представления о природе человека как «ущербного» существа, своего рода обделённого природой животного, исходит современный трансгуманизм. Конструктивистская теория о происхождении социальности, сформулированная П. Бергером и Т. Лукманом¹¹², также развивает данную философскую интуицию, но заостряет внимание на необходимости овнешнения социального порядка в социальных институтах, вызванное недостатком порядка инстинктуальной организации.

Если определять технику как раскрытие потенции, заложенной в природе, то человек превращается в своего рода органы размножения машинного мира, позволяет машинному миру развиваться и принимать новые формы. Однако такая «природная» логика развития техники должна быть существенным образом уточнена. Находится ли потенция такого человеческого изобретения, как университет, в природе? Это сомнительно. Природный недостаток человеческой конституции является необходимым условием появления технических навыков, но избыток человеческих изобретений есть мир не природный, но искусственный. Техника является творением рук человеческих; овнешнением человеческого проекта; техника производна от сознательной человеческой деятельности – труда. Без человека техника, безусловно, не имеет значения, по крайней мере до тех пор, пока и если не появится искусственное сознание. Тем не менее, техника, будучи созданной, предстаёт, а иногда даже противостоит человеку. Техника, являясь творением рук человеческих, обособляется от человека, несёт в себе определённый посыл, потенциалы и возможности, вне зависимости от того, как её используют. Подлинные технические инновации, внедряясь в человеческие практики, революционно меняют социальный уклад и способы

---

¹¹¹ Степанов М. «Вторая» машина Готтхарда Гюнтера, аппарат Вилема Флюсера и трансгуманистический оптимизм // Медиа: между магией и технологией. М.: Кабинетный учёный. С. 213.

¹¹² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 80-112.

производства материальной жизни общества. Изменение социального уклада меняет человеческие практики, вслед за чем меняется сам способ мышления. Как пишет Г. Стэндинг: «Не нужно быть технологическим детерминистом, чтобы понять, что технологический ландшафт определяет наше мышление и поведение»¹¹³. Техника влияет на человека едва ли меньше, чем человек на технику. Речь идёт о взаимобратимом соотношении: человек конструирует техническую среду, техническая среда конструирует человека. Будучи объективацией человеческого проекта, техника может действовать вопреки воле человека, как минимум потому, что человек не может видеть всех последствий внедрения в производство той или иной технической инновации. Даже самый мудрый Махараль из Праги рано или поздно теряет контроль над своим Големом, из-за чего еврейскому алхимику приходится уничтожить своё детище, но данный вид критики мы предоставим луддитам.

Современный человек живёт в сконструированной технической среде, сложность которой постоянно растёт. Поэтому техника не только требует от человека постройки определённой инфраструктуры, чтобы использовать технику, но и меняет мировоззрение человека, его способ понимать себя и мир вокруг себя. М. Хайдеггер в примечаниях к работе «Вопрос о технике» пишет: «По Гегелю, в отличие от орудия труда, косной вещи, формально применяемой в деятельности, машина – самостоятельное орудие, которым человек обманывает природу, заставляя её работать на себя. Обман мстит обманщику, низводя фабричного рабочего до крайней степени тупости»¹¹⁴. Согласно К. Марксу за последний эффект ответственность несут не сами машины, а способ производства, характеризующийся особой формой разделения труда, индивидуальным характером присвоения продуктов труда и частной собственностью. Так или иначе, сам по себе промышленный способ производства подразумевает определённую инфраструктуру,

---

¹¹³ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 39.

¹¹⁴ Хайдеггер М. Вопрос о технике. Примечания. // Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 581.

мировоззрение, антропологическую модель. В качестве примера исследователя, применявшего метафоры, свойственные «машинному мировоззрению», можно привести знаменитого архитектора Ле Корбюзье, назвавшего дома в своём произведении «Новый дух в архитектуре» «машинами для жилья»¹¹⁵. В «машинах для жилья», массовой застройке с минимумом пространства и максимумом функциональности будут жить люди, обслуживающие машины и в этом смысле являющиеся деталями машин – тоже в некотором смысле машинами. Итальянские футуристы пишут о «пламенных моторах» вместо «сердец», в целом футуризм как направлению в искусстве свойственна мысль об экстатическом слиянии человека с машиной. Во всей философии, поэзии, живописи, наконец, общественной инфраструктуре конца 19-ого – середины 20-ого века, виден след тяжёлой индустрии.

Следующим значимым в рамках данной работы взаимоотношением выступает отношение техники и медиа. Интернет, как было сказано ранее, является не просто системой технических сцеплений, но ещё и медиа, опосредующим человеческие коммуникации и взаимодействия. Понятие медиа своими корнями уходит к Аристотелевскому понятию «metaxu» – «между». В работах Аристотеля понятием «metaxu» в том числе обозначался воздух – одновременно необходимое условие и возможная помеха коммуникации. Благодаря средневековым переводам Аристотелевского корпуса сочинений, выполненных схоластами, Аристотелевское «metaxu» превращается в знакомое нашему уху слово «medium»¹¹⁶. В течение долгого времени понятием «медиум» обозначались первоэлементы типа воздуха или воды, то есть это понятие относилось к области физики. Понятие медиа подвержено историческим изменениям, поскольку в отличие от некоторых других предметов науки и философии за понятием «медиа» скрывается

---

¹¹⁵ См. Корбюзье Л. Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017.

¹¹⁶ См. Эрнст В. Время медиа: понятия, археология, наука // Медиа: между магией и технологией. М.: Кабинетный учёный, 2014. С. 144-161.

действительно существующее явление. Поскольку это явление подвержено историческим изменениям, постольку меняется и понятие. Вербальная речь опосредуется воздухом, звук в вакууме невозможен, его ничто не опосредует. В дальнейшем, при переходе от вербальной культуры к письменной, медиумом перестаёт выступать только воздух и звуковые волны, которые он способен через себя пропустить. Современные «медиа» являются техническими, это связано с тем, что человечество изобрело механизмы переноса и передачи информации, отделённые от передвижения человеческих тел. Между передачей письма на почтовых конях и передачей сигнала по телеграфу существуют множество различий и не только во времени, которое требуется для доставки сигнала. Многие сигналы, посылаемые сегодня в современных коммуникативных интернет-сетях, обладают определённой степенью автономности, то есть отправляются и принимаются машинами, облегчая человеческую коммуникацию, взаимодействия, повышая комфорт жизни. Современные медиа могут быть поняты исключительно технически, точнее «технологически».

В термине «технология» сочетаются два корня – «*techne*», разбор которого был осуществлён выше, и «*logos*». Если *techne* является некоторой материальной реализацией человеческого проекта, то *logos* находит своё выражение в символических техниках записи и распространения сообщения. Подобно термину «технология» медиа расслаивается на техническую и символическую составляющие. В свою очередь интернет-медиа в своей технической составляющей представлены в «коробках» и «проводах», сети оптоволоконных кабелей и т.д., в символической же составляющей интернет представляет собой протоколно-интерфейсную архитектуру (написанную на *языке* бинарного машинного кода и на более высоком уровне на различных *языках* программирования) и информационный уровень взаимодействия пользователей. Технический, протокольный уровни, равно как и уровень непосредственного взаимодействия пользователей, мы рассмотрим в одноимённых подразделах работы. В техническом смысле медиа являются

опосредующим каналом протекания процессов информационного обмена, в символическом – режимами контроля (кодом, языком и законами коммуникации на различных уровнях). Техника и логические операции языка сходятся в цифровом компьютере¹¹⁷. Прежде чем мы обратимся к подробному анализу «послания» интернета, как технологического медиа, необходимо наметить абрис основных вех истории развития медиа, поскольку, как уже было сказано, понятие медиа зависит от соответствующего явления, которое, в свою очередь, подвержено историческим изменениям.

Н. Больц выделяет шесть эпох истории медиа различной продолжительности: устная речь – письменность – массмедиа – дигитализация – осетевление¹¹⁸. Устная речь была главенствующим медиа доисторического периода. Этот период характеризовало аудиальное чувственное восприятие мира, от шаманских практик «выговаривания» болезней и социальных проблем, описание которых можно встретить у Клода Леви-Стросса¹¹⁹. Не существовало разрывов между семантической передачей и визуальным образом собеседника. Люди, принимающие участие в коммуникации, должны были находиться на расстоянии визуально-аудиального не опосредованного технически контакта. Власть не могла осуществляться посредством письменных декретов, которые в дальнейшем можно донести до народонаселения, но только посредством устной коммуникации.

Первым значимым моментом в истории медиа было изобретение письма, поворот к визуальности. Как пишет об этом М. Маклюэн: «... фонетический алфавит приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создаёт условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный и дарит ему глаз вместо уха»¹²⁰. Помимо разрыва между

---

¹¹⁷ Эрнст В. Время медиа: понятия, археология, наука // Медиа: между магией и технологией / под ред. Н. Сосна и К. Фёдоровой. М.: Кабинетный учёный, 2014. С. 147.

¹¹⁸ Больц Н. Алфавит медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 3.

¹¹⁹ См. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

¹²⁰ Маклюэн, Г.М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. С. 40.

семантической передачей и визуальным образом говорящего, акт коммуникации получил возможность отсрочки восприятия во времени и пространстве. Письменный текст может быть прочтён после смерти автора и на другом конце земли. Это коренным образом изменило способ социальной организации общества, существенно расширив ту сферу, в которой могла действовать власть, координируя деятельность людей.

Изобретение письма изменило чувственную организацию восприятия. Согласно Маклюэну, линейное письмо участвовало в формировании понятий евклидова пространства, линейности времени, хронологического повествования, что существенным образом отразилось на цивилизации всего западного мира. Человек постепенно выходит из племенного окружения, возрастает роль визуальности в формировании поведения и способе мышления людей.

Вторым поворотным пунктом в истории медиа становится изобретение печатного прессы, что по сути своей явилось началом эпохи массмедиа. Обычно эпоху массмедиа связывают с появлением телевидения и радио, то есть с XX веком, в то время как печатный пресс появился в XV веке. Однако если принять в качестве сущностных характеристик массмедиа, во-первых, возможность технической воспроизводимости образов, символов и смыслов, во-вторых, массовость распространения, то данные характеристики в равной степени относятся как к телевидению, так и к печатной книге или газете. Поэтому не будет ошибкой утверждать, что изобретение печатного прессы было если не началом, то уж точно предтечей эпохи массмедиа.

Согласно М. Маклюэну, «сообщением любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела»¹²¹. В переходе от письменной культуры к печатной важно именно изменение скорости производства, происходившее параллельно с количественным ростом читающей публики. В допечатный период книги переписывались от руки специально обученными людьми, что означало, что книга оставалась весьма эксклюзивным продуктом. Данный способ производства отражался на жанровом разнообразии. Зачем переписывать и распространять тексты, повествующие о

---

¹²¹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц, 2003. С. 10.

вещах преходящих и сиюминутных, когда можно переписывать Библию или философские работы Аристотеля и комментарии к ним. Медиа печатной книги повысило жанровое разнообразие литературы.

Печать делает однородным информационное пространство, объединяет и скрепляет разрозненные социальные группы. Изобретение книгопечатания, согласно исследованиям национального вопроса, осуществлённым Бенедиктом Андерсоном¹²² и Эриком Хобсбаумом¹²³, сделало возможным появление централизованных национальных государств в Европе. Чтобы нация как идея смогла реализоваться, требовалось народное образование, включающее как обучение чтению и письму, так и политическую индоктринацию. Чтобы получить нацию, нужно рассказать людям, что они граждане такого-то государства. Не бретонцы, а французы. Народное образование не было бы возможным без унифицированных образовательных программ, для этого необходимо книгопечатание. Более того, Б. Андерсон преподносит нацию как продукт т.н. «печатного капитализма».

Несмотря на то, что мы относим радио, телевидение и газеты к одному периоду развития медиа, между ними есть существенное различие, заключающееся в формах восприятия. Печатное произведение – это визуальное медиа. Линейное письмо дискретно и фрагментировано. Буквы, слова, предложения, абзацы и главы расположены в последовательном ряду, а автор и ситуация письма удалены от читателя в пространстве и времени. По мысли М. Маклюэна радикальное изменение, привнесённое в нашу жизнь электричеством и, в особенности, телевидением заключается в возрождении той одновременности семантической передачи и визуально-аудиального образа, свойственной дописьменной эпохе, что позволило Маклюэну заявить о начале эпохи «глобальной деревни». Мир сжимается до размеров деревни, в которой всем видно всех. Маклюэн предполагал, что в этой глобальной деревне все будут связаны со всеми, а навыки письма и чтения отступят на второй план.

В современных исследованиях новых медиа нередко можно встретить утверждение, что интернет – это та самая глобальная деревня, где все связаны со всеми, что означает, пророчество Маклюэна сбылось. Однако

---

¹²² См. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹²³ См. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780. СПб.: Алетейя, 1998.

такая позиция представляется довольно спорной. В прогнозах Маклюэна был обозначен отход от линейного письма и ренессанс аудиального компонента в медиа, в то время как в действительности современные цифровые медиа интегрируют в себя многочисленные возможности аналоговых медиа, в том числе линейного письма. Для первого этапа развития интернета было характерно доминирование текста. Первые web-страницы мировой паутины практически полностью состояли из него. Поскольку даже простая gif-анимация или jpeg-картинка занимали слишком много места на серверах, их старались использовать по минимуму. Несмотря на то, что в современном интернете динамические и статические визуальные образы, равно как и аудиальные образы, уже не являются редкостью, текст никуда не ушёл. Пользователи интернета в наши дни постоянно читают и пишут – сообщения, комментарии, описания. Возможно, в дальнейшем возобладают аудиосообщения, но пока этого не произошло.

Допустим, текст, вопреки прогнозам Маклюэна, не ушёл на второй план, но не является ли прогноз о «глобальной деревне» оправданным в том смысле, что мир становится всё более глобальным, новости из любого уголка света со скоростью электронов, бегущих по проводам, и распространяющихся по воздуху радиоволн достигают сколь угодно удалённого глаза и уха за считанные секунды. Действительно, интернет является глобальным медиа, но также внутри себя сегментированным и локализованным. Социальные сети поколения web 2.0, на которые приходится львиная доля трафика в современном интернете, существенно отличаются от иных массмедиа. Радио, телевидение и газеты вещали на массового зрителя, они не кастомизировали контент, не создавали персональных новостных лент. Массовые медиа выполняли интегрирующую общественную функцию: люди читали одно и то же, получали одну и ту же информацию, поданную одинаковым образом, из чего складывался общественный консенсус. У цифровых медиа, постепенно переходящих к сетевым (имеется в виду, появление и распространение социальных сетей) появляется эффект «туннельного зрения», когда люди не понимают друг друга из-за того, что автоматический алгоритм (фильтр) Facebook предоставляет им совершенно разную информацию. Данный эффект назван

Э. Паризером «пузырём фильтров»¹²⁴. Вместо глобального и единого информационного пространства мы получаем локальные группы по интересам и новый трайбализм¹²⁵.

Предшествующие рассуждения легко можно охарактеризовать как технодетерминистические. Поскольку, как было показано, доминирующие в определённую эпоху медиа не просто опосредуют информацию, но и задают определённые способы прочтения этой информации, конструируют наши способы восприятия, интеллектуальные и поведенческие практики, открывают новые возможности общественной интеграции и дезинтеграции, логичным выводом было бы то, что доминирующие медиа определяют процесс развития общества. Однако обратная логика, заключающаяся в том, что общество в процессе развития сталкивается с новыми проблемами и трудностями, и в процессе работы над решением этих проблем изобретаются и внедряются в общественную жизнь новые медиа, тоже имеет место. Л. Манович в «Языке новых медиа» пишет, что ещё в 1890-ые годы из-за роста народонаселения и возникновения необходимости этот рост фиксировать «...стало очевидно, что не только человеческий мозг столкнулся с необходимостью обрабатывать большие потоки информации. Та же проблема в полный рост встала перед корпорациями, правительством – в общем, любыми большими институциями»¹²⁶. Именно в ответ на рост народонаселения и усложнение общественного порядка были введены в эксплуатацию электромеханические табуляторы, разработанные Германом Холлеритом, технические предки современных компьютеров. Точки зрения, согласно которой, не столько медиа формирует социокультурную динамику, сколько социокультурная динамика приводит к появлению новых медиа, придерживается Дж. Крэри – исследователь, описавший радикальную трансформацию восприятия, произошедшую в начале 19 века и наиболее ярко проявившуюся в области медицинских оптических приборов, и впоследствии подготовившую почву для появления фотографии. «Эти центральные компоненты «реализма» и массовой визуальной культуры XIX века предшествовали изобретению фотографии и никоим образом не

---

¹²⁴ См. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. London: Penguin, 2011.

¹²⁵ См. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

¹²⁶ Манович Л. Язык Новых Медиа. М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2018. С. 58.

нуждались в фотографических процедурах или даже в развитии техник массового производства»¹²⁷.

Медиа являются творением рук человеческих и, вместе с тем, расширением человеческих органов восприятия. В этом смысле медиа являются вторичными и производными от человека и общества, однако медиа, будучи введёнными в эксплуатацию, несут в себе определённый посыл, потенциалы и возможности вне зависимости от того, как их используют. Подлинные технические инновации, внедряясь в человеческие практики, революционно меняют социальный уклад и способы производства материальной жизни общества. Изменение социального уклада меняет человеческие практики, вслед за чем меняется сам способ мышления. Речь идёт о взаимобратимом соотношении: человек конструирует медиасреду, медиасреда конструирует чувственность и образ мысли человека. Такие глобальные медиально-технологические инновации, как книгопечатание, телераф, телевидение, интернет, будучи введёнными в производство, радикально меняют не только человеческий жизненный уклад, но и человеческое мировоззрение. На смену описанной Маклюэном «галактики Гутенберга» приходит «галактика интернет»¹²⁸.

---

¹²⁷ Крэри Д. Техники наблюдателя. М.: V-A-C press, 2014. С. 32.

¹²⁸ См. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

2. Генезис протокольной структуры интернета.

2.1. Разработка фундаментальных протоколов.

История создания интернета полна свежих идей, невероятных событий и ярких личностей. Как пишет М. Кастельс: «Создание и развитие интернета – это удивительная история о дерзком предприятии людей, не боявшихся действовать, и яркий пример того, как, открывая путь новой реальности, люди способны выходить за рамки целей, которые ставят перед ними организации, преодолевать бюрократические барьеры и действовать вразрез с устоявшимися ценностями»¹²⁹. Несмотря на привлекательность изучения истории интернета, наш подход к этой истории будет чисто функциональным. Чтобы понять, как работает протоколно-интерфейсная архитектура, фундирующая интернет, нужно прояснить, из каких идей исходили пионеры интернета при написании кода и как эти идеи были в нём зафиксированы. Для прояснения имеющейся налично протоколно-интерфейсной организации интернета мы считаем необходимым воспользоваться историко-генетическим методом. Мы будем рассматривать только те моменты истории интернета, которые позволят понять, как интернет стал возможен именно в том виде, в каком мы его имеем налично. История интернета подробно изложена в ряде англоязычных исторических работ, поэтому нам нет необходимости обстоятельно и скрупулёзно описывать историю становления интернет-сети, нам лишь нужно нанести на шкалу истории реперные точки, которые будут способствовать дальнейшему исследованию¹³⁰. Общее же представление об истории интернета можно получить в работе Мануэля Кастельса «Галактика Интернет»¹³¹, в статьях

---

¹²⁹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 22.

¹³⁰ См. Abbate J. *Inventing the Internet*. Cambridge, MA: MIT. Press, 1999.
Naughton J. *A Brief History of the Future: The Origins of the Internet*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1999.

¹³¹ См. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Ричарда Барбрука¹³² и манифесте интернет-пионера Джарона Ланира¹³³, историю создания и распространения персональных компьютеров в Америке, выигравших в конкурентной борьбе со специализированными информационными устройствами, такими как суперкомпьютеры компании ИВМ и интеллектуальные пишущие машинки, можно узнать из труда Джонатана Зиттрейна «The future of the Internet and how to stop it»¹³⁴. Помимо истории становления протокольной структуры интернета и реконструкции исторического контекста, в котором находились разработчики, в этой главе будут встречаться отдельные вкрапления из истории исследований интернета. Поскольку до 90-ых годов говорить об интернет-исследованиях как об отдельном направлении теоретической работы, тем более как об отдельной дисциплине, представляется в высшей степени проблематичным, отдельные исследования и направления концептуализации этого периода не были вынесены нами в раздел данной работы, посвящённый собственно истории интернет-исследований, а оставлены в том историческом контексте, в котором они находились и развивались.

История информационной технологии, которая позже получит название и приобретёт протокольную форму интернета, берёт своё начало с создания агентства по перспективным исследовательским проектам ARPA (Advanced Research Projects Agency), инициированного министерством обороны США в 1958 году, то есть во времена «холодной войны». Основной задачей агентства являлось достижение технологического превосходства над СССР, который 4 октября 1957 года запустил в космос первый искусственный спутник Земли. В сентябре 1969 года появляется ARPANET – первая сеть, разработанная ИПО (Information Processing Techniques Office), одним из подразделений ARPA. В основу ARPANET была положена новейшая технология коммутации пакетов, разработанная независимо друг

---

¹³² См. Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

¹³³ См. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

¹³⁴ Zittrain J.L. The Future of the Internet – And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

от друга Полом Бараном и Дональдом Дэвисом. Революционность данной технологии заключалась в том, что сеть была *децентрализована*, что позволяло построить систему коммуникаций военного назначения, способную выдержать ядерный удар, так как уничтожение одного из узлов системы не выводило из строя всю сеть.

Как работает технология коммутации пакетов? Пакет – это «маленький кусочек файла, передаваемый от узла к узлу в Сети примерно так, как передаётся эстафетная палочка»¹³⁵. Файл состоит из «битов» (аббр. англ. **binary digit** – двоичное число + игра слов: англ. **bit** – кусочек). У передаваемого пакета есть адрес назначения, но маршрут не зафиксирован – каждый пакет может проходить через разные узлы сети. Если один из узлов не подтвердил получения пакета или загружен другими пакетами, из-за чего снизилось его быстродействие – передающий узел передаст пакет по другому узлу. Если и другой узел не ответит, операция будет повторяться до тех пор, пока каждый пакет не дойдёт до пункта назначения. По замыслу создателей, чем больше узлов в сети, тем она прочнее и быстрее. Незаменимых узлов нет, всегда есть обходные пути, это оптимизирует процесс доставки сообщения. Пакетная архитектура до сих пор лежит в основе конструкции интернета.

Первыми узлами ARPANET стали два калифорнийских университета и университет в Юте. К 1971 году количество узлов выросло до пятнадцати, большинство из которых являлись научными центрами. Для объединения различных не связанных друг с другом сетей потребовалась стандартизация протоколов, в 1973 году эта задача была частично решена с помощью появления протокола TCP (англ. **transmission control protocol**)¹³⁶. В июле 1977 года Винтон Сёрф и Роберт Кан впервые продемонстрировали передачу данных с использованием TCP по трем различным сетям. В 1978 году Винтон Сёрф, Джон Постел и Дэни Кохэн решили разбить TCP на две части, добавив

---

135 Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 197.

136 Разработкой этого протокола занимались Винтон Сёрф (Стэнфордский университет), Жерар Леланн (научно-исследовательская группа French Cyclades) и Роберт Меткаф (Xerox PARC).

к нему протокол интернета IP (англ. Internet Protocol). TCP отвечал за разбивку сообщения на дейтограммы и соединение их в конечном пункте отправки. IP выполнял функцию передачи (с контролем получения) отдельных дейтограмм. В результате появился известный нам протокол TCP/IP, на основе которого и работает современный интернет. 1 января 1983 года ARPANET окончательно перешла на новый протокол, это событие стало официальной датой рождения интернета.

В феврале 1990 года ARPANET был выведен из эксплуатации как технологически устаревшая модель. Интернет наконец-то вышел из военного окружения, что положило начало его молниеносному и глобальному распространению. Открытая архитектура, в совокупности со стандартизацией протоколов, предоставляла широкие возможности коммерциализации, что привело к тому, что уже «в начале 1990-ых годов несколько интернет-провайдеров построили свои собственные сети и создали свои собственные шлюзы на коммерческой основе»¹³⁷. Результатом этого стало широкое и повсеместное распространение интернета. Открытая архитектура позволяла добавлять всё новые и новые узлы, расширяя сеть, фактически, до бесконечности, вместе с тем повышая стабильность её работы.

Естественно, TCP/IP не был единственным протоколом, претендовавшим на место международного стандарта. Более того, TCP/IP стал господствующим вопреки воли телекоммуникационных компаний и ведомств Европы. Международный союз электросвязи в 1976 году принял в качестве международного другой протокол – x.25, на базе которого работала информационная система «Minitel». Эта система была создана в конце 70-ых годов во Франции, где пользовалась большим успехом до того, как во Франции появился интернет. Виртуальные линии связи, фундирующиеся на x.25, контролировались государственными сетевыми провайдерами, поэтому, естественно, крупные государственные телекоммуникационные компании

---

¹³⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 26.

выбрали именно его в качестве международного стандарта. Владельцам персональных компьютеров предоставлялась возможность подключения к единой сети, контролируемой государством или частными компаниями, вместо возможности создавать множество сетей на основе открытых протоколов для дальнейшей интеграции с уже существующими сетями. Закрытые протоколы x.25 были приняты государственными телекоммуникационными сетями и рядом коммерческих сетей, в то время как ARPANET и частные американские сети продолжали использовать TCP/IP. Несколько попыток согласовать интересы различных правительств и привести все страны к единому стандарту провалились. Это привело к тому, что был утверждён принцип многоуровневого представления протоколов. Поскольку TCP/IP обладал гораздо большей гибкостью и возможностью интеграции других сетевых систем, он просто поглотил протоколы на основе x.25. Таким образом, TCP/IP стал общим стандартом глобального интернета благодаря своей открытости, гибкости и широким возможностям интеграции локальных сетей. Утверждение открытого протокола TCP/IP, в свою очередь, зафиксировало децентрализованность сети в качестве закона сетевой коммуникации.

Борьба между открытым протоколом TCP/IP и закрытым x.25 спровоцировала активную полемику о допустимости и пределах вмешательства государства в новую цифровую среду. Раньше такой полемики не было, поскольку, с одной стороны, цифровая среда, выходящая за пределы локальных и закрытых университетских сообществ, лишь начала формироваться, а во-вторых, разработка протоколов ARPANET осуществлялась на деньги Пентагона США. Однако после того как интернет вышел из своего военного окружения, ключевую роль в его развитии стали играть корпорации, характеризующиеся закрытой структурой и проприетарным владением информацией, и пионеры сети, обладающие личными некоммерческими инициативами. На пересечении интересов этих двух стейкхолдеров родилась вторая полемическая тема, споры вокруг

которой не умолкают до сих пор: должен ли интернет и интернет-протоколы быть инклюзивными и доступными для всех, или же доступ к интернету должен быть опосредован рынком? Можно переформулировать эту дилемму следующим образом: интернет – это социальное благо или услуга? Ответ на данный вопрос непосредственным образом влияет на стратегию развития интернета. Обозначились три основных интересанта-стейкхолдера – государства, корпорации и пользователи как принимающие непосредственное участие в построении сети, так и просто находящиеся в ней.

Первой весточкой идеологического противостояния пользователей и корпораций стал манифест Теда Нельсона «Computer Lib»¹³⁸, написанный в 1974 году, задолго до появления интернета. В этом манифесте Нельсон осуждает способы, которыми корпорация IBM пытается централизовать hardware (аппаратное обеспечение) и software (программное обеспечение) в своих руках. Нельсон призывает пользователей повышать уровень своей компьютерной грамотности, чтобы создавать комфортную и свободную от корпораций цифровую среду.

Интернет объял весь мир, став действительно глобальной «сетью сетей», с помощью приложения, разработанного сэром Тимом Бернерсом-Ли. Это приложение, широко известное в мире как всемирная паутина или World Wide Web (WWW), было создано в декабре 1990 года. Бернерс-Ли совместно с Робертом Кайо разработали программное обеспечение, которое дало возможность быстрого считывания и передачи информации между компьютерами, подключёнными к сети: HTTP, HTML, URL¹³⁹. Приложение

---

¹³⁸ Nelson T. Computer Lib / Dream Machines [Электронный ресурс] – 1974. URL: http://www.newmediareader.com/book_samples/nmr-21-nelson.pdf (дата обращения - 28.02.2021)

¹³⁹ HTTP (англ. HyperText Transfer Protocol) — протокол передачи гипертекста, протокол прикладного уровня передачи данных.
HTML (англ. HyperText Markup Language) – язык гипертекстовой разметки, стандартный язык разметки документов во Всемирной паутине.
URL (англ. Uniform Resource Locator) – единообразный локатор (определитель местонахождения, указатель) ресурса.

WWW было простым и удобным для обработки больших массивов информации за счёт добавления функции гипертекста, появление которой было предсказано Тедом Нельсоном в манифесте «Computer Lib»¹⁴⁰.

На основе этого программного обеспечения молодые хакеры по всему миру стали разрабатывать веб-браузеры для работы в интернете. Самым удачным был проект бесплатного браузера Navigator, разработанный в 1994 году компанией Netscape Communications. Лишь год спустя появился всем известный браузер Internet Explorer, разработанный корпорацией Microsoft. Что примечательно, глава Microsoft – Билл Гейтс – признал, что он очень поздно осознал огромные структурные изменения, вызванные появлением сети¹⁴¹. Запуск знаменитой операционной системы Windows 95 откладывался «до тех пор, пока не были готовы инструменты этой системы, предназначенные для поддержки деятельности сообществ в киберпространстве»¹⁴². Многие сторонники движения за «открытые исходники», идеологические враги проприетарного владения информацией, расценивали это, как неспособность больших корпораций приспособиться к увеличивающейся скорости информационных потоков. Движение за «открытые исходники», равно как и движение за «свободное программное обеспечение», является важной частью исторического контекста, в который были погружены люди, создавшие ключевые протоколы посредством которых работает современный интернет. Идеи, коммуницирующиеся в данных социальных движениях, оказали мотивирующее воздействие на пионеров сети, следовательно, нашли своё отражение в программном коде. Поэтому имеет смысл остановиться на этих движениях подробнее.

2.2. «Открытые исходники» и «Свободное ПО».

---

¹⁴⁰ См. Nelson T. Computer Lib / Dream Machines [Электронный ресурс] – 1974. URL: http://www.newmediareader.com/book_samples/nmr-21-nelson.pdf (дата обращения - 28.02.2021)

¹⁴¹ См. Gates B. The Bill Gates Column // The Guardian. 1995. P. 14.

¹⁴² Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 44.

После того как развитие интернета перестало финансироваться Пентагоном, главным инструментом государственного планирования США, ключевую роль в его развитии стали играть корпорации, характеризующиеся закрытой структурой и проприетарным владением информацией, и пионеры сети, обладающие личными некоммерческими инициативами. Интернет, каким мы его знаем, не мог бы существовать без DIY¹⁴³ культуры, распространённой в среде пионеров сети. Согласно свидетельству интернет-пионера Дж. Ланира: «Возникновение всемирной паутины было редким примером того, как мы получили новую позитивную информацию о человеческом потенциале. Кто мог предположить (по крайней мере вначале), что миллионы людей вложат так много в проект без рекламы, угрозы коммерческого наказания, харизматичных фигур, политики идентичности, эксплуатации страха смерти и других классических для человечества мотиваторов»¹⁴⁴. Примеров того, как люди «дарили» свои программы интернет-сообществу, бесплатно выкладывая результаты своего труда в сеть, великое множество, вот лишь некоторые из них:

1. В 1977 году студенты Уорд Кристенсен и Рэнди Сьюсс написали программу Modem, которая позволяла обмениваться файлами между ПК. Программа получила свободное распространение в сети.
2. В 1983 году программист Том Дженнингс создаёт FIDONET, сеть из BBS¹⁴⁵, получившую широкое распространение в Америке, Европе и даже СССР. Дженнингс, анархист по политическим убеждениям, создавал Fido «под себя», чтобы переписываться со своим партнёром Джоном Мэдиллом.
3. В 1981 году студенты Айра Фукс и Грейдон Фриман организовали сеть BITNET на базе протоколов IBM. После прекращения финансирования

---

¹⁴³ Аббр. англ. «Do it yourself» – «Сделай это сам».

¹⁴⁴ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 30.

¹⁴⁵ Аббревиатура «Bulletin Board System» (англ.) — «Электронная доска объявлений».

этой сети корпорацией IBM, сеть продолжила существовать за счёт дотаций пользователей. Существует и по сей день.

Ценности открытости исходников и свободного творчества программистов, разделяемые членами движений, которым посвящен данный раздел, оказывают большое влияние на культуру программистов, существующую актуально. Благотворительные «хакатоны» – форумы для разработчиков, во время которых программисты за ограниченное время решают творческую задачу, причём результаты решения нередко выкладываются в открытый доступ – являются достаточно распространённым явлением, а заявления об открытости исходного кода различных приложений для его пользователей и всех интересующихся является частым и успешным маркетинговым ходом, повышающим популярность этого приложения у пользователей.

Добавим, что первые персональные компьютеры, появившиеся в 1970-ых, вопреки ожиданиям, не были продукцией компании Microsoft, Apple, IBM (последняя ориентировалась на выпуск промышленных суперкомпьютеров для корпораций, а не персональных компьютеров) или других крупных рыночных игроков. Пользователи самостоятельно покупали процессор фирм Timex / Sinclair Z-1000 или Texas Instruments TI-99 / 4A и подключали его к обычным бытовым приборам. Телевизор служил дисплеем, аудиомэгнитофон использовался для хранения и извлечения данных, в том числе кода для перепрограммирования работы компьютера. Программное обеспечение для этой машины «собери сам» тоже писалось пользователями и распространялось посредством специализированных журналов¹⁴⁶.

Важно отметить, что такого рода аппаратные устройства могли поддерживать программное обеспечение, не созданное или не доступное на момент приобретения устройства. Производители процессоров продавали устройство не с фактическим жёстко заданным функционалом, как в

---

¹⁴⁶ См. Zittrain J.L. The Future of the Internet – And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

калькуляторе или компьютерах фирмы IBM, а с «потенциальной функциональностью», с возможностью написания собственного кода и пользовательских программ под свои нужды. Компания IBM использовала бизнес-стратегию, согласно которой фирмы арендуют продукцию IBM, а не приобретают в собственность. IBM предлагала комплексные решения для конкретных проблем, которые существовали перед клиентом, программное обеспечение было хорошо адаптировано к рабочей практике клиента, но не было гибким. Сторонних рынков программного обеспечения не существовало. Как кофемашина создана для производства кофе, так компьютеры IBM того времени были созданы для конкретных задач, сторонние программы на таком компьютере не запустишь, как не заставишь кофемашину варить пиво. На рынке персональных компьютеров произошло разъединение аппаратного обеспечения и программного. Под один и то же hardware можно было написать различный код и получить разную функциональность.

Значимость отделения программного обеспечения от аппаратного состоит в том, что пользователь может приобрести компьютер для одной цели, но использовать его для выполнения других задач, появляющихся в ходе эксплуатации. При этом не нужно ничего подкручивать и менять в «самой коробке», не нужно производить механического вмешательства, как при поломке часов. Акт написания программного обеспечения отделяется от акта механической перенастройки машины, это экономит время, которое требуется для переключения машины между отдельными задачами и существенно уменьшает количество навыков, которые требуются как специалисту, так и рядовому пользователю для написания нового программного обеспечения. Существенно важно то, что разведение hardware и software создаёт отдельный рынок программного обеспечения. Вместо инструкций о том, как перенастроить устройство для добавления новой функции, можно передавать код, который взаимодействует непосредственно с самой машиной. Не нужно быть разработчиком компьютерных игр, чтобы

установить игру на персональный компьютер. ПК стал устройством, которое могут программировать сами пользователи, это открыло путь к революционно быстрому развитию сферы разработки программного обеспечения.

В разработке и распространении интернета был задействован труд многих тысяч пользователей, работавших не на коммерческой основе. Работая в сети, распространяя свой софт бесплатно, люди увеличивали возможности сети, обживали новое киберпространство. Их мотивировала возможность создать что-то новое, тем самым заслужив авторитет у таких же разработчиков, как они сами. В среде первопроходцев сети большим авторитетом обладало движение за «открытые исходники», которое приобрело особую популярность у пользователей UNIX. UNIX – это операционная система, разработанная компанией Bell Laboratories, а после переданная для использования университетам, с разрешением вносить изменения и правки в её исходный код. Летом 1980 года в Калифорнийском университете Беркли система UNIX объединилась с APRANET, что во многом определило структуру современного интернета.

Начинает активно обсуждаться тема авторского права, сначала сугубо в области кода, но со временем тема экстраполируется и на область производства культуры. Как пишет М. Кастельс: «В 1984 году программист из Artificial Intelligence Laboratory Ричард Столлман в знак протеста против решения корпорации АТТ заявить права собственности на UNIX основал Free Software Foundation, предложив заменить авторское право (copyright) на «copyleft». Условия «copyleft» подразумевали, что любой пользователь программного обеспечения, сделанного общедоступным, должен был, в свою очередь, распространить через Интернет улучшенный программный код»¹⁴⁷. Столлман, один из ярких представителей идеологии «свободного ПО», боялся, что экспериментальная субкультура информатики может быть

---

¹⁴⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 28.

помножена на ноль, если процесс коммерциализации, то есть огораживания кода авторским правом, не будет остановлен. «Поэтому у Столлмана появился план. Никогда больше компьютерный код и культура, которая выросла с ним вместе, не будут заключены в ловушку коммерции и легальности»¹⁴⁸. Ричард Столлман решил разработать собственную операционную систему (далее – ОС), работающую на основе UNIX, полностью свободную от влияния крупных корпораций и их юристов. С этой целью он основал проект GNU (аббр. англ. «Gnu is not Linux»). В ходе работы над проектом было написано огромное множество пользовательских программ, однако с написанием ядра первой свободной ОС вышли затруднения.

Тем временем движение за «свободу ПО» набирало обороты. Это привело к тому, что в 1991 году 22-летний студент Хельсинкского университета Линус Торвальдс, под впечатлением от учебника Эндрю Таненбаума «Операционные системы: разработка и реализация»¹⁴⁹, на основе программного кода UNIX разработал ядро первой «свободной», то есть созданной пользователями, а не корпорациями, операционной системы. В результате голосования, проведённого среди пользователей Usenet, ядро получило название LINUX. Пользовательским интерфейсом для нового ядра стали программы, разработанные в ходе проекта GNU.

Ядро Linux было выложено в общий доступ с предложением попытаться его улучшить, выкладывая результаты в сеть. Продуктом такого коллективного творчества стала разработка одной из надёжнейших операционных систем современности, уступающей Mac OS или Windows разве что в удобстве эксплуатации. Новый способ разработки ПО, после

---

¹⁴⁸ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 200.

¹⁴⁹ См. Таненбаум Э., Вудхалл А. Операционные системы: Разработка и реализация. СПб.: Питер, 2007.

публичного представления Э. Раймондом своего эссе «Собор и базар»¹⁵⁰, получил название «базарного». «Базарный» способ разработки отличается от «соборного» тем, что код разрабатывается в режиме онлайн на виду интернет-общественности, каждый желающий может принять участие в разработке. Главной идеей эссе Раймонда и всего движения за «открытые исходники» является утверждение, что «при наличии достаточного количества глаз = все ошибки всплывают»¹⁵¹. Раймонд назвал это «законом Linux».

Успех в разработке GNU/Linux вдохнул в движение за «свободное ПО» новую жизнь, наглядно показав, что множество заинтересованных людей может работать ничуть не хуже, чем «закрытые» корпорации, пользующиеся «соборной» или проприетарной моделью разработки ПО.

Сюжет борьбы между героями-новаторами и жадными до прибыли корпорациями разыгрывается и по сей день в интернет-исследованиях. Социальное благо, каким в данном случае подразумевается интернет, должно быть доступно и инклюзивно, в то время как дельцы присваивают его себе в качестве собственности, огораживая интернет и цементируя тем самым социальное неравенство. Как замечает французский социолог П. Фличи: «Интернет-культура развивалась в 1970-ые и 1980-ые в достаточно закрытом академическом сообществе и несколько отщепенцев, выпавших из университетского мира, пытались заниматься компьютерами сами по себе. Культура хакеров была, очевидно, в чём-то схожа с культурой хиппи»¹⁵². К «кибер-хиппи», которые несмотря на маргинальное положение по отношению к академической среде и корпоративным мозговым трестам, оказали большое влияние на становление новой исследовательской области, можно отнести сторонников движения за открытые исходники Ричарда

---

¹⁵⁰ Это эссе, вместе с тремя другими – «Заселяя ноосферу», «Волшебный котёл» и «Месть хакеров» – опубликовано издательством O'Reilly с условиями Open Publication License: Raymond E.S. The Cathedral & the Bazaar. O'Reilly, 2001.

¹⁵¹ См. Raymond E.S. The Cathedral & the Bazaar. O'Reilly, 2001.

¹⁵² Flichy P. The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // Business and Economic History. 2004. Vol. 2. P. 1–11.

Столлмана и Эрика Раймонда, а также Теда Нельсона и Ричарда Барбрука, не являвшихся сторонниками данного движения. Лейтмотивом в работах данных исследователей являлся своего рода модернизированный миф о грехопадении: «Изначально созданный для учёных и исследователей, чтобы свободно обмениваться информацией, интернет превратился в источник прибыли для предпринимателей и корпораций»¹⁵³.

Во многом исследователи цифровых технологий до 1990 года акцентировали своё внимание не столько на том, какая техническая инфраструктура *существует* в данный момент, сколько на том какой она *должна* быть. В то же время вне пространства субкультуры программистов и хакеров начинают складываться аналитические центры по изучению *наличествующих* компьютерных технологий и социальных отношений, складывающихся вокруг них. Однако вопрос о связи технологий с социальными изменениями часто носил второстепенный характер, на первом месте была инженерия новых машин и программного обеспечения. «До 1990 были основаны 12 исследовательских центров, среди них – корпоративные центры исследований (IBM и Yahoo), организации при Министерстве безопасности США (The Networking and Security Group), институты, связанные с сетевым анализом (Web Science и International Network for Social Network Analysis), центры, связанные с медиа, инновациями, производством и искусством (Institute for the Unstable Media, InfoMus Lab, The MIT Media Lab, Department of Human Centered Design & Engineering (HCDE), The Center for the Sociology of Innovation (CSI)). Также были созданы независимые междисциплинарные центры – The Institute of Computing Technology (Китай) и Institute of Communications Studies (Великобритания)»¹⁵⁴.

В качестве основных тем исследовательских центров можно выделить прикладную лингвистику, программирование и оперирование базами

---

¹⁵³ Robinson G. A mythic perspective of commodification on the World Wide Web // First Monday. 2002. Vol. 7. №3.

¹⁵⁴ Колозарици П. В. Утопия и идеология в исследованиях интернета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №5. С. 148.

данных. Так же появляются первые центры развития технологий, где разрабатываются программы и, что важнее для данного исследования, изучается их взаимодействие с пользователями. Интернет-исследования не выделяются в отдельную область, социогуманитарный дискурс находится на службе у инженерных задач.

2.3. Web 2.0.

Поворотным событием для развития сети стало появление методики проектирования систем, получившей название Web 2.0 и новых сайтов соответствующего поколения. Web 2.0 (далее «веб 2.0») – это термин, введённый Тимоти О’Рейлли в статье «Что такое Web 2.0?»¹⁵⁵. Под термином «веб 2.0» понимают методику проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются. В системе, спроектированной по модели веб 2.0 предполагается, что контент генерируется и модерируется пользователями, а не владельцами этих веб-приложений. Это означает отход от проприетарного контроля за информацией, свойственного «доткомам» (англ. «dotcom», «.com» – коммерческие сайты), в сторону рассмотрения веба как платформы, поля действия.

Веб-сервисы нового поколения изменили направление развития интернета, сделав своей опорой силу слабых связей¹⁵⁶, горизонтальных взаимодействий, «мудрость толпы» и «гениальность множества». Веб-приложения (к которым добавляются Napster и BitTorrent, которые не являются веб-приложениями, но тоже относятся к поколению веб 2.0) становятся платформами для осуществления координации пользователей. Платформы, спроектированные по лекалам нового поколения,

---

¹⁵⁵ См. O’Reilly T. What Is Web 2.0 [Электронный ресурс] – 2005. URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁵⁶ См. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // Sociological theory. Malden (MA), 1983. Vol. 1. С. 201-233.

ориентированы на создание и поддержание устойчивой коммуникации между пользователями.

Одну из главных ролей в поднятии авторитета концепции веб 2.0 сыграл мировой финансовый кризис 2001 года, получивший название «пузырь доткомов». Существует множество трактовок причин, вызвавших этот кризис. Мануэль Кастельс связывает кризис с «информационной турбулентностью»¹⁵⁷, и считает, что «пузырём» его назвать нельзя. Дарья Сергеевна Барина полагает, что «последовавший в конце 1990-ых крах компаний «дот-комов» отрезвил и бизнес, и учёных, доказав, что виртуальное пространство нужно осваивать с учётом географии и национальных особенностей»¹⁵⁸. Наконец, Тимоти О’Рейлли считает крах доткомов «поворотным пунктом» для интернета: «“мыльные пузыри” и, как результат этого, падение акций – неизбежно сопутствуют всем технологическим революциям. Падение акций обычно происходит тогда, когда новая технология готова занять центральное место на сцене»¹⁵⁹. Последняя трактовка звучит убедительней всего, поскольку объясняет, почему после кризиса 2001 года, пышным цветом расцвели многочисленные сайты, работающие на совершенно других принципах, чем их предшественники.

Сайты старого поколения (веб 1.0) – это «единственный поставщик ПО с впечатляющей базой инсталляций, сильно интегрированной ОС и API, дающим контроль над парадигмой программирования»¹⁶⁰. Сайты нового поколения (веб 2.0) – «это система, у которой нет владельца, собранная вместе с помощью множества протоколов, открытых стандартов и

---

¹⁵⁷Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 320.

¹⁵⁸ Барина Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства интернета // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. М: ИНИОН РАН, 2013. С. 19-34.

¹⁵⁹ O’Reilly T. What Is Web 2.0 [Электронный ресурс] – 2005. URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁶⁰ Там же.

соглашений о сотрудничестве»¹⁶¹. Сайты веб 2.0 обладали более «естественной» для интернета архитектурой, позволявшей использовать потенциал сети, заложенный в интернет-протоколы: аккумулировать труд анонимной толпы, сделать своей силой слабые связи. Сайты поколения веб 1.0 уходят в прошлое, так как не обладают достаточной гибкостью и не пользуются спросом на цифровом рынке. Как сказал Тим О’Рейли: «Платформа всегда выигрывает у приложения»¹⁶².

После того как посредством историко-генетического метода был прояснён исторический контекст, в котором находились разработчики протоколно-интерфейсной архитектуры интернет-сети, и ключевые идеи, из которых исходили разработчики, а также приведены отдельные сюжеты из истории исследований интернета, которые чаще всего осуществлялись людьми, принимающими непосредственное участие в создании технической архитектуры интернета, поскольку интернет-исследования в то время ещё не выделились в отдельное направление академических исследований, мы можем приступить к экспликации сущностных характеристик интернет-технологий и их влияния на динамику социальных отношений, установившихся в интернет-сети и сложившихся вокруг использования интернет-технологий.

---

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² О’Reilly T. What Is Web 2.0 [Электронный ресурс] – 2005. URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 10.03.2021).

3. Уроки истории. Послание интернет-медиа.

После описания исторического контекста разработки интернета и того ряда идей, которые оказали влияние на разработчиков и, следовательно, были зафиксированы в интернет-протоколах, фундирующих интернет, можно перейти к анализу «послания» интернет-медиа, диагностике социокультурных последствий становления интернета в таком виде, в каком мы его имеем налично.

Когда речь заходит об интернете, перед исследователем предстают как минимум три взаимосвязанных уровня, представляющих различную аналитическую важность, в зависимости от того, какие перед исследователем стоят задачи. Речь идёт о:

1. Технической сети электрических потоков, совокупности серверов, электрических и оптоволоконных кабелей, составляющих необходимые условия возможности существования интернета;

2. Второй уровень составляют бинарный машинный код, протокольная организация интернета, программное обеспечение, интерактивный интерфейс, которые также являются условиями возможности существования интернета, но имеют качественно другой статус и способ взаимодействия с третьим уровнем;

3. Наконец, третий уровень – социальная среда, с которыми рядовой пользователь непосредственно сталкивается, используя интернет. Именно на этом уровне происходят социальные взаимодействия и продуцирование культуры.

3.1. Технический уровень.

Никлас Луман в своей работе «Медиа коммуникации» писал: «Техническая сеть энергетических потоков является в отношении коммуникации совершенно нейтральной; иначе говоря: информация производится вне технической сети и «шумы» оказывают на неё лишь

возмущающее воздействие»¹⁶³. То есть пока вилка находится в розетке, к розетке подключено питание, а сервер не пал жертвой DDoS-атаки, техническая организация сети не имеет сколь-либо значимого влияния на характер коммуникации, установившейся в интернете. Это спорное положение, поскольку интернет-сеть имеет ряд отличий от предшествующих медиа. Эти отличия не могут не сказаться как на характере коммуникации, так и на инфраструктуре, выстроенной вокруг использования этой коммуникационной технологии. Как пишет М. Маклюэн: «Ибо сообщением любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела»¹⁶⁴. Интернет-сеть ускоряет обмен информацией. Децентрализованный способ подключения узлов сети друг к другу и технология коммутации пакетов вместе позволяют оптимизировать процесс доставки сообщения, значительно ускоряя обратную связь. Обмен информацией интенсифицируется и кратно возрастает, что даёт теоретикам основания называть современную стадию развития капитализма «информационным обществом»¹⁶⁵, хотя, конечно, не информационных обществ не бывает. Сама скорость коммуникации отражается на её характере: сообщения сжимаются, становятся более краткими и ёмкими. Кроме того, ускорение коммуникации упраздняет проблему, связанную с физическим расстоянием и временем, которое требовалось, чтобы информация могла это расстояние преодолеть. Мир таким образом становится глобальным, что расширяет возможности ведения бизнеса. Лишает бизнес локального контекста и позволяет использовать широкие возможности аутсорсинга (англ. «*outsourcing*» – использование сторонних подрядчиков) и краудсорсинга (англ. «*crowdsourcing*» – привлечение к решению задач широкого круга лиц,

---

¹⁶³ Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Издательство «Логос», 2005. С. 135.

¹⁶⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц, 2003. С. 10.

¹⁶⁵ См. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330—342.

работающих на добровольной основе). У бизнесмена может не быть постоянного офиса, склада, работников и других неизменных атрибутов бизнеса старой модели, что не мешает его предприятию эффективно выполнять поставленные задачи. Это существенно снижает издержки ведения бизнеса, что, конечно, отражается на инфраструктуре отдельных предприятий и общества в целом.

С другой стороны, общество становится всё более уязвимым перед лицом техногенных катастроф, что, в свою очередь, приводит к увеличению хозяйственных и технических затрат на защиту технически обусловленных структурных сцеплений, обеспечивающих непрерывность коммуникации, производящейся во всё возрастающих масштабах. Чем дальше человечество заходит на пути интеграции новейшей техники в различные области социального производства и автоматизации социальных процессов, тем большее влияние техника оказывает на человека и общество. Техническая экспансия во все сферы жизни – это умеренная плата за изменения, которые могут быть интерпретированы как прогресс: увеличение средней продолжительности жизни, выход из мальтузианской ловушки¹⁶⁶, повышение бытового комфорта. Однако технический сбой, произошедший при отправке первого сообщения «log» по сети 29 октября 1969 несёт в себе напоминание о двух вещах: 1. Малая группа энтузиастов может создать основы для развития нового мира; 2. Даже самая продвинутая техника может выходить из строя. Чем выше интеграция техники в производство непосредственной жизни людей, тем более общество уязвимо перед лицом технической ошибки/поломки. Можно возразить: человеческое общество веками обходилось без интернета, если сеть по каким-либо причинам выйдет из строя – катастрофы не последует. Но технология интернета, интегрированная в производство и распределение товаров, сетевизирует экономику. Современная система распределения продуктов (в том числе продуктов

---

¹⁶⁶ См. Блауг М. Мальтус, Томас Роберт // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс, 2008. С. 187—190.

питания) – это сложная логистическая сеть, информация о которой передаётся по интернету. Эта технология работает настолько эффективно, что нет необходимости держать продовольственные склады в жилых районах. Таким образом, глобальный выход из строя мировой сети может означать голод для миллионов людей. Или возьмём технологию «интернета вещей», о которой так много говорят в последнее время. Эта технология несёт в себе качественное повышение комфорта жизни людей, но делает бытовые приборы полностью зависимыми от стабильности работы информационной сети. Перспектива потери доступа к содержимому холодильника, вызванной сбоем в интернет-сети, представляется достаточно дистопичной. Не важно, что послужит причиной сбоя: протуберанцы на Солнце, вызывающие магнитные бури на Земле, которые перегружают электросети и выводят из строя искусственные спутники¹⁶⁷; или компьютерный вирус, запущенный сообществом очередных «киберфашистов» в качестве акта устрашения¹⁶⁸. Если обозначенные угрозы кажутся слишком фантастичными, то существуют примеры из реальной исторической практики. В феврале 2008 года правительство Пакистана дало команду своим интернет-провайдерам заблокировать доступ к YouTube для граждан Пакистана из-за «антиисламского содержания» контента. Обычная ситуация, многие правительства пытаются цензурировать интернет-данные на территории своей страны, но компания Pakistan Telecom решила проблему блокировки очень специфичным способом. Методом URL перенаправления они закольцевали команды, посылаемые на сервера YouTube, чтобы сервер отказался обслуживать запросы. Поскольку сеть соединяет всех со всеми, пакеты с данными стали пропадать не только в Пакистане, но по всему

---

¹⁶⁷ См. «Событие Кэррингтона» / «Солнечный супершторм». Clark S. The Sun Kings: The Unexpected Tragedy of Richard Carrington and the Tale of How Modern Astronomy Began // Stuart Clark's Universe [Электронный ресурс] – 2007. URL: <https://web.archive.org/web/20100419205321/http://www.stuartclark.com/sunkings.html> (дата обращения: 10.03.2021)

¹⁶⁸ См. LovinGOD. Киберфашизм [Электронный ресурс] – 1998. URL: <http://dooma.ru/article.php?fid=3345> (дата обращения: 10.03.2021)

миру¹⁶⁹. Неполадка была исправлена меньше, чем за один день, однако это не отменяет того факта, что интернет – глобальная система, построенная на доверии – может пострадать из-за одной злонамеренной команды. Любой из возможных катастрофических сценариев сопряжен с увеличивающимися, прямо пропорционально росту технических систем, глобальными рисками.

3.2. Протокольный уровень.

Протокольная архитектура интернета унаследовала от своего предка – коммуникационной сети военного происхождения ARPANET – ряд характеристик, а именно – децентрализацию и непрозрачность.

Децентрализация. ARPANET разрабатывался как система коммуникаций военного назначения, способная выдержать ядерный удар. Для увеличения надёжности системы её сделали децентрализованной, чтобы лишить потенциального врага возможности повредить систему. Вражеский шпион или ядерная боеголовка не смогут уничтожить «главный узел», если «главного узла» просто нет.

Непрозрачность. По схожим причинам ARPANET был сделан непрозрачным с помощью технологии коммутации пакетов. Если вражеский шпион получит доступ к узлу сети, то он не сможет перехватить сообщение, поскольку, как пишет Дж. Ланир: «Каждый пакет – всего лишь малая доля файла, так что, даже если посмотреть на содержимое пакетов, проходящих мимо, иногда трудно понять, что за файл получится, когда он будет восстановлен в пункте назначения»¹⁷⁰. Целое сообщение видно только на отправляющем узле и в пункте назначения. По мере развития интернета намеренно созданная непрозрачность только усиливалась. Большинство исследователей интернета, напротив, выделяют *прозрачность* в качестве главенствующего принципа работы интернета. Здесь нет противоречия. Под прозрачностью чаще всего понимают следующее: «...все участники Сети

---

¹⁶⁹ Stone B. Pakistan Cuts Access to YouTube Worldwide // The New York Times [Электронный ресурс] – February 26, 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/02/26/technology/26tube.html> (дата обращения: 10.03.2021)

¹⁷⁰ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 197.

имеют доступ ко всей необходимой информации и в любой момент могут внести свой вклад»¹⁷¹. С некоторыми оговорками – это так. Под «непрозрачностью» мы понимаем отсутствие возможности изучать интернет изнутри как бухгалтерскую книгу, но только снаружи как явление природы. Интернет среда, как и любая другая социальная среда, обладает силой внешнего принуждения, которое обнаруживается со всей ясностью в случае сопротивления. Принуждение это носит двоякий характер, с одной стороны, поведение пользователя детерминировано протокольной архитектурой, с другой стороны, онлайн-сообществом. Оба типа принуждения не могут быть поняты и описаны методом интроспекции несмотря на то, что конструируются и приводятся в действие людьми. Методологическое указание изучать интернет-среду извне как факт, то есть как вещь объективно данную, соотносится с подобным же методологическим указанием, сформулированным французским социологом Э. Дюркгеймом в произведении «Метод социологии»¹⁷². Онлайн-среда, несмотря на свою сконструированность, предстаёт перед исследователем объективно, обладает непрозрачностью и оказывает отпор, подобно вещи, даже если эта принудительность не обнаруживается из-за «подручности», которая характеризует интернет как проводник. В случае сопротивления пользователя или его незнания правил пользования, интернет-среда может отказать в доступе. В конце концов, интернет, как и любая другая техническая система, всегда может обнаружить себя в ситуации поломки. Чтобы изучить как работает автомобиль, нужно прочитать профессиональный технический мануал. У интернета, равно как и общества, такого мануала быть не может, это саморазвивающаяся система. Поэтому интернет может быть прозрачным в одном отношении и непрозрачным в другом.

---

¹⁷¹ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. С. 196.

¹⁷² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.

Заказчиками создания ARPANET были военные, но работу по осуществлению этого проекта выполняли учёные, что тоже отразилось на протокольной структуре ARPANET, следовательно, всего интернета. Благодаря вкладу учёных интернет стал *открытым*, а информация, распространяющаяся в интернете, получила форму *дара*.

Как пишет Р. Барбрук: «Ученые ... даже не обсуждали других вариантов, кроме бесплатного распространения информации через новую систему коммуникаций ... Ученые ... результаты исследований делают публичными ... Цитирование опубликованных работ другими исследователями ведет к признанию в профессиональной среде, а это улучшает карьерные перспективы ученого в университетской системе»¹⁷³. Иными словами, каждый отдельный учёный заинтересован в том, чтобы его работы цитировали другие учёные, тем самым, признавая его авторитет в какой-то специализированной области знаний. Поэтому учёный делает результаты своего исследования открытыми. Учёному выгодно, чтобы его труд был распространён и признан академическим сообществом, которое, в свою очередь, тоже получает пользу от работ, выложенных в свободный доступ, так как увеличивается объём накопленных знаний. У. Хагстром в своей статье «Gift giving as an organizing principle in science»¹⁷⁴ пишет, что авторы научных статей «дарят» свои открытия академическому сообществу в надежде получить от академического сообщества признание их заслуг и научного вклада. По крайней мере так было до того, как появились научные журналы с платной подпиской и алчные издатели, ориентированные не на научные нужды, а на прибыль. Впрочем, учёные, находящиеся внутри университетов, не обращают внимание на то, что информация платная, так как платит университет или государство. Так что научное сообщество можно считать работающим посредством информационной экономики дарения,

---

¹⁷³ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 84.

¹⁷⁴ См. Hagstrom W. Gift giving as an organizing principle in science // Science in Context: Readings in the Sociology of Science. – Cambridge: MIT Press, 1982.

которая в данном случае осуществима, конечно, только при внешнем бюджетировании. Этот же способ распространения информации имплицитно заложен в протоколы, фундирующие интернет, так как учёные создавали ARPANET, ориентируясь в том числе на свои нужды. Информация в интернете «запротоколирована» в качестве «дара». Отсюда хакерский лозунг «Информация хочет быть свободной», впервые использованный Стюартом Брендом¹⁷⁵. Этот лозунг использовался в движении за «открытые исходники», одним из идейных вдохновителей которого является Ричард Столлман. Благодаря деятельности Столлмана и его коллег по цеху идеи «открытых исходников» и «свободного ПО» стали настолько популярны, что большое количество софта до сих пор пишется с открытым кодом и распространяется бесплатно.

Под *открытостью* нами понимается равная *возможность* присутствия для всех и для всего. Карл Раймонд Поппер выделял открытость в качестве одного из основополагающих свойств развитого капиталистического общества¹⁷⁶, интернет является продолжением этой логики. Открытость как одна из характеристик интернет-медиа окончательно зафиксировалась в его протокольной организации благодаря созданию протокола TCP/IP и последующей победе этого протокола в «войне» против x.25.

Благодаря разработанному Тимом Бернерсом-Ли программному обеспечению (WWW, HTTP, HTML, URL), включавшему функцию гипертекста, интернет окончательно утвердился в своей *глобальности* и приобрел *ризоматичное* строение. В отличие от линейного (древовидного) строения, ризома характеризуется наличием множественных путей обхода, точек входа и выхода. У ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца¹⁷⁷. Распределение функций между множеством элементов позволяет избежать

---

¹⁷⁵ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 51.

¹⁷⁶ См. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

¹⁷⁷ См. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010.

центрирующего принципа, свойственного линейным (иерархичным) системам. Ризома или, как её называет Бернерс-Ли – «паутина», является распределённой системой. Файлы, расположенные на различных компьютерах, подключённых к сети интернет, связываются между собой посредством гипертекста. Гипертекстовые документы, размещённые в интернете, называются веб-страницами. С каждой веб-страницы (сайта) можно осуществить переход на десятки других сайтов с помощью механизма гиперссылки. Это позволяет пользователю осуществлять нелинейные треки движения. Совокупность этих соединений и пользовательских треков составляют динамичную организацию сети. Несмотря на ликвидность организации, сеть всё же обладает некоторым потенциалом устойчивости или, как бы выразился Жиль Делёз, включает в себя «линии членения», посредством которых множество связей между веб-страницами образуют «плато»¹⁷⁸ – временные зоны устойчивости.

Напомним, что речь идёт о протокольной организации интернета. На уровне пользовательского интерфейса интернет предстаёт более центрированным. Для удобства работы в интернете были созданы «поисковики», принцип работы которых, так или иначе, внедряет иерархию в расположение веб-страниц. Ведь поисковик выдаёт какие-то страницы первыми, какие-то вторыми, чем выше сайт на странице поиска – тем больше людей на него зайдут. Благодаря таким мастодонтам интернета как Google, расположение сайта на поисковой странице можно купить, это стало выгодным бизнесом. Кроме того, по мере развития интернета изначально плоское и гладкое пространство мировой сети становилось всё более «рифлёным»¹⁷⁹, если прибегать к концептуальному аппарату Делёза. Ризома подразумевает не только открытость, но и *плоскость*. *Плоскость* – это равная *допустимость* присутствия для всех и для всего. Государство путём цензуры и коммерческие компании путём юридического огораживания

---

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

(копирайта) создают рифление пространства интернета, создавая искусственные препятствия. Результатом этих операций является то, что определённые файлы могут быть не допущены к просмотру и/или распространению. По всему миру выходят законы о блокировке сайтов с определённым контентом (например, экстремистским или нарушающим право частной собственности).

Открытая архитектура интернета затрудняет государственный и корпоративный контроль. Использование открытых протоколов предоставляет пользователю самые широкие возможности для обхода всевозможных блокировок.

3.3. Уровень социального взаимодействия и продуцирования культуры.

После всего сказанного о становлении цифрового пространства, в которое помещён пользователь, настало время поговорить о формах присутствия, которые обеспечивает пользователю органон сети. Как уже было сказано, программирование имплицитно включает в себя философскую работу по различению эссенциального и акцидентного в объекте, подлежащем оцифровке. Чтобы представить человека в цифровом пространстве, перевести его присутствие в цифровой объект – нужно понять, какие средства необходимы человеку для самовыражения, то есть решить проблему оптимального варианта присутствия в сети. Формы присутствия человека в сети менялись на протяжении истории интернета, ключевую роль в этом изменении сыграли сайты поколения веб 2.0.

Первые локальные сети, использовавшиеся для переписки и обмена файлами, появились в академических кругах и представляли собой элитарный способ коммуникации, распространённый только среди учёных, студентов и профессоров. Самые известные из них – упомянутые нами ранее Usenet и FIDO, соединяющий BBS-сети. То есть первые форумы – это коллаборация электронных досок объявлений. Эти локальные сети можно

считать предтечей современных социальных сетей¹⁸⁰. Форма присутствия на электронных досках объявлений была минималистична – пользователь присутствовал там как взгляд, имя и пост. Для самовыражения и присутствия в сети в виде профиля, электронной аватары, нужно было создавать свой персональный сайт.

Обживание цифрового пространства на начальных этапах его существования, если проводить параллели с заселением реального земного ландшафта, было схоже с индивидуальной застройкой. Но количество пользователей неуклонно росло. Не каждый из новоприбывших имел необходимые навыки для разработки собственного сайта и, конечно, не каждый имел деньги, чтобы нанять квалифицированного специалиста. Однако люди хотели присутствовать в интернете более «осяземо», что послужило одной из причин создания сайтов поколения веб 2.0.

Если персональный сайт – это пример частной застройки, то социальная сеть – это аналог панельного дома. Когда в начале XX-ого века из-за постоянно увеличивающегося населения городов, потребовались проекты массовой застройки, перед архитекторами встала непростая философская задача – определить необходимый минимум потребностей человека. Родилось множество проектов, один из самых известных – «машина для жилья» Ле Корбюзье¹⁸¹. Этот проект повышал доступность жилья, но унифицировал и стандартизировал устройство жизни горожан¹⁸². Социальные сети провели стандартизацию форм присутствия в интернете. Если раньше для самовыражения приходилось создавать персональный сайт, самостоятельно отделяя важную информацию от неважной, то сейчас социальная сеть предоставляет пользователю фиксированный набор форм к заполнению. Семейное положение, вероисповедание, любимая музыка,

---

¹⁸⁰ Здесь и далее под «социальной сетью» нами понимается цифровая платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенный для построения, отражения, организации и координации социальных взаимоотношений, складывающихся вокруг обмена информацией.

¹⁸¹ См. Корбюзье Л. Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017.

¹⁸² См. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003.

любимые фильмы etc. В результате получается удобный «человек в футляре», который предоставил всю нужную информацию для таргетирования рекламы.

Прояснение исторического контекста, в котором находились люди, разрабатывающие фундаментальные протоколы, посредством которых работает современный интернет, позволило нам эксплицировать существенно важные характеристики, влияющие на производство интернет-сообщества и осуществление коммуникации в сети. К ним относятся децентрализация и связанная с ней скорость, структурная сложность и следующая из неё хрупкость, непрозрачность, открытость, даровость и горизонтальность. После того как все указанные характеристики были раскрыты, мы можем перейти от истории интернета непосредственно к истории *изучения* интернета. Некоторые общие тенденции развития интернет-исследований были приведены уже в данном разделе, однако до середины 90-ых годов XX века можно говорить лишь о предыстории интернет-исследований в силу их малой степени институционализации. Мы начнём вести отсчёт истории интернет-исследований с того момента, когда исследовательское поле сформировалось в достаточной степени и из разрозненного пула пионерских работ начал оформляться так называемый «studies».

4. История интернет-исследований.

Интернет-исследования – это междисциплинарное направление социогуманитарных наук, посвящённое исследованию интернета и сочетающее в себе академический и прикладной моменты. Интернет-исследования не обладают жёсткими дисциплинарными границами. Как и все «studies», «internet-studies», которые наиболее адекватно переводятся на русский язык как «интернет-исследования», не обладают строгостью научной дисциплины, единым языком описания, методологическим или концептуальным консенсусом. Что же объединяет этот разрозненный пул исследований в одно направление? Во-первых, единая исследовательская область, которую можно очертить следующим образом: интернет-технологии и все социальные взаимодействия, выстраивающиеся вокруг их использования. Во-вторых, единообразный ряд проблем, часто задаваемых вопросов и повторяющихся тем.

Интернет-исследования носят социогуманитарный характер. Разрозненный пул интернет-исследований может быть фундирован посредством привлечения ресурса социальной философии. В таком случае в область интересов исследователей могут входить техническая инфраструктура, алгоритмы, «коробки» и «провода», но в фокусе будут оставаться социальные взаимодействия людей, обусловленные или обеспечиваемые этой технической инфраструктурой, а не инфраструктура сама по себе. Привлечение ресурса социальной философии позволит использовать концепты, получившие развитие в интернет-исследованиях, в исследовании того, как интернет влияет на вещи за пределами интернета: как меняется работа заводов, поликлиник, школ, общества в целом, когда в них появляется интернет, носят ли эти изменения взаимосвязанный системный характер. Ясно, что внедрение интернет-технологий в логистику продовольственных магазинов, радикальным образом меняет формы поставки продуктов. Речь идёт даже не о пресловутой «уберизации» рынка услуг, а о переменах более глубоких. Современная система поставки

продуктов крупных розничных компаний – это сложная логистическая сеть, информация о которой передаётся по интернету. Эта технология работает настолько эффективно, что нет необходимости держать продовольственные склады в жилых районах, то есть меняется материальная инфраструктура продуктовых сетей. Подобные эффекты мы можем наблюдать во многих других отраслях экономики. То есть в социально-философскую оптику интернет-исследований попадает все общественные трансформации, инициированные внедрением интернет-технологий. Если учесть, что цифровые технологии представляются в качестве новой модели «культурной гегемонии», задающей формы развития современного капитализма: «города должны стать «умными», бизнес – прорывным, рабочие – гибкими, а правительства – бережливыми и «интеллектуальными»¹⁸³, то предметная область интернет-исследований, расширенная за счёт привлечения ресурсов социально-философского анализа, так или иначе должна включать в себя эту широчайшую область социальных трансформаций.

Не всякое исследование, использующее интернет-ресурсы, относится к интернет-исследованиям. Например, если информационные ресурсы используются для сбора статистики и опросов общественного мнения по вопросам муниципального устройства, гендера, популярности действий правительства и так далее, то здесь объектом исследования выступит отнюдь не интернет и социальное взаимодействие, выстроенное вокруг его использования. В англоязычной литературе исследования, использующие интернет в качестве ресурса, принято называть «internet research» и отделять от «internet studies». Однако, если социолог обладает достаточной степенью рефлексивности, то ему придётся обратить внимание на то, что данные, полученные посредством интернет-опроса, могут (и будут) отличаться от данных, полученных путём глубинного интервью или уличного опроса. Тогда в своём исследовании социологу придётся учитывать специфику влияния интернета на проведение опросов и результаты исследования. П.

---

¹⁸³ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 11.

Колозариди предлагает разграничить смежные области собственно интернет-исследований и социальных исследований, использующих интернет как ресурс, следующим образом: «Интернет-исследователи рассматривают интернет не как обстоятельство, сопутствующее их научному интересу, а как основной предмет»¹⁸⁴.

Интернет-исследования наследуют многие методы и проблемы традиционных уже сложившихся и институционально закреплённых исследовательских программ. Особенно тесно интернет-исследования переплетены с философией техники, историей технологий, медиа-исследованиями, в том числе медиа-археологией, исследованиями языка и коммуникации, STS (Science and technology studies). В интернет-исследованиях задействованы концептуальные ресурсы антропологии, этнографии, математики, особенно математической статистики и теории графов, биологии, социологии и философии.

История интернет-исследований тесно связана с историей его создания и развития не только в том смысле, что объект изучения и затрагивающие его изменения во многом обуславливают характер и результаты исследования, но и в том, что теоретические, идеологические и утопические предпосылки разработчиков могут быть воплощены в структуре интернета, будь то осознанно или нет. Многие центры интернет-исследований являются частью медиа-корпораций, для которых вопрос теоретического описания интернета является в высшей степени прикладным. Поэтому мы можем констатировать, что во многих случаях интернет-исследования производят интернет не только как любая нормальная научная дисциплина производит свой предмет и методы его изучения, но и в том смысле, что крупные интернет-корпорации, основываясь на аналитических данных, по результатам исследования способны модернизировать техническую инфраструктуру интернета. Во многом вышесказанное относится к социальной системе в

---

¹⁸⁴ Колозариди П.В. Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. 2018. Т. 30, № 3. С. 73.

целом ввиду того, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹⁸⁵. Качественное исследование работы фондовых рынков, при условии принятия во внимание этого теоретического труда реально действующими брокерами, способно изменить работу фондовых рынков, которые являлись объектом исследования, даже если исследование не ставило себе такой цели. Однако в контексте интернета как актуально конструируемой среды, лишённой традиции и институционального наследия веков, вынуждающего считаться с собой, двойная функция знания – как описания наличного положения вещей и участие в становлении будущего – становится ещё заметней. Таким образом, производство знаний об интернете является со-производством самого интернета. Поэтому нет ничего удивительного в том, что крупные интернет-теоретики зачастую оказываются так же действующими программистами, существенно повлиявшими на то, каким интернет является в наши дни и каким он станет в будущем. Такие фигуры как Тед Нельсон, Эрик Раймонд, Ричард Столлман, Тим Бернерс-Ли, Джарон Ланир дискутировали о сущности новой информационной технологии не только и не столько, чтобы дать наиболее объективную характеристику интернета и последствий его внедрения в социальную жизнь, сколько из-за желания сделать интернет таким, чтобы эти последствия были положительными.

Исходя из данной перспективы, история интернет-исследований может быть представлена как история развития самого интернета. На каждом этапе этого развития можно обозначить круг проблем, наиболее актуальных для теоретиков и программистов того периода. В предыдущем разделе, посвящённом истории интернета как технологии, а не как исследовательского поля, мы приводили некоторые общие тенденции развития интернет-исследований, однако в силу малой степени

---

¹⁸⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 422.

институционализации подобных исследований, не сочли нужным включать их в настоящий раздел. Историю собственно интернет-исследований мы будем вести с середины 90-ых годов XX века, когда исследовательское поле сформировалось в достаточной степени, чтобы стать заметным.

4.1. Первый период. От WWW до «пузыря доткомов». Зарождение интернет-исследований.

В феврале 1990 года ARPANET был выведен из эксплуатации как технологически устаревшая модель. Интернет наконец-то вышел из военного окружения, что положило начало его молниеносному и глобальному распространению. Менее чем через год в декабре 1990 года сэром Тимом Бернерсом-Ли было разработано приложение WWW, позволившее интернету объять весь мир, став «сетью-сетей». После изобретения WWW в первой половине 90-ых стали появляться первые браузеры и поисковые системы. Интернет проникает в социальные общности и профессиональные группы, происходит укоренение интернета в социальной повседневности, вместе с тем интернет по-прежнему воспринимается как технологическое чудо, способное полностью преобразить общество. В 1996 году сэр Тим Бернерс-Ли в своём выступлении, посвящённом интернету, как новой прорывной технологии, предостерегает, что интернет несёт угрозу приватности и авторскому праву¹⁸⁶. Обе темы являются классическими для интернет-исследований, количество публикаций по ним уже измеряется десятками тысяч, и их число постоянно растёт. В качестве классического примера исследования, посвящённого трансформации приватной сферы и размытию границы между приватным и публичным, можно назвать статью З. Папахарисси «Виртуальная сфера»¹⁸⁷. По проблематичности обеспечения соблюдения авторского права в пространстве интернета – работу Р. Барбрука «Калифорнийская идеология»¹⁸⁸.

---

¹⁸⁶ Berners-Lee T. WWW: Past, present, and future // Computer. 1996. Vol. 29. № 10. P. 69–77.

¹⁸⁷ Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere // New media & society. 2002. Vol. 4. №1. P. 9–27.

¹⁸⁸ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Барри Уэллман, написавший довольно известную и влиятельную статью, посвящённую истории изменений предметного поля интернет-исследований, называет данный этап развития «эпохой безудержных умствований»¹⁸⁹. Интернет осмысливается как технология, радикально меняющая все социальные отношения, в теории превалируют утопические прогнозы и визионерство. Происходит «бум dot.com» – коммерческих сайтов с проприетарным контролем над информацией, которые можно охарактеризовать как сайты «Web 1.0». Биржа находится в оживлении, брокеры и акционеры не хотят пропустить появление и взлёт нового Microsoft или Apple и с большим энтузиазмом вкладываются в сферу IT. Одним из центров концептуализации интернета становится журнал «Wired». Как писал о нём Ричард Барбрук: «еженедельная библия виртуального класса Соединённых Штатов»¹⁹⁰, в котором преобладает неолиберальная повестка. Уэллман, в свою очередь, называет Wired «Евангелием»¹⁹¹. Этот журнал положил начало научной и журналистской карьере таких влиятельных мыслителей, как Крис Андерсон¹⁹² и Кевин Келли¹⁹³, труды которых и по сей день пользуются большим успехом у читателей по всему миру.

Намечается переход от программного обеспечения, предназначенного для облегчения коллективной работы ограниченного ряда пользователей («groupware»), к приложениям с неограниченным режимом доступа. Происходит трансформация локальных академических чатов и приложений в пространство world wide web – открытое и, как казалось исследователям того периода, бесконечное по объёму. Интернет воспринимается как

---

¹⁸⁹ См. Wellman B. The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago // *New media & society*. 2004. 6(1). P. 123-129.

Wellman B. Studying the Internet through the Ages // *The handbook of internet studies*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. P. 17-23.

¹⁹⁰ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 5.

¹⁹¹ См. Wellman B. The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago // *New media & society*. 2004. 6(1). P. 123-129

¹⁹² Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в Интернете. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

¹⁹³ Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

технологическое чудо, которое откроет дорогу в эпоху нового Просвещения, глобализирует и демократизирует весь мир. Складывалось впечатление, что все могут связаться со всеми, что временные и пространственные границы стираются, что интернет превращает мир в ту самую «глобальную деревню»¹⁹⁴, предсказанную Маршаллом Маклюэном. Джон Барлоу, соучредитель «Фонда электронных рубежей»¹⁹⁵, описывал появление интернета как «наиболее значительное событие в сфере технологий, со времён изобретения огня»¹⁹⁶. Не больше, не меньше.

В этой эйфории многие аналитики не утруждали себя сбором социологических данных, строя свои теории на гениальных догадках и своём собственном опыте пребывания в сети. Интернет провозглашался в качестве технологии, объявшей весь мир. Пространство сети описывалось как гладкое и демократичное, пользователи – как равные (peer to peer) и соединённые. Тот факт, что различия в общественном статусе, гражданстве, положении индивида в системе социальной стратификации, может влиять на наличие или отсутствие доступа к интернету, равно как и на формы взаимодействия внутри интернета, игнорировался, так как внешние по отношению к интернету социальные связи часто не учитывались исследователями.

Не стоит думать, что все описания интернета были утопичными, конечно, были и дистопичные нарративы, которые, однако, столь же мало опирались на социологические данные. Антиутопические и откровенно технофобские теоретические описания интернета часто заимствовали аргументы у традиции философии техники, апеллируя к консервативной идее, что технический прогресс разрушительно воздействует на «сущность» человека. Техника и интернет как техническая инновация отрывает человека от более ранних, следовательно, более аутентичных способов бытия в мире.

---

¹⁹⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014.

¹⁹⁵ EFF – некоммерческая правозащитная организация, ставящая своей целью защиту заложенных в конституции США и Декларации независимости гражданских прав и свобод в условиях появления новых технологий связей.

¹⁹⁶ Barlow, J.P. Is There a There in Cyberspace? // Utne Reader (March–April). 1995. P. 52.

Иными словами, интернет, производя новые формы общения, вместе с тем конструирует новые формы «неаутентичной жизни». Техника, по мысли технофобов, отчуждает нашу самость и уничтожает бытийные структуры, на которых эта самость основывалась. Техника отчуждает нас и друг от друга, заставляя больше взаимодействовать с компьютерами, чем с людьми.

Учёные и программисты пытались понять, что происходит и как интернет влияет на общество, в большинстве своём не принимая во внимание специальные знания социальных наук. Но вместе с тем появляются исследовательские центры нового типа. В отличие от старых они носят более академический, чем прикладной характер. Создаются исследовательские центры при университетах: UMSI (University of Michigan School of Information), University of Kentucky. Набирают популярность онлайн-опросы и количественные онлайн-исследования, которые получают широкое распространение в следующем периоде, который Уэллман называет «периодом подсчётов»¹⁹⁷.

Возникают организации и программы, посвящённые тематике информационного общества – «The Center for Information Society Research». Интернет становится объектом научного исследования, тема взаимодействия интернета и общества легитимируется в академической среде. Развиваются неприкладные направления исследований, которые напрямую не связаны с разработкой и внедрением технологий.

4.2. Второй период. От кризиса dot.com до 2010 года.

Институционализация интернет-исследований.

Второй век интернет-исследований начался около 2000 года, когда правительственные чиновники, мозговые тресты при корпорациях и академические учёные осознали необходимость систематического анализа интернет-взаимодействий. В классификации Уэллмана данный период называется «периодом подсчётов». Энтузиазм, сложившийся вокруг бума

---

¹⁹⁷ См. Wellman B. The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago // New media & society. 2004. 6(1). P. 123-129.

dot.com, утихал. Поскольку финансовые пузыри критически зависят от спекулятивного интереса, обеспечивающего рост активов, было вопросом времени, когда этот пузырь лопнет. Страницы журнала Wired сократились на 25 процентов с 240 страниц в сентябре 1996 года до 180 страниц в сентябре 2001 года, и еще на 17 процентов до 148 страниц в сентябре 2003 года. На смену сайтам старой формации, характеризующихся проприетарным владением контентом, приходят открытые платформы веб 2.0, на которых контент создают и распространяют пользователи.

Практики, сложившиеся вокруг использования интернета, в процессе хабиутализации всё больше проникают в повседневность. Интернет из мира таинственных алхимиков-хакеров, анонимно пишущих код в тёмных подземельях, переходит в мир обычных людей, использующих интернет в своей повседневной жизни. Вторая эпоха интернет исследований была посвящена статистическому анализу распространения интернета и изучению того, как ведёт себя пользователь. Проводятся масштабные исследования, как ориентированные на нужды маркетинга и государственные интересы, так и сугубо теоретические. Появляются продолжительные исследовательские проекты, такие как «Pew Internet & American Life Project» и «Всемирный интернет-проект», в которых ведётся статистический анализ количества и активности интернет-пользователей, с учётом демографических различий, гражданства и положения в социальной стратификации. В результате этих исследований было обнаружено, что в большинстве стран сохраняется социально-экономическое неравенство доступа к интернету. В то время как более богатые и образованные люди ежегодно повышают уровень использования цифровых технологий, у бедных этот уровень не растёт.

Теоретики, склонные к утопическим прогнозам, переоценили эмансипационный потенциал новой информационной технологии, интернет не распространил демократию и равенство по всему миру, не соединил всех со всеми, не стал драйвером всеобщего общения. Теоретики, склонные к технофобии и скепсису в отношении интернета, также ошибались –

распространение интернета не отвлекало людей от личного общения. Онлайн и оффлайн формы социального взаимодействия осуществлялись и осуществляются параллельно. Более того, оказалось, что чем больше люди использовали интернет, тем чаще они виделись друг с другом, если позволяли расстояния, и разговаривали по телефону, если расстояния не позволяли. Это связано с тем, что технология интернета облегчает организацию личных встреч и помогает поддерживать отношения в промежутках между встречами. Экстраверты используют все доступные медиа, чтобы общаться онлайн и лично, а интроверты, избегающие человеческого общества, продолжают его избегать с интернетом или без него. Интроверты, испытывающие дискомфорт только при личном общении, стали общаться больше благодаря анонимности и удалённости, которую способен предоставить интернет. К удивлению исследователей, так называемая «глобальная деревня» интернета не разрушила отношения физического соседства. По результатам социологического исследования, проведённого К. Хэмптоном и Б. Уэллманом, в деревне «Нетвилл», находящейся в пригороде Торонто, две трети жителей, имевших доступ к сверхбыстрому интернету, знали втрое больше имён соседей, чем жители близлежащей деревни, не имевшие такого доступа. Вдвое чаще разговаривали друг с другом лично, в полтора раза больше ходили в гости¹⁹⁸.

Параллельно с расцветом статистического анализа действий пользователей в интернете, развивается область качественных исследований. Обнаруживаются специфические сетевые явления для качественного изучения и описания которых нужны специалисты с набором профильных компетенций. Проникают в научный язык такие понятия как сетевое насилие (кибербуллинг), киберпреступность, троллинг, сетевые культуры, новые социальные движения, электронная демократия. Появляется необходимость

---

¹⁹⁸ См. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb // *City and Community*. 2003. № 2(3). P. 277–311.

создания отдельных политических программ, связанных исключительно с интернетом. Создаются Cyberbullying Research Center, The Institute of Network Cultures, Harvard's Program on Networked Governance, The Center for Information Technology Policy, E-Business and Web Science Research Group, Infoscape Research Lab (Centre for the Study of Social Media). Доступ к интернету осознаётся как социальное благо. Разрабатываются политические программы, цель которых – предоставить этот доступ широким слоям населения на всех континентах (Research ICT Africa).

В исследованиях тематизируется и проблематизируется фигура «пользователя» как нового актора, обладающего неким набором характеристик, предположительно отличающихся от характеристик «не пользователя». Новые черты приобретаются пользователем во взаимодействии с IT-технологиями. Интернет снова осмысливается в качестве услуги, предоставленной пользователю. Исследования, заостряющие своё внимание на фигуре пользователя, имеют двоякую цель. С одной стороны, концептуализировать пользователя, понять с кем имеешь дело, с другой стороны, описав пользователя, сделать пользовательский интерфейс наиболее удобным и комфортным. Поскольку интернет как услуга является частью рынка услуг, следовательно, знание о нуждах пользователя даёт конкурентное преимущество.

Развивается проблематика онлайн-сообществ, активистов и гражданских инициатив, которые расширяют свои возможности, в том числе протестные возможности «прямого действия», с помощью новых медиа и технологий. Развивается тема влияния интернета на социальные движения. Своеобразной кульминацией данной проблематики явилась Арабская весна, в частности – события на площади Тахрир, за которыми в общественном сознании закрепилось весьма характерное название – twitter-революция / facebook-революция.

4.3. Третий период. От площади Тахрир до наших дней. Диверсификация интернет-исследований, закрепление исследовательских сфер и языков описания.

Первые публикации о роли интернета как среды и одновременно ресурса для гражданской и политической активности в базах Science Direct появляются ещё в 1993 году. В базах Scopus первые публикации можно обнаружить в 1996 году. До 2005 года происходило формирование исследовательских полей, поиск и описание первых эмпирических кейсов. В 2005-2006 годах исследовательские подходы обобщались и выработывалась общая теоретическая рамка. С 2007 по 2010 годы происходил поиск новых кейсов, на которых апробировались исследовательские подходы¹⁹⁹. Внушительное количество как русскоязычных, так и зарубежных текстов, посвящено описанию событий 2011-2013 годов в Египте²⁰⁰, 2011-2012 годов на Болотной площади²⁰¹, 2011 года на Уолл-Стрит²⁰². Исследователей интересовал (и интересует) ряд вопросов:

1. Как изменяются (и изменяются ли) социальные движения, если для их мобилизации и координации используются digital-технологии и, в частности, социальные сети.
2. Изменился ли субъект социальных (политических, протестных) движений?
3. Чем отличаются социальные движения, не использующие социальные сети, от социальных движений, использующих

---

¹⁹⁹ Колозарици П. В., Ульданов А.А. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS // Социологический журнал 2015 Том. 21 №3 С. 105-128.

²⁰⁰ Tufekci, Z., & Wilson, C. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square // Journal of communication. 2012. №62(2), 363-379.
Соловей В.Д. Социальные сети как инструмент политических перемен: возможности и ограничения // Коммуникология. 2017. Том 5. № 5. С. 15-23.

²⁰¹ Ушкин С.Г. Вовлечённость пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. №8. С. 138-142.

²⁰² Kanalley Craig. Occupy Wall Street: Social Media's Role in Social Change // Huffington Post. October 6. URL: https://www.huffingtonpost.com/2011/10/06/occupy-wall-street-social-media_n_999178.html

социальные сети как дополнительное орудие в политической борьбе?
Чем эти движения отличаются от более ранних форм уличного активизма?

4. Повышает ли распространение интернета в стране протестный потенциал населения?
5. Чем выступают социальные сети по отношению к протестным движениям? Инструментом или средой?
6. Приводит ли распространение интернета в стране к свержению «авторитарных режимов» и осуществлению «демократизации» режимов?

Данная проблематика остаётся актуальной и по сей день. Более того, количество публикаций в год на эту тему в научных базах данных неизменно растёт. В базу Science Direct в 1993 году было внесено 6 работ, в 2003 – 50 работ, в 2013 – 160 работ. В Scopus в 1996 году – 2 работы, в 2006 – 215 работ, в 2013 – 714²⁰³.

В третьем периоде тема влияния интернета на пользователя получает вторую жизнь из-за разработки и введения социально-сетевыми компаниями всё новых алгоритмов и фильтров, которые непосредственно и опосредованно влияют на поведение пользователя²⁰⁴. Общественные движения, возникшие в интернете, политизируются. Параллельно с этим процессом государство начинает проявлять всё больше интереса к сформировавшейся онлайн-среде. Наблюдается рост попыток если не контролировать эту среду, то существенным образом влиять на неё. Набирают популярность темы цензуры и свободы слова в интернете, развития электронной демократии, неприкосновенности личных данных, с одной стороны, и использования государством личных данных граждан для

---

²⁰³ Колозарици П. В., Ульданов А.А. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS // Социологический журнал 2015 Том. 21 №3 С. 105-128.

²⁰⁴ Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. London: Penguin, 2011.

предупреждения и предотвращения террористических актов и киберперступности, с другой стороны. Эти темы являются ключевыми для возникших в этот период исследовательских центров: Lund University Internet Institute, Alexander von Humboldt Institute for Internet and Society (HIIG), Center for New media and society, Berglund Center For Internet Studies²⁰⁵.

Растёт интерес к изучению больших данных, поскольку собранные и грамотно обработанные данные становятся всё более значимым сырьём современного платформенного капитализма²⁰⁶. Возможность оперировать большими данными (Big Data) открывает перед маркетингом новые горизонты, позволяя не просто таргетировать рекламу и кастомизировать товары, но и посредством социальных сетей, использующих специальные алгоритмы, манипулировать поведением потребителей в пользу корпораций. Более того, как показал скандал с Cambridge Analytica, заказчик может преследовать (и преследует) не только коммерческий интерес, но и интерес политический. Ряд исследований показывает, каким образом корпорация «Facebook» могла повлиять на исход президентских выборов в Америке (речь, конечно, идёт о выборах 2016 года, в результате которых к власти пришёл Дональд Трамп)²⁰⁷. Начиная с 2007 года становится всё более популярным метод сетевого анализа (SNA). Возможности сетевой работы и сбора больших данных начинают использовать в исследовательских программах, опосредованно связанных с интернетом.

Сетевые социальные движения, кибербуллинг, троллинг, fake news, размытие сферы приватности, проблематичность обеспечения соблюдения авторского права и пиратство, допустимость и пределы вмешательства государства в формирование онлайн-среды – все эти темы окончательно закрепляются в научной среде.

---

²⁰⁵ Колозарици П. В. Утопия и идеология в исследованиях интернета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №5. С. 144-158.

²⁰⁶ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

²⁰⁷ Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018.

Что касается институционализации интернет-исследований в качестве полноценного и самодостаточного исследовательского поля, то с 2007 года исследования интернета в общественных науках начинают принимать форму отдельного проблемного поля. Подходы к теории и методологии сепарируются и структурируются. Складываются три отдельных и обширных исследовательских сферы: цифровые исследования, онлайн-исследования, исследование данных²⁰⁸. Вновь возникает и интенсифицируется сращивание математических и инженерных направлений с социальными науками.

4.4. Проблемное поле интернет исследований.

Мы разделили историю интернет-исследований на три периода. Первый период, начавшийся в декабре 1990 года, когда было создано приложение World Wide Web (WWW), и закончившийся кризисом «dot.com» (2000-2001 годы), можно охарактеризовать как этап утопических и дистопических «безудержных умствований». Интернет осмысляется как технология, радикально перестраивающая все социальные отношения. В теории превалируют утопические прогнозы, не опирающиеся ни на методы социальных наук, ни на эмпирические данные.

Второй период, который можно охарактеризовать как «эпоху подсчётов», начался в 2000-2001 году и закончился в 2010-2011 годах. Данный период интернет исследований был посвящен статистическому анализу распространения интернета и изучению того, как ведёт себя пользователь. Были проведены первые масштабные исследования, причём не только ориентированные на нужды маркетинга и государственные интересы, но и сугубо теоретические. Появились продолжительные исследовательские проекты, в которых был проведён статистический анализ количества и активности интернет-пользователей, с учётом демографических различий, гражданства и положения в социальной стратификации. Были разработаны и институализированы методы качественного анализа интернет-явлений. Были

---

²⁰⁸ См. Колозариди П.В. Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. 2018. Т. 30, № 3. С. 69-92.

обнаружены специфичные для интернет-сети явления, такие как сетевое насилие (кибербуллинг), киберпреступность, троллинг, сетевые культуры, новые сетевые социальные движения, электронная демократия и так далее.

Наконец третья эпоха – эта эпоха зрелости. Исследования интернета становятся неотъемлемой частью социальных наук, обрастают междисциплинарными связями, сепарируются и структурируются. Складываются три отдельных и обширных исследовательских сферы: цифровые исследования, онлайн-исследования, исследования данных.

Кроме того, в данной работе мы выделили ряд событий, существенно повлиявших на тематическое поле интернет-исследований. К ним относятся: принятие протокола TCP/IP в качестве международного стандарта, разработка распределённой системы WWW и гиперссылки, зарождение и деятельность движения за открытые исходники и свободное ПО, кризис доткомов, события Арабской весны, Оккупай Уолл-Стрит и Болотной площади, скандал, связанный с Cambridge Analytica и победой Дональда Трампа на выборах.

Проследив историю зарождения, развития проблематики, институционализации и диверсификации интернет-исследований, мы хотели бы обозначить ряд проблем, общий для интернет-исследований:

1. Интернет как услуга или интернет как общественное благо. Проблема осуществления доступа к интернету и рыночных механизмов, опосредующих доступ.
2. Необходимость и пределы вмешательства государства в формирование онлайн-среды.
3. Мультистейкхолдеризм – принципиальная множественность действующих лиц, участвующих в развитии интернет-среды, интересы которых должны быть в равной (или неравной) степени представлены и учтены.
4. Электронная демократия и возможности влияния гражданского общества на политические решения посредством интернет-технологий.

5. Авторское право, интеллектуальная свобода, свобода слова и изменение прав на интеллектуальную собственность, пиратство.
6. Связанная с внедрением и распространением интернет-технологий, глобализация и проблема сохранения локальных и национальных культур.
7. Трансформация нематериального труда.
8. Право на частную жизнь и неприкосновенность личных данных, размытие границ между приватной и публичной сферой.
9. Мобилизация онлайн-сообществ и новые социальные движения, в том числе протестные движения и онлайн-активизм.
10. Рост количества открытых данных и возможностей их использования одновременно как для развития демократии, так и для слежки за населением, осуществляемой правительствами стран или третьими лицами.

Эти темы образуют предметную рамку проблемного поля интернет-исследований, все из них прямо или косвенно связаны с социально-философской проблематикой. Социально-философские методы и способы постановки проблем способны углубить и фундировать разрозненный пул интернет-исследований, что позволит исследовать социокультурные трансформации, связанные с появлением интернета, в системном единстве. Данные темы будут развиты и дополнены социально-философскими проблемами и способами постановки задач во второй главе настоящего исследования, посвящённой эффектам, произведённым внедрением интернет-технологий в четыре сферы общественной жизни: материальную, организационную, духовную и социальную.

Глава вторая. Влияние интернет-технологий на динамику четырёх сфер общественной жизни.

Согласно деятельностному подходу к анализу человека, общества и истории, разработанному К.Х. Момджяном: «в основе подсистем общества, именуемых сферами общественной жизни, лежат необходимые для выживания типы совместной деятельности людей»²⁰⁹. Любому обществу, чтобы продолжать своё существование в качестве реальной самодостаточной группы людей, необходимо непрерывно воспроизводить различные элементы общественной жизни, а именно – субъекты, предметы (вещи и символы), а также связи и отношения. Воспроизведение данных элементов возможно исключительно в процессе человеческой деятельности. Поскольку наличие данных типов совместной деятельности людей исторически инвариантно, четыре сферы общественной жизни обладают устойчивостью, что позволяет их фиксировать не в качестве исторических переменных, а некоторой устойчивой структуры общественной жизни. Для воспроизведения себя обществу необходимо наличие материального производства (продукт – вещи), духовной деятельности (символы), организационной деятельности (связи и отношения), социальной деятельности (человек как биологическое существо и как субъект социальных отношений).

Вторая глава нашей работы разделена на четыре раздела в соответствии с обозначенными сферами общественной жизни: материальной (хозяйственной), организационной, социальной и духовной. Глава посвящена описанию и объяснению макросоциальных эффектов, связанных с интеграцией интернет-технологий в сферу материального производства, область производства культуры, понятой в узком смысле, и в организационную сферу, где в основном нас будет интересовать изменение политического ландшафта, произошедшее в результате инсталляции интернет-технологий в коммуникативные системы новых социальных

---

²⁰⁹ Момджян К.Х. (ред.) Социальная философия и философия истории: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 210.

движений. На микроуровне мы займёмся описанием и объяснением трансформаций идентичности и базовых структур повседневного взаимодействия, связанных с указанными макросоциальными эффектами.

1. Сетевизация экономики.

Часть текста данного раздела была опубликована в журнале, включенном в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова²¹⁰.

Процесс интеграции цифровых технологий в структуру общественного производства и распределения приводит к ряду определенных тенденций капиталистического экономического развития. Данные тенденции носят закономерный и взаимозависимый характер. Ускорение информационного обмена предоставляет возможность замены фордистской модели производства на более бережливую модель тойотизма и далее на сетевую модель, подразумевающую выведение части сотрудников на аутсорс и снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, что приводит к прекаризации труда определенной социальной группы, которую можно обозначить как «прекариат» или занятые в сфере «гигономики». Изменение условий труда приводит к изменению способов повышения производительности труда, что является причиной становления «обществ контроля», характеризующихся распределенной властью, встраиванием ранее внешнего принуждения внутрь личности, аффективным инжинирингом, пролонгацией образовательного процесса, возрастанием темпа и ритма работы, распространением проектных форм работы, заменяющих рутинные формы, и появлением ликвидной краткосрочной идентичности, свойственной представителям прекариата. В данном разделе работы мы попытаемся обосновать наличие глубинной взаимосвязи между

---

²¹⁰ Цуркан Е.Г., Дряева Э.Д. Влияние цифровых технологий на модели производства и формы занятости: социально-философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. М., 2019. Т. 23, № 4. С 533–547.

этими процессами, их взаимную обусловленность в системном единстве. Структура данного раздела строится следующим образом: подраздел № 1.1 посвящён ускорению социального времени, которое сопровождается сжиманием социального пространства, и изменением масштаба в котором могут действовать коммерческие и государственные предприятия, поскольку именно сокращение времени, требующегося для получения обратной связи, обеспеченное цифровой сетью, ведет к изменению инфраструктуры предприятий и трансформации производственных и логистических моделей (подраздел № 1.2). Также ускорение обратной связи между наемным рабочим и работодателем приводит к прекаризации труда рабочего (подраздел № 1.3), сопровождающейся появлением «обществ контроля» (подраздел № 1.4). В подразделе № 1.5 описываются сетевая модель обмена и экономика совместного потребления

1.1. Пространственно-временная конвергенция

Вторая половина двадцатого века была ознаменована информационно-технологической революцией, определившей переход к новому витку капиталистического развития, спецификой которого является всё возрастающая роль данных и цифровых технологий в функционировании общества. К середине 1990-х годов начинает осуществляться процесс, охарактеризованный Р. Барбруком как «конвергенция медиа, компьютеринга и телекоммуникаций»²¹¹ в единую сеть – интернет. Возможность производить и потреблять потенциально неограниченные объёмы информации, обрабатывать массивы данных, в соединении с обеспечением обширного доступа к глобальным телефонным сетям и распространением цифровых гаджетов, ведёт к принципиальной трансформации привычных форм труда и досуга. Несмотря на то, что даже в деиндустриализированных странах, не говоря уже о мировых промышленных центрах, в сфере цифровых

---

²¹¹ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 26.

технологий²¹², по сравнению, например, со сферой промышленного производства, занято малое количество рабочей силы и создаётся малое количество прибавочной стоимости, цифровые технологии приобретают системную значимость для мировой экономики в целом. Это происходит из-за того, что цифровые технологии инсталлируются в традиционные сектора – промышленное производство, сферу услуг, логистику – становясь их неотъемлемым элементом. Всё больше коммерческих и государственных компаний опираются в своих бизнес-моделях на информационные технологии, особенно использование больших данных и интернета, становясь частью цифровой экономики. Таким образом, цифровые технологии становятся системно важным элементом современной экономики, соответственно, изменения в области цифровых технологий приводят к изменению всего экономического ландшафта, равно как и коллапс в этой области, доведись таковому случиться, приведёт к кризису экономики в целом.

В процессе интеграции в традиционные экономические сектора цифровые технологии изменяют структуру общественного производства и распределения, что приводит к целому ряду экономических сетевых эффектов и трендов, к которым мы относим на макроуровне: появление и распространение сетевой производственной модели; интенсификацию информационного обмена; снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, приводящее к росту прекарности (незащищённости) труда / становлению «гигномики»; возникновение и развитие обществ контроля. На микроуровне: размывание традиционных для фордистского рабочего дистрикций рабочее место/дом и работа/досуг; пролонгация образовательного процесса; изменение темпа и ритма работы;

---

²¹² В сферу цифровых технологий мы включаем производство компьютеров и электроники (аппаратного обеспечения), разработку операционных систем и программного обеспечения, телекоммуникацию в том числе обеспечение подключения и нормальной работы интернет-сети, обработку данных, хостинг и регистрацию доменных имён, прочие информационные услуги.

распространение проектных форм работы, заменяющих рутинные формы. Некоторые из этих трендов существовали и до распространения цифровых технологий, но внедрение цифровых технологий в экономические процессы существенно ускорило их развитие.

Цифровые технологии в целом и интернет-сеть в частности существенно интенсифицируют обмен информацией, что не может не сказаться как на характере социальной коммуникации, так и на инфраструктуре, выстроенной вокруг использования этих технологий. Что может быть выражено в формуле М. Маклюэна: «... сообщением любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела»²¹³. Речь идёт не просто о количественных изменениях, но о качественной перестройке на микро- и макроуровнях. В работе «Компьютеризация: проблемы и перспективы» В. В. Миронов отмечает, что «проникновение микроэлектроники в промышленное производство потребует коренной перестройки всей системы производства во всех его звеньях – от выпуска продукции до управления и до изменения сознания отдельного человека»²¹⁴.

Внедрение технологий в организацию производства и сбыта продукции всегда создавало новые формы дистрибуции, изменяя цепочки поставок, и типы предприятий, при этом ограничивая старые, оказавшиеся в изменившихся условиях менее эффективными. Морские перевозки привели к расцвету портовых городов – Венеции, Лиссабона, Амстердама. Потом появление железных дорог лишило эти города прежнего рыночного значения. Изобретение и введение в эксплуатацию локомотивов с паровым, а позже электрическим приводом, требовало построения новой инфраструктуры: железных дорог, новых типов городов и производств, унификации времени для составления расписания движения поездов и так

---

²¹³ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 10.

²¹⁴ Миронов В.В. Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // Философские науки. №7. 1987, С. 28.

далее. Точно так же цифровые технологии и интернет-сеть требуют в своём использовании построения и обслуживания сложной инфраструктуры: миллионов километров оптоволоконных кабелей, дата-центров и серверов. Так же цифровые технологии обуславливают появление новых форм ведения бизнеса. «Цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать «умными», бизнес – прорывным, рабочие – гибкими, а правительства – бережливыми и «интеллектуальными»»²¹⁵.

Децентрализованный способ подключения узлов интернет-сети друг к другу и технология коммутации пакетов вместе позволяют оптимизировать процесс доставки сообщения, значительно ускоряя обратную связь. Технология цифрового хранения данных на кремниевых носителях позволяет эффективно накапливать огромные массивы информации, а алгоритмы обработки Big Data в совокупности с сервисами облачных вычислений позволяют эффективно эти массивы использовать. Благодаря чему обмен информацией интенсифицируется и кратно возрастает, что подтверждает адекватность описания современного этапа развития общества как «информационного»²¹⁶ или «информационального»²¹⁷. Стоит отметить, что не информационных обществ не бывает. В любом обществе и на любом этапе его развития осуществляется информационный обмен. Более того, необходимость обработки больших массивов информации в сжатые сроки не является специфической проблемой современного этапа развития. Как замечает Лев Манович ещё в 1890-ые годы «...стало очевидно, что не только человеческий мозг столкнулся с необходимостью обрабатывать большие потоки информации. Та же проблема в полный рост встала перед корпорациями, правительством – в общем, любыми большими

---

²¹⁵ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 11.

²¹⁶ См. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330 – 342.

²¹⁷ См. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

институциями»²¹⁸. Например, чтобы ускорить обработку данных, собранных во время переписи населения 1890 года в Америке, были введены в эксплуатацию электромеханические табуляторы, разработанные Германом Холлеритом²¹⁹, и работавшие на перфокартах. Классическая проблема обуздания возрастающей социальной сложности остро стоит перед любым современным обществом. Что действительно специфично для современного этапа развития, так это изменение способа решения проблемы обработки больших массивов информации, координации миллионов наёмных работников и осуществления взаимодействий между членами общества.

Прежде чем мы перейдём к анализу изменений моделей производства, распределения, обмена и форм занятости, стоит подробнее остановиться на проблеме невозможности рационального планирования экономического развития. Из-за возрастающей скорости социальных изменений, связанных как со сменой доминирующего типа медиа, так и с общей настроенностью экономических институтов на извлечение прибыли, в том числе из новаторских «подрывных» (disruptive)²²⁰ технологий, рациональный план (проект) всегда запаздывает, устаревает уже в момент своего создания, поскольку реалии рынка меняются за гораздо меньший срок, чем тот, который требуется для реализации плана, а иногда даже его разработки. Компания «Eastman Kodak», основываясь на актуальных в тот период истории экономических трендах могла составить план экономического развития на несколько лет вперёд, но не могла учесть появление технологии цифровой фотографии, которая привела к краху данной компании. Достаточно проблематично делать экономический прогноз на сколь-нибудь продолжительный срок, когда технологии могут в любой момент изменить соотношение всех ценностей на рынке. Как пишет научный фантаст и

---

²¹⁸ Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 58.

²¹⁹ В 1911 году фирма Холлерита объединилась с тремя другими компаниями, на основе этого слияния в дальнейшем появилась фирма под названием IBM.

²²⁰ Подрывные технологии (Disruptive Technology / Innovation) – это технологии, которые изменяют параметры конкуренции на рынке, при этом старые продукты становятся неконкурентоспособными, поскольку меняется экономический контекст.

создатель жанра «киберпанк» Уильям Гибсон: «... у нас нет будущего. В отличие от наших предков, которые верили, что оно у них есть. Наши прадедушки могли спрогнозировать мир будущего, исходя из того, как выглядело их настоящее. Но сейчас все изменилось. Развернутые социальные прогнозы – это для нас недоступная роскошь; наше настоящее стало слишком кратким, слишком подвижным, и прогнозы на нем не могут устоять ... Мы не ведаем будущего, мы только оцениваем риск»²²¹. Минимизировать риски поможет диверсификация экономической активности, но не создание плана развития.

Невозможность создания образов воображаемого будущего погружает социальное время в «вечное настоящее», которое состоит из дискретных кейсов, непредвиденных событий и сюемиутных задач. Как пишет М. Фишер: «Время перестаёт быть линейным, становится хаотичным, разбивается на пунктирные отрезки»²²². Вместо ясной картины прогрессивного развития социальной системы, мы получаем бесконечную вереницу сменяющих друг друга трендов, на которые нужно молниеносно реагировать, чтобы оставаться на рынке или просто «быть в тренде». Ускорение не означает «ускорение развития». Прибавляют в скорости как положительные, так и отрицательные стороны капитализма. К отрицательным сторонам относятся циклические кризисы, инфляция, безработица, увеличение разрыва между богатыми и бедными, эксплуатация рабочих и природных ресурсов, экологическая деградация, возрастающая волатильность цен.

«Вечное настоящее» ведёт к утверждению капиталистической системы хозяйствования в качестве единственно возможной и не предполагающей никаких альтернатив, то есть ведёт к «Концу истории»²²³. Появляется такая специфическая идеология как «капиталистический реализм», когда «легче

---

²²¹ Гибсон У. Распознавание образов. М.: Азбука, 2015. С. 66.

²²² Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 67.

²²³ См. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010.

вообразить конец света, чем конец капитализма»²²⁴. В качестве ответа на опасность потери альтернативных моделей будущего была разработана идея «акселерационизма» – намеренного ускорения капиталистических техносоциальных процессов с целью генерирования радикальных социальных перемен. Теоретическими основаниями теории акселерационизма являются: 1. Идея Маркса о внутренних противоречиях в капиталистической системе хозяйствования, которые приведут к саморазрушению: «Капитал ... работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»²²⁵; 2. Идея Жиля Делёза и Феликса Гваттари о «территоризации» – механизме, которым пользуются государства и корпорации, чтобы компенсировать издержки развития капитала как самовозрастающей стоимости, стабилизировать процесс взаимной стимуляции возрастающей коммерциализации и индустриализации²²⁶. В то же время, в капитализме содержатся детерриторизирующие силы, которые предлагают активировать акселерационисты. Левое крыло акселерационизма предлагает ускорить процесс с помощью новой гибридной версии Плана: «Мы считаем, что любой посткапитализм требует посткапиталистического планирования»²²⁷. Ник Ланд, представитель правого крыла, считает, что детерриторизирующие силы невозможно ускорить при помощи плана, так как: «Капитал революционизирует себя настолько основательно, что никакая внешняя «революция» никогда не сможет этого сделать»²²⁸. Впрочем, терминальная стадия жизненного цикла капиталистической системы была

---

²²⁴ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 9.

²²⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Первоначальный вариант Капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе издание. Т.46. Ч.II. М.: ГИПЛ, 1969. С. 213.

²²⁶ См. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

²²⁷ См. Srnicek N., Williams A. #ACCELERATE: Manifesto for an Accelerationist Politics [Электронный ресурс] – 2013. URL: <https://syntheticeidifice.files.wordpress.com/2013/06/accelerate.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).

²²⁸ См. Land N. A quick-and-dirty introduction to accelerationism // Jacobite [Электронный ресурс] – May 25, 2017. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/> (дата обращения: 25.03.2021)

заявлена так много раз и таким большим количеством теоретиков, что действительно не верится, что у капитализма есть реальные неутопические альтернативы вне зависимости от скоростного режима.

1.2. От фордистской модели производства к сетевой.

Ответом на необходимость координации большого числа работников в контексте роста информационной неопределённости для построения систем массового производства в области промышленной индустрии XX века стало появление «фордистского типа» организации процесса труда. То есть возникновение промышленных корпораций фордистского типа было связано: 1) с усложнением товарного производства, требующего специфических ресурсов и поставок; 2) увеличением расстояния между производителями и продавцами, что приводило к замедлению обратной связи; 3) ростом информационной неопределённости. Иерархические структуры позволяли снизить неопределённость – сделать выгодные для предприятия события вероятными, а невыгодные – невероятными²²⁹. Компании фордистского типа координировали труд тысяч людей, делая ставку на долгосрочные контракты, а не на краткосрочные договорённости. Общая структура предприятий фордистского типа была описана Дж. Рифкином следующим образом: «...является пирамидальной с потоком власти, направленным сверху вниз. Все операции регулируются заранее установленными правилами... Для оптимизации результата задачи разбиваются на части в соответствии с разделением труда, и работа организуется как фиксированная последовательность этапов»²³⁰. Труд, организованный по фордистской модели, подразумевает особую рабочую дисциплину, осуществляющуюся в изолированных пространствах концентрации власти (например, на заводах), где действия каждого отдельного работника анализируются, просчитываются и контролируются.

---

²²⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 39-40.

²³⁰ Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 156.

Такие предприятия, свойственные дисциплинарным обществам XX века, оказались невероятно эффективными. Из-за своей эффективности эта модель стала использоваться и в не промышленных областях, например, в ресторанном бизнесе фордистскую модель одной из первых стала эксплуатировать компания «McDonalds», чтобы удешевить свою продукцию и получить преимущество на рынке.

Фордистская модель организации производства подразумевала физическое соединение больших масс людей со схожими формами занятости в ограниченных пространствах заводов и жилых массивов, что обусловило появление рабочих движений, в том числе профсоюзов, а также появление типа «массового работника» с особой идентичностью, основанной на общности труда. Наконец, фордистская модель, разработанная в условиях невозможности мгновенно получать всю актуальную информацию с рынков труда и рынков сбыта, подразумевала выпуск «лишней» продукции на случай непредвиденного скачка спроса и найма «лишних» работников на случай, если они неожиданно окажутся востребованными в производстве.

Фордизм, допускающий потери, является оправданной стратегией только в условиях информационного недостатка. Один из основных капиталистических императивов, а именно – снижение себестоимости производства по отношению к цене конечного продукта с целью увеличения прибыли, приводит к необходимости введения в производство новых технологий и производственных моделей, основанных на этих технологиях, с целью получения преимущества в конкурентной борьбе. Так развитие информационных технологий к 1970-ым годам позволило заменить недостаточно бережливую фордистскую модель производства более экономным японским «тойотизмом»²³¹. Уменьшение временного интервала, требующегося для получения обратной связи, обеспеченное новым программным обеспечением, облегчающем логистику, дало возможность сократить запасных рабочих, не задействованных в актуальных

---

²³¹ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 19.

производственных процессах, а запасы продукции и комплектующих свести к минимуму. Информационные технологии предоставили возможности заказывать комплектующие только под фактические потребности производства, а обратная связь от рынков сбыта позволила привести производство товаров в соответствие с актуальным потребительским спросом, то есть создавать индивидуальные кастомизированные товары.

Взрывное распространение интернета, произошедшее в последнее десятилетие XX века, создало условия информационного избытка, если не переизбытка, что в свою очередь позволило включить рыночных игроков в единую сеть, расширяя возможности кастомизации товаров и, в то же время, позволяя выводить некоторую часть наёмных рабочих на подряд (аутсорсинг). Вне могут быть выведены все формы занятости, которые не требуют личного присутствия: некоторые административные функции, ввод данных, бухгалтерия, справочная служба и другое информационное обслуживание клиентов. Более того, цифровые технологии позволяют включать в сеть не только людей, но и вещи, то есть появляется возможность создания «промышленного интернета»: встраивания компьютерных чипов в производственные процессы для их частичной автоматизации. В условиях распространения цифровых технологий уже модель тойотизма оказывается недостаточно бережливой и ей на смену приходит сетевая модель производства.

Переход к сетевой модели становится возможным по ряду причин.

Во-первых, ускорение коммуникации упраздняет проблему, связанную с физическим расстоянием и временем, которое требовалось, чтобы это расстояние преодолеть. Речь идёт как о расстоянии между нанимателем и работником, так и о расстоянии между производителем и потребителем, и о времени, требующемся, чтобы их связать. Мир становится всё более глобальным, что расширяет возможности ведения бизнеса. Лишает бизнес локального контекста и позволяет использовать широкие возможности аутсорсинга и краудсорсинга. Часть персонала, требующегося для

обеспечения нормальной работы предприятия, может работать через удалённый доступ из любой точки мира.

Во-вторых, стремительное удешевление технологий извлечения данных из всех действий, осуществляемых на производстве, позволяет всё более расширять контроль над производством, не расширяя при этом управленческий штат, так как регистрация данных о процессе производства автоматизирована.

В-третьих, цифровые технологии позволяют извлекать не просто обобщённые данные об уровне спроса на рынках сбыта, но индивидуализированные данные каждого конкретного потребителя, что предоставляет производителю возможность кастомизировать и таргетировать конкретные продукты для конкретных потребителей. Это существенно снижает издержки производства, позволяя производителям переходить на всё более бережливые модели.

Использование цифровых технологий повышает скорость производственного цикла и общественного обмена, одновременно снижая долгосрочность контрактов и отношений найма. Субординационные и иерархические бизнес-модели, свойственные XX веку, оказываются слишком неповоротливыми, что лишает их способности достаточно быстро отвечать на изменение ситуации на рынках сбыта и рынках труда. «“Ригидность” фордистского конвейера уступила место новой “гибкости”»²³².

Производство различных товаров и услуг подразумевает использование разных производственных моделей, что отнюдь не означает исчезновение потогонных предприятия, эксплуатирующие фордистскую модель производства. Сетевая модель производства, ранее локализованная в области цифровых технологий, актуально выходит за пределы этой области. Цифровая экономика выступает в качестве некоего идеала, образа воображаемого будущего, цели к которой движется прогресс. В этом смысле

---

²³² Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультраккультура 2.0, 2010. С. 66.

цифровая экономика «легитимирует современный капитализм»²³³ в качестве динамично развивающейся системы, задавая общие тренды развития.

1.3. Прекаризация и гиганомика.

Увеличение прибыльности производств может происходить не только за счёт использования новых технологий, но и введения новых форм эксплуатации рабочих. Внешним подрядчикам, привлекаемым к процессу производства только в случае необходимости (эпизодически) не нужно оплачивать отпуск, сверхурочные, больничный и так далее. Вызовом современного этапа развития капитализма стало распространение незащищённых форм труда, то есть новых видов частичной и нестандартной занятости. Существует несколько различных концептов, описывающих этот экономический процесс. Первый – это «прекариат». Понятие прекариата – нестабильного и незащищённого общественного слоя, лишённого социальных гарантий – было предложено Пьером Бурдьё в 1998 году в статье «Precarite est aujourd'hui partout» («Нестабильность сегодня наблюдается повсюду»)²³⁴, так же истоки этой концепции обнаруживаются в теоретических работах Майкла Хардта и Тони Негри²³⁵, но окончательно эта идея оформилась в книге британского экономиста Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс»²³⁶. Основным чертами прекариата является статус временно занятых, отсутствие стабильного дохода, перманентный риск перехода в статус безработных. Прекариату присуща неуверенность в жилье, в работе, в социальной защите. Прекариат не может рассчитывать на социальные пособия или корпоративные поощрения, только на прямое денежное вознаграждение, а периоды труда чередуются с периодами безработицы. «Обычно вы оказываетесь заняты в нескольких

---

²³³ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 11.

²³⁴ См. Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout // Contre-feux, Paris: Raisons d'agir, 1998. С. 96-102.

²³⁵ См. Хардт М, Негри Т. Империя. М.: Праксис, 2004.

²³⁶ См. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

краткосрочных работах, лишаясь возможности планировать что-то на будущее»²³⁷.

Вторым концептом, описывающим тот же самый экономический процесс, является «гигономика» (hygonomics) или «гигэномика» (gig economy). Лариса Владимировна Лapidус в работе «Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией» определяет гигономику, как распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных трудовых контрактов, выступающих альтернативой долгосрочным трудовым отношениям на основе штатного трудоустройства²³⁸. Иными словами, гигономика – это «социально-экономическая модель совместного использования трудовых ресурсов / профессиональных навыков при условии, что работник может одновременно совмещать сразу несколько должностей в разных компаниях, расположенных в любой точке мира посредством цифровых электронных сервисов»²³⁹. Для гигономики характерны: работа через удалённый доступ, фриланс, краудсорсинг, выполнение отдельных частей работы, каждая из которых оплачивается отдельно (проекты или подряды). Люди, занятые в области гигономики редко могут похвастаться финансовой безопасностью, уровень риска их финансовой жизни никогда не снижается, вне зависимости от стажа²⁴⁰. Очевидно, что оба приведённых концепта описывают одно и то же явление, а разница между ними чисто терминологическая, в данной работе мы будем использовать концепт прекарных форм занятости.

Итак, рост прекарности труда связан: 1. с постфордистской моделью сокращения издержек через увеличение гибкости труда; 2. интернационализацией экономических элит; 3. развитием цифровых

---

²³⁷ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 67.

²³⁸ См. Лapidус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2018.

²³⁹ Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник ИЭ РАН. №6. 2018. С. 74.

²⁴⁰ Lanier J. Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. С. 69.

технологий, в частности – интернет-сети, обеспечивших эффективное использование аутсорсинга и фрилансинга. Цифровые технологии предоставили бизнес-элите новые приёмы ухода от обязательств и уклонения от социальной ответственности, что увеличило ненадёжность положения наёмного рабочего. Если раньше предприятия были привязаны к стране, в которой они были созданы, и «работники предприятий, организованных по образцу фордовских заводов, могли демонстрировать свою «досаждающую» силу и заставлять менеджеров обсуждать сносный *modus vivendi*, идти на компромиссы...», то «...сегодня ситуация совсем иная; одна из сторон (но не другая) с болью осознает, что ее партнеры по переговорам могут легко встать из-за стола и уйти в любой момент; еще один нажим – и они просто подхватят свои кейсы и уйдут, так что разговаривать будет не с кем»²⁴¹. Это ставит рабочих в уязвимое положение отсутствия любых гарантий занятости.

Классический пример реализации стратегии новой экономики – работа компании Uber, онлайн-агрегатора служб такси. На компанию трудятся более 3-х миллионов человек, при этом всего несколько тысяч из них реально находятся в её штате. Uber не считает водителей и курьеров, соединенных с компанией мобильным приложением, своими сотрудниками и не обеспечивает их социальным пакетом. В 2017 году транспортный регулятор Лондона отказался продлевать лицензию Uber на перевозку пассажиров, потребовав у компании учитывать требования нормативных актов в сфере труда. В ответ компания подала апелляцию и провела собственное исследование «Uber Happy? Work and Well-being in the Gig Economy»²⁴², в котором утверждалось, что большинство водителей чувствует себя довольными, так как гибкий график работы является бóльшим преимуществом, нежели оплачиваемый отпуск или больничный.

---

²⁴¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 45.

²⁴² Berger T., Frey C. B., Levin G., Danda S. R. Uber happy? Work and well-being in the «gig economy» // *Economic Policy*. 2019. Т.34, № 99. Р. 429-477.

Как заметил М. Фишер: «... дезинтеграция устойчивых трудовых паттернов отчасти следовала желаниям самих рабочих – именно они не хотели, что вполне понятно, работать на одной и той же фабрике по сорок лет»²⁴³. Однако когда долгожданная «эмансипация труда» наступила, большинство классических инструментов борьбы за права рабочих оказались неэффективными. Профсоюзы, лейбористские и социал-демократические партии слишком тесно срослись с фордистским типом производства. В распоряжении профсоюзов был осознавший себя класс рабочих, объединённый общностью экономических интересов, форм занятости и физической локацией, и был класс владельцев средств производства, с которых можно спросить. В отличие от пролетариата, прекариат пока не осознал общности своих интересов и положения в системе распределения, а значит, прекариат не стал классом «для себя». Разношёрстные члены этой социальной группы находятся в отношении жёсткой конкуренции по отношению друг к другу. Что касается владельцев средств производства: как можно надавить на работодателя, который может в любой момент расторгнуть трудовые отношения, при этом издержки расторжения для работодателя уменьшаются, а для работника возрастают? Кроме профсоюзов и государства, никто не может обеспечить гарантию долговременной занятости. Капитал стал невероятно мобильным и глобальным, если раньше предприятия удерживались на месте возрастанием транзакционных издержек при переводе производства в зону с «исторически» более низкой оплатой труда²⁴⁴, то теперь сопутствующие переездам транзакционные издержки значительно снизились из-за появления аутсорсинга, фрилансинга и офшоров.

---

²⁴³ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 67.

²⁴⁴ Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 28.

Показательным примером ухода технологических компаний от социальной ответственности, в том числе от уплаты налогов, является объём резервов, выведенный ведущими технологическими компаниями в офшор. По данным, предоставленным комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку США (SEC), в состоянии на март 2016 года из объёма резервов компании Apple, составляющего 206 млрд долл. – 200 млрд. находится в офшорах, из 103 млрд. компании Microsoft – 96 млрд. и так далее²⁴⁵. Офшорные деньги не возвращаются на родину даже в случае возникновения необходимости погашения корпоративного долга, потому что дешевле взять новый кредит на погашение долга, чем платить налог на прибыль с возвращённых из офшора денег. Пока корпорации уходят от налогов, национальные экономики терпят убытки, что делает положение незащищённых слоёв общества ещё более шатким, поскольку именно из налогов выплачиваются пособия по безработице.

Выход корпораций на глобальный уровень так же может привести к перераспределению властных функций. Глобальные сетевые корпорации, обладающие колоссальными объёмами данных, контролируют потоки информации, что является мощным ресурсом власти. В условиях тотального подключения агентов к сети, корпорации могут регламентировать распространение информации и влиять на принятие политических решений и результаты выборов при внешней видимости демократии. Как замечает В.В. Миронов: «Возникает соблазн возможности наднационального управления миром, т. е. формирования своеобразной Глобальной Империи»²⁴⁶.

1.4. Общество контроля, проектные формы работы, нематериальное производство и человеческий капитал.

Изменение условий труда закономерно приводит к изменению способов повышения производительности труда. Компании в своём стремлении

---

²⁴⁵ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 31.

²⁴⁶ Миронов В.В. Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // Философские науки. №7. 1987, С. 12.

вывести как можно больше различных функций вовне, сохранив внутри компании только ядро, состоящее из высококвалифицированных специалистов с высоким доходом, должны находить новые способы повышения производительности труда людей, работающих в удалённом доступе. Если раньше рабочие концентрировались в закрытых пространствах, где их действия было легко контролировать, то для внешних сотрудников фиксированного рабочего места может не существовать, как и фиксированного рабочего времени. Из «дисциплинарных обществ», которые с невероятной внимательностью к деталям описывал Мишель Фуко²⁴⁷, мы переходим к «обществам контроля».

Для «дисциплинарных обществ», достигших своего расцвета к началу 20-ого века тяжёлой индустрии, характерна сегментация социального пространства, выраженная в организации закрытых пространств изоляции, где концентрируется власть. Индивид по мере взросления непрерывно переходит от одного закрытого пространства к другому: семья, школа, армия, завод, иногда больница и тюрьма. Задача замкнутых пространств – концентрировать, упорядочивать производительные силы во времени и пространстве таким образом, чтобы полученный эффект превышал суммированный результат всех компонентов по отдельности.

Для «обществ контроля» характерна распределённая кибернетическая власть, которая не концентрируется в сегментированных пространствах изоляции, но основывается на непрерывной модуляции контролирующих функций и их взаимной конвертации²⁴⁸. На смену более или менее чётким контурам пространств концентрации власти, приходит сетевой или – в терминах Делёза – ризоматичный режим континуальности власти. Внешнее принуждение интериоризируется, совершает переход извне вовнутрь. Прекариат становится «сам себе начальником», в результате чего

---

²⁴⁷ См. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015.

²⁴⁸ См. Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233.

размываются традиционные для фордистского рабочего дистрикций рабочее место/дом и работа/досуг. Образование, связанное с получением необходимых для работы компетенций, становится пожизненным процессом, меняются темп и ритм работы. «Тюремный режим дисциплины размывается технологиями контроля с их системами постоянного потребления и непрерывного развития»²⁴⁹.

Всё это подаётся под маркером «эмансипации труда»: гибкий график занятости, отсутствие привязки к определённому рабочему месту, возможность сменить род деятельности, увеличение свободного времени. Однако обнаруживается подлог: свободного времени не становится больше, вместо этого стирается грань между рабочим и свободным временем. «У нас больше нет рабочего места. Вместо него появляются рабочее пространство и жизненное пространство – и представляется, что со временем они сольются в одно»²⁵⁰. Гибкий график и отсутствие фиксированного рабочего места оборачиваются новыми формами эксплуатации, свойственными обществам контроля. Работа берётся на дом, из-за чего дом превращается в рабочее место. «Следствием этого “неопределенно долгого” режима власти является то, что внешний надзор замещается внутренним управлением. Контроль работает только тогда, когда вы заодно с ним»²⁵¹.

Тема соотношения пространств «рабочего места» и «домашней обстановки», изменяющегося от эпохи феодализма к фордизму и постфордизму, затрагивается в работе Дэвида Гартмана «Постмодернизм или логика культуры постфордизма?»²⁵². В эпоху феодализма дом и работа были неотделимы друг от друга. Всё, что требовалось крестьянину для обеспечения своего существования, находилось у него «дома». Земля для крестьянина – это источник пищи, его дом и место работы. Начиная с

---

²⁴⁹ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 66.

²⁵⁰ Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. С. 59.

²⁵¹ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 49.

²⁵² См. Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. С. 18-51.

промышленной революции, вызвавшей рост товарного производства, происходит размежевание пространств дома и работы друг от друга. Экономические игроки в большинстве своём утратили возможность удовлетворять свои потребности, не вступая при этом в рыночный обмен. Возникает всеобщая (или обобщённая) зависимость от рынка. Чтобы заработать деньги для покупки необходимых для выживания товаров, надо вступить в рыночное взаимодействие с целью продать другие товары, в том числе обменять свой объективированный в товарной форме труд на заработную плату. Место, где ты продаёшь свой труд противопоставляется дому, выполняющему рекреационную и досуговую функции. «С одной стороны, люди, зажатые рамками рационализованного фордистского производства, ощущали себя как объективные фрагменты среды, регулируемой чужеродной логикой капиталистической рациональности. С другой стороны, массовое потребление (*порождённое всё тем же фордистским производством* – примечание Е.Ц.) давало людям иллюзию неприкосновенности частной жизни, сосредоточенности на самом себе и изолированности от внешнего мира в окружении своей семьи и имущества. Такая иллюзия возникала в результате того, что фрагментарность, присущая рабочему месту, была отделена во времени и пространстве от целостности, свойственной домашней обстановке»²⁵³.

На современном этапе развития капитализма понятия дом и работа смешиваются: дом становится рабочим местом благодаря современным технологиям, расширяющим возможности удалённого доступа, осуществляемого через цифровые девайсы посредством интернета. При этом меняется ритм работы.

В эпоху фордизма рабочее время было определено сменами, производством, ритмом конвейеров, а в постфордистском обществе распространяется свободный рабочий график, позволяющий работать в удобное время. Результатом этого является распространение проектной

---

²⁵³ Там же. С. 27.

формы работы, при котором работники готовы к переработкам и нефиксированному рабочему дню, поскольку проект, в отличие от рутинной неопределённо долгой работы на конвейере, рано или поздно завершится. Важно отметить, что рабочие сами отдают предпочтение проектным (а значит – эпизодическим) формам занятости, а не рутинным. Психологическое удовлетворение, получаемое от завершения проекта вызвано в том числе интериоризацией властных функций вовнутрь, заменой внешней принудительности внутренним контролем, легитимированным психологическим удовлетворением. Иными словами, удовольствие лишь маскирует структурное принуждение иного порядка.

На смену трудовой рутине приходит проект, который, как пишет Паскаль Гилен, «... действительно резко повышает производительность и интенсифицирует творческий характер труда, но в то же время ... является удобным способом психологической, социальной и физической эксплуатации. Вдохновленные идеей проекта участники воображают, что нашли для себя рай на земле, поскольку им кажется, что их коллективное творчество безгранично. Но те, кто скачет от проекта к проекту, постепенно осознают, что такой способ работы питается только их интеллектуальной и физической энергией, в конечном итоге приводя к истощению. Проект выжимает вас до последней капли»²⁵⁴.

Проект, как новый способ мобилизации внутренних сил наёмного работника, ориентирован на достижение определённой цели. Достигнув цель проект закрывается, после чего работник ищет новый и так далее. Новый проект может потребовать от работника иных компетенций. В этих условиях увеличивается ценность гибкости рабочего, его умения приспособиться к динамично меняющейся конъюнктуре рынка. Знания и компетенции приобретают краткосрочный характер, как отмечал Ричард Сеннет: если раньше рабочие могли приобрести заданный набор навыков и претендовать на постепенное восхождение по карьерной лестнице, то теперь нужно

---

²⁵⁴ Там же. С. 165-166.

переучиваться всю жизнь²⁵⁵. Быть умным в XXI веке означает «... быть динамичным и номадичным, быть против централизованной бюрократии; верить в диалог и кооперацию, а не в центральную власть; в гибкость, а не в рутину; в культуру и знания, а не в промышленное производство; в спонтанное взаимодействие и аутопоэзис, а не в заданную иерархию»²⁵⁶. Одним из главных способов минимизации издержек постфордистской модели экономического развития является увеличение гибкости рынка труда, что означает «переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их ещё более уязвимыми»²⁵⁷.

Постоянная необходимость осваивать новые компетенции на динамично изменяющемся рынке труда и направленность на инновационное производство приводят к повышению ценности «интеллектуального капитала»²⁵⁸. На основании этих экономических трендов расцвели многочисленные бизнес-модели, такие как «латеральный маркетинг»²⁵⁹ и «фанки-бизнес»²⁶⁰. «Латеральный маркетинг» – это руководство по нестандартному продвижению товаров и услуг, в основе которого лежит «латеральное мышление» – творческий подход к решению рабочих задач. «Бизнес в стиле фанк» призывает бессовестно эксплуатировать чувства и мечты как клиентов (посредством рекламы), так и своих подчинённых (включая себя), предъявляя последним не только производительные, но и аффективные требования. «Фанки-бизнес» не делает ставку на физический капитал, поскольку данный вид капитала слишком неликвиден в мире, который предположительно может измениться каждый день, в «мире

---

²⁵⁵ См. Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: Фонд Социо-прогностических Исследований «Тренды», 2004.

²⁵⁶ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 57.

²⁵⁷ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 10.

²⁵⁸ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.

²⁵⁹ См. Котлер Ф., Триас де Бес Ф. Латеральный маркетинг: технология поиска революционных идей. М.: Альпина Паблишер, 2017.

²⁶⁰ См. Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

максимизации рисков», как выразился бы Джон Урри²⁶¹. Лозунг «фанки-бизнеса»: «Ничто не вечно, так что не следует ни за что цепляться».

Эти бизнес-стратегии объединяет желание реструктуризации предприятий таким образом, чтобы сместить акцент с материального производства на нематериальное («человеческий капитал», «аффективный инжиниринг», «производство коммуникации»), сделать плоскими иерархические структуры, давая работникам больше контроля за своими действиями. Появляется концепция «когнитариата» – клише, часто встречающееся в современных текстах по менеджменту, в которых восхваляется новый «когнитарный» класс работников, обладающих «интеллектуальным капиталом». Однако понятие «интеллекта» применяется здесь весьма специфически. Речь идёт не о техническо-научном знании, не о теоретическом «знании что?», а о возможности постоянно обучаться, вырабатывать новые компетенции, подстраиваясь под рынок и увеличивая прибыль компании.

Ещё одним средством увеличения производительности труда является аффективный инжиниринг, свойственный обществам контроля: «будь умным, будь креативным, не потому что тебе приказывают, а потому что ты хочешь выразить себя, хочешь потреблять больше, для этого нужно работать эффективней». На этой почве возникают бесконечные тренинги, семинары, вебинары, мастер-классы и воркшопы – всё это призвано «сделать тебя лучше». Рекламный слоган обществ контроля: «стань лучшей версией себя». Под «лучшей», конечно, подразумевается «более эффективной» в производстве и потреблении.

1.5. Сетевая модель обмена и экономика совместного потребления.

Новый сетевой тип снабжения приобретает устойчивость не за счёт иерархической координации и аккумуляции больших объёмов товаров и производственных ресурсов, а за счёт обеспечения положительной обратной

---

²⁶¹ См. Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012.

связи. Пример данной тенденции приводят К. Нордстрём и Й. Риддерстрале: «...у WalMart – гигантской американской розничной сети – 97 процентов товаров вообще не проходит через склад, поступая от производителей непосредственно на полки магазинов. Цифровая снабженческая цепь работает в режиме реального времени»²⁶². Издержки дистрибуции и хранения существенно снижаются за счёт использования кратковременных договорённостей и сетевого распределения. Некоторые типы товаров, ранее продававшихся на материальных носителях – кинофильмы, музыка, книги etc. – после оцифровки становятся настолько мобильными, что издержки их дистрибуции и хранения стремятся к нулю. Это даёт потребительское изобилие, так как возникает эффект «длинного хвоста»²⁶³. Если раньше музыкальным магазинам, из-за ограниченности физического пространства продуктовых полок, приходилось выбирать, какой товар пользуется популярностью и его стоит выставлять, а какой – нет, то сейчас весь ассортимент сохраняется на серверах, ведь речь идёт не об атомах, а о битах. Давно забытые песни и книги, которые бы никогда не попали на полки магазинов, хранятся на серверах и, как показывает исследование К. Андерсона²⁶⁴, их продолжают скачивать. По мысли К. Андерсона эффект «длинного хвоста» обеспечит в новой модели экономики достойное авторское вознаграждение производителям культурных продуктов рассчитанных как на короткий период эксплуатации и на широкий охват аудитории (хиты, эксплуатационное кино и т.д.), так и на длительный период и на узкую группу потребителей (научные книги, независимое кино и т.д.).

Интернет-сеть открывает путь новым способам построения производственных отношений, перераспределения ресурсов, осуществления обмена. Среди потребителей тенденции сетевизации выражаются в отказе от

---

²⁶² См. Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. С. 62.

²⁶³ Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в Интернете. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

²⁶⁴ Там же.

владения собственностью, в первую очередь, в цифровом мире, но и в области повседневной жизни тоже. Например, система каршеринга (англ. carsharing – взятие машины в наём на короткий срок с поминутной или почасовой оплатой) ведёт к отказу от владения транспортным средством, предлагая взамен временное пользование, когда возникает необходимость. Вместо обращения к услугам гостиницы, пользователи в путешествиях могут посредством сервиса «Airbnb» договориться о временном бесплатном заселении в квартиру другого пользователя, то есть люди делятся жильём. Растёт процент населения, предпочитающего снимать квартиры. Это приводит к быстрому росту рынка *услуг*. Люди отказываются от владения машинами, квартирами, рабочими инструментами в пользу их использования, когда они востребованы. Интернет – это достаточно эффективное средство коммуникации для того, чтобы координировать миллионы людей, избавляя их от «издержек» владения чем-то. Так как любое владение собственностью снижает потенциальную мобильность, привязывая человека к месту, в котором эта собственность расположена. Собственность владеет собственником в той же мере, что и собственник собственностью. Тенденции сетевизации в области производства повседневной жизни людей выражены в росте количества потребителей, предпочитающих пользоваться, а не владеть, заниматься фрилансингом, а не посвящать свою деятельность и жизнь одной компании. Несмотря на достоинства, этот процесс напрямую связан с прекаризацией населения, ведь собственность даёт якорь стабильности. Модель сетевого распределения приводит к тому, что у человека нет постоянной работы, постоянного имущества, уверенности в завтрашнем дне. Вместе с тем, эта же модель даёт свободу и повышает мобильность.

Последние два подраздела данного раздела находятся на пересечении тем экономического производства и производства повседневного взаимодействия, перейдём к описанию трансформаций структур повседневности и изменению человеческой идентичности.

2. Влияние интернета на идентичность и структуры повседневности.

Часть текста данного раздела была опубликована в рецензируемом научном журнале²⁶⁵ и в рецензируемом издании, индексируемом в международной базе RSCI²⁶⁶.

2.1. Краткосрочная идентичность.

Изменившиеся модели производства и распределения взаимосвязаны с изменениями в области человеческой идентичности. Идентичность, по выражению Зигмунта Баумана, становится «ликвидной», то есть перестаёт быть предписанным императивом и становится до определённой степени произвольным конструктом. Обозначая идентичность как изобретение эпохи модерна, З. Бауман констатирует, что само появление подобного концепта означает некоторую степень проблематичности явления, скрывающегося за обозначением. Идентичность стала проблемой, как только о ней заговорили, и заговорили лишь потому, что она стала проблемой. Модерн действительно лишил человека «корней», привычного определённого традицией уклада жизни, что связано прежде всего с урбанизацией. Модерн поставил проблему поиска идентичности и создал запрос на производство форм идентичности. Однако проблема идентичности в эпоху модерна заключалась в том, «как построить идентичность и сохранить её целостность и стабильность»²⁶⁷, в то время как проблема эпохи постмодерна прежде всего состоит в том, как избежать императивности и фиксации, следующих из устойчивых форм идентичности, как оставить за собой свободу выбора и возможность манёвра в том числе с целью снятия с себя какой-либо ответственности за экзистенциальный выбор. «В отношении идентичности, как и многого другого, ключевым словом модерна было «создание», ключевое понятие

---

²⁶⁵ Цуркан Е.Г. Цифровые технологии и формы «неаутентичной жизни» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. Т. 1, № 3. С. 184-194.

²⁶⁶ Цуркан Е.Г. Влияние интернет-технологий на трансформацию различения публичного и приватного // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 4. С. 53-68.

²⁶⁷ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №. 4. С. 133.

постмодерна – вторичное использование [recycling]»²⁶⁸, – пишет З. Бауман. Однако в силу того, что вторичное использование всё-таки подразумевает под собой некоторую форму владения изготовленным, следовательно, привязанности к изготовленному, мы бы назвали в качестве ключевого понятия – «совместное использование». Идентичность в каком-то смысле никогда не принадлежит субъекту до конца, всегда остаётся зазор, который способствует безболезненному отделению идентичности от субъекта и смены в случае необходимости.

Урбанизация и связанное с этим процессом массовое распространение опыта отчуждения от радикально новой окружающей социальной среды, создали запрос на массовые формы идентичности, такие как профессиональная идентичность и тесно связанная с ней классовая идентичность, национальная идентичность и т.д. В эпоху постмодерна появляется недоверие к любым большим нарративам и идентичностным в том числе. Невозможность идентификации на основе трудовой деятельности связана также с переходом ряда стран к «постиндустриальному» этапу развития, при котором существенно возрастает мобильность рабочей силы и расширяется сфера услуг. Подобно формам занятости, системе найма, знаниям и умениям идентичность человека становится краткосрочной. Как пишет Г. Стэндинг: «Помимо незащищенности труда и незащищенности общественного дохода прекариату недостаёт самоидентификации на основе трудовой деятельности»²⁶⁹.

Возможно, это явилось одной из причин роста популярности социальных интернет-сетей²⁷⁰. Так или иначе, именно краткосрочная и конструктивистская антропологическая модель предполагается социальными сетями поколения веб 2.0. Если обратить внимание на активность людей в

---

²⁶⁸ Там же. С. 134.

²⁶⁹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 29.

²⁷⁰ Цуркан Е. Г. Кризис самоидентификации как одна из причин популярности виртуальных социальных сетей // Аспекты IX. Сборник статей по философским проблемам истории и современности. М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. С. 152-162.

интернете, как современный способ развлечения и самовыражения, то можно заметить, что человек в сети представляется дискретным потоком постов, в котором он выражает свою идентичность. На пересечении различных культурных предпочтений, досуговых и профессиональных событий, потребительского интереса – рождается сконструированная идентичность, которая может быть изменена в любой момент. Это является зеркальным отражением эпизодической занятости, так как идентичность в каком-то смысле так же становится «эпизодической». Сеть находится в постоянном динамичном изменении, живёт только сегодняшним днём. На смену умению сосредоточиться на чём-то одном приходит мультизадачность. Как пишет Г. Стэндинг: «образованный ум – (это ум – Е.Ц.) признающий пользу «скуки», состояния покоя и созерцания...»²⁷¹. Но людям, встроенным в сеть, некогда скучать: «Скучать – значит просто быть отделенным от коммуникативной матрицы SMS-сообщений, YouTube и фастфуда, действующих в качестве стимула и реакции. То есть быть отлученным на какой-то момент от постоянного потока сладковатого вознаграждения, выдаваемого по запросу»²⁷². Такие формы поощрения и труда становятся краеугольным камнем обществ контроля с распределённой кибернетической моделью власти, что взаимосвязано с сетевой моделью производства и прекарными формами занятости. Конечно, метафорика сетей и потоков, использованная для концептуализации человека и социума, появилась до повсеместного распространения интернета, но в интернете она нашла своё подтверждение и продолжение.

2.2. Формы «неаутентичной» жизни.

Описанные нами трансформации человеческой идентичности могут быть восприняты в качестве вызова человеческому бытию как таковому, то есть не в конструктивистском ключе, не признающем за человеком никакой другой природы, кроме природы социальной (биологическую детерминацию

---

²⁷¹ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 40.

²⁷² Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 51.

конструктивизм относит к животному, а не собственно человеческому существованию), а в метафизическом ключе, предполагающем по отношению к бытию человека такие этические различия как «подлинный / неподлинный», причём настаивающем на укоренённости такого рода различий в природе человека. В исследованиях такого рода ставка в игре, подразумевающей оцифровывание всей возможной информации и сетевизацию социальных отношений, куда выше. В этой игре на кон поставлено бытие человека.

Гипотеза, состоящая в том, что техника способна изменять и актуально изменяет бытие человека, часто наталкивается на два типа возражений. Первый состоит в утверждении некоей неизменной «человеческой природы», под которой подразумевается не только биологическое тело человека, но и индивидуальная психика. Человек действительно обладает определённой физиологией и психической конституцией, однако, если учесть, что язык предполагает общество, гораздо более вероятно предположение, сформулированное К. Поппером: «что человек или, скорее, его предок стал сначала социальным, а затем уже человеческим существом»²⁷³. Иными словами, человек – это социальный продукт. С изменением окружающей социальной среды неизбежно меняется и сам человек, а техника является неотъемлемым элементом современных обществ. Таким образом, если эволюция техники приводит к изменению общественного устройства, меняется и сам человек. Второй тип возражений заключается в том, что сами по себе технические инновации не несут никакого послания и не имеют никаких потенциалов, важно лишь то, как их используют. То есть необходимо сместить фокус исследования с «сущности» той или иной технологии, на реальную эмпирическую данность её использования. Действительно, взрывчатые вещества можно использовать как для рытья

---

²⁷³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 110.

шахт, так и для убийства людей. Более того, ядерное оружие – превосходная машина массовых убийств – может стать гарантом мира. Однако бомба создана для того, чтобы рано или поздно взорваться, и больше ни на что не способна. Важно отметить, что интернет – это не просто технология, но и медиа, а значит она не просто соучаствует в сотворении искусственной среды обитания человека, но и опосредует человеческую коммуникацию, а медиум, как известно со времен М. Маклюэна, всегда есть послание.

Революционные изменения, происходящие в обществе, всегда порождают как экзальтированных утопистов-визионеров, с восторгом приветствующих новое (в случае с цифровой техникой к таким можно отнести пророков технологической сингулярности и трансгуманистов), так и технофобов-алармистов, полагающих, что нововведения погубят человечество и окончательно разрушат человеческое бытие.

Одним из мыслителей, высказывающих параноидальное недоверие к цифровому миру, является Жан Бодрийяр. В одной из своих последних работ, выпущенных в январе 2007 года²⁷⁴, он пишет: «Благодаря неограниченному развитию технологий – как ментальных, так и материальных – человек способен реализовать до конца свои возможности, и в то же время ускользнуть, оставив искусственный мир, исключаящий человека»²⁷⁵. Дело в том, что, по мнению французского философа, мир цифровых технологий отказывается играть с человеком в различия. Если симулякр первого порядка – «подделка» или «автомат» – черпал своё бытие в схожести с тем, что он подделывал, то уже симулякр второго порядка – «производство» или «робот» – отказывается от игры в «подлинность / неподлинность», так как робот занят работой. Однако робот, несмотря на отказ от подлинности, всё-таки отсылает нас к какому-то материальному

---

²⁷⁴ В марте того же года Жан Бодрийяр скончался.

²⁷⁵ Бодрийяр Ж. Почему всё ещё не исчезло? [Электронный ресурс] – 2016. URL: http://www.chaskor.ru/article/zhan_bodriyar_pochemu_vse_eshche_ne_ishchezlo_40860 (дата обращения – 21.03.2021)

производству, в то время как, симулякр третьего порядка – «симуляция» – отсылает нас только к самому себе²⁷⁶.

Таким образом оцифровывание мира приводит к сглаживанию, становлению в качестве одномерного. Всё в равной степени допускается к тому, чтобы быть. Игра различий между подлинными и неподлинным больше не имеет никакого смысла, виртуальность становится единственной реальностью, тем самым снимая вопрос о себе и своей природе. Симулякр, как копия, не отсылающая нас к оригиналу, вполне может существовать и без оригинала²⁷⁷. Человеческая реальность в качестве бытия, «которое есть то, чем не является, и которое не есть то, чем является»²⁷⁸, не может больше черпать различия из гладкого ризоматичного мира, соответственно, единственным критерием человеческого бытия в качестве такового становится эффективность, а по этому критерию мы проигрываем технике. То есть, если эффективность стала бы единственным критерием бытия человека, то «наши тела, оказались бы не более, чем фантомной конечностью, слабым звеном, детской болезнью технического аппарата, который властвует над нами издали (тогда мысль, в свою очередь, стала бы детской болезнью Искусственного Интеллекта, человеческое существование – детской болезнью машины, а реальность – детской болезнью виртуальности)»²⁷⁹. Более того, в мире, лишённом различий, исчезает потребность в диалектической борьбе противоположностей как движущего механизма истории, а в этом случае мир становится таким местом, «где вещам, чтобы существовать, не нужны более их противоположности, где свет более не нуждается в тени, где женщины не нуждаются в мужчинах (или

---

²⁷⁶ См. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009.

²⁷⁷ См. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.

²⁷⁸ См. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 82-104.

²⁷⁹ Бодрийяр Ж. Почему всё ещё не исчезло? [Электронный ресурс] – 2016. URL: http://www.chaskor.ru/article/zhan_bodriyjar_pochemu_vse_eshche_ne_ishchezlo_40860 (дата обращения – 21.03.2021)

наоборот?), где добро не нуждается во зле – где мир больше не испытывает нужды в нас»²⁸⁰.

Разберём переход от аналогового способа передачи информации к цифровому на примере фотографии. Об аналоговой фотографии Вальтер Беньямин писал, что существуют миры, открывающиеся только вспышке фотоаппарата: «Ведь природа, обращенная к камере – это не та природа, что обращена к глазу; различие прежде всего в том, что место пространства, освоенного человеческим сознанием, занимает пространство, освоенное бессознательным»²⁸¹. Если аналоговая фотография отсылала нас одновременно к собственному бессознательному и к некоторому фрагменту реальности, как бы выхваченному из неё, и имела под собой негатив, как удостоверение соотносимости с миром, то цифровая фотография отсылает нас только к самой себе. Цифровая фотография способна к неограниченной репликации, монтажу и фильтрации, её никак нельзя назвать озабоченной по поводу реальности изображённого на ней объекта. За счёт этого исчезает та, необходимая для игры в «подлинность / неподлинность», дистанция между фотографией и миром. Раньше проявление фотографии представляло собой некоторый алхимический процесс, когда из негатива в фотолабораториях, где горит красный свет, фотограф проявляет на белых листах бумаги, погружая их в воду, фрагменты мира. В этом процессе существует некоторый саспенс, игра. Цифровая фотография не оставляет ни временного, ни пространственного зазора между снимком и его проявлением. То же можно сказать и о музыке, которая тоже способна к бесконечной репликации и ремиксу, и о кино, снимающемся на фоне хромакея. В конце концов, если между пластинкой и киноплёнкой разница была очевидна, то между различным расширением одинакового бинарного кода – разница весьма относительна.

---

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. С. 71.

Обозначенные нами антропологические и онтологические трансформации выливаются в социальном взаимодействии в феномены, обозначенные Хайдеггером, как «любопытство» и «болтовня».

Болтовня (или, в переводе Бибикина – «толки») – это одна из форм «неаутентичной жизни», которую П. Вирно характеризует следующим образом: речь «не требует больше внешней легитимации со стороны событий ... она сама создаёт событие ... оправдываемое исключительно тем фактом, что оно происходит»²⁸². Или как сказал сам Хайдеггер: «В меру средней понятности, уже лежащей в проговариваемом при самовыговаривании языке, сообщаемая речь может быть широко понята без того чтобы слушающий ввел себя в исходно понимающее бытие к о-чем речи»²⁸³. То есть болтовня способна не отсылать ни к чему, кроме самой себя, что означает кризис референциальной парадигмы языка. В социальных сетях данная форма неаутентичной жизни превращается в производство и торговлю фэйками, к которым относятся как «фейк ньюс», так и боты, использующиеся для накрутки посещаемости.

Даровая (свободная) форма информационного обмена существенно интенсифицирует темп производства информации. Информация, поступающая в общий доступ в таких количествах, девальвируется, то есть упраздняет саму себя. Провести важную для реципиента информации дистинкцию «важная / неважная» оказывается всё более трудно, поскольку дистинкция «важная / неважная» подразумевает вертикаль, а в интернете пространство гладкое и горизонтальное. Так вместо «хора солистов» мы получаем хайдеггерианскую «болтовню».

Любопытство – это другая форма «неаутентичной жизни», которая заключается в поверхностном и праздном оглядывании того, что происходит вокруг. Для Хайдеггера важна реальная заинтересованность человека в мире,

---

²⁸² Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 92.

²⁸³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2013. С. 168.

забота о нём, которая может реализоваться только в труде. Избавление от труда, который, согласно марксистской традиции, является родовой сущностью человека, заставляет «усмотрение» (необходимое в трудовой деятельности) «питаться чем угодно: фактом или событием, сведённым, однако, к спектаклю»²⁸⁴, тем самым превращая его в любопытство. Для Хайдеггера в любопытстве таится радикальное отстранение от мира, смерть перспективы: любопытный «даёт захватить себя единственно тем, как выглядит мир»²⁸⁵. Более того «высвободившееся любопытство озабочивается видением ... *только* чтобы видеть»²⁸⁶. Любое изображение (как статичная фотография, так и динамичное видео), равно как и звуковой образ может быть оцифрован и помещён в открытый доступ, что уничтожает дистанцию, помещая любую вещь на расстоянии взгляда. Любопытный не имеет желания проникать внутрь вещей, удовлетворяясь беглым взглядом, блужданием по гиперссылкам.

Однако существует весьма существенная разница между описанием техники Хайдеггером и Бодрийяром. Если для Хайдеггера, жившего в эпоху технической воспроизводимости объекта, то есть в мире симулякров второго порядка, любопытство и болтовня – это формы неаутентичной жизни, подразумевающей под собой другие вполне достижимые формы жизни аутентичной, то для Бодрийяра, жившего в эпоху технической воспроизводимости *образа* объекта, любопытство и болтовня – это *единственный* способ взаимодействия с миром, поглощающий и вытесняющий все остальные. Мир, описанный Бодрийяром – это мир эрзацев, цитат, компиляций, коллажей, эклектики и синкретизма, полной потери возможности «бытия-в-мире». Хайдеггер же пишет: «Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических

---

²⁸⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 94.

²⁸⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 172.

²⁸⁶ Там же. С. 172.

аппаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины»²⁸⁷. Но вслед за этим цитирует Гёльдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное»²⁸⁸.

Несмотря на вал литературы, посвящённой смерти человека, концу «антропоцена» и образованию постчеловеческих форм субъектности²⁸⁹, мы не занимаем алармистских позиций по данному вопросу, равно как и позиций технического визионерства в духе философии трансгуманизма, тесно переплетённой с научной фантастикой. Безусловно, базовые различия, организующие повседневные человеческие взаимодействия существенным образом изменились. Является очевидным, что трансформации напрямую связаны с техникой. Например, изменилось базовое для человеческой повседневности различие манипулятивной и перцептивной зон, где перцептивная зона определена как доступная человеку посредством органов чувств, под манипулятивной зоной понимается область действия человеческих рук²⁹⁰. На протяжении большей части истории человечества манипулятивная и перцептивная зона совпадали. С любым объектом, находящимся в пределах видимости, можно было взаимодействовать посредством мускульной силы. Если объект находится на расстоянии, то есть в пределах потенциально манипулятивной зоны, можно до него дойти в достаточно короткий срок. Медиа, возникающие в XX веке, радикальным образом «продлили» и «расширили» человеческие органы чувств. Телевидение позволяет нам видеть то, что мы не в силах потрогать, даже потенциально, радио – слышать. В мире аналоговых медиа человек часто

---

²⁸⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 324.

²⁸⁸ Там же. С. 324.

²⁸⁹ См. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Ad Marginem, 2017.

²⁹⁰ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

оказывается не в состоянии манипулировать с тем, что видит. Зоны, ранее совпадавшие, теперь достаточно жёстко разведены, повседневность изменилась. Цифровые медиа, с одной стороны, продолжают тренд разведения манипулятивной и перцептивной зоны: в любой момент пользователь может заглянуть в любую точку мира посредством «Google maps», посмотреть репортаж с другого конца земли. С другой стороны, технологии дополненной реальности и VR позволяют манипулировать видимым миром, находящемся вне «объективной» реальности, повседневность снова изменилась, человек изменился вместе с ней, но остался человеком.

Также мы склонны согласиться с М. Хайдеггером, обозначившим трансформацию, произошедшую по антитетической оси «наличное / подручное» и с Ж. Бодрийяром, описавшим изменения по оси «далёкое / близкое», но говорить об утере «аутентичного» бытия, о «подлинном» или «неподлинном» всё ещё нет никакой возможности. Человек – это искусственный, то есть технический («art» и «techne»), проект с самого начала его существования. Недостаток жёсткой структуры собственной инстинктуальной организации человек компенсировал жёсткой структурой организации социальной. Несовершенная биологическая конституция, отсутствие необходимых органов для выживания, таких как длинный кишечник и плоские зубы для травоядного существования или же мощная челюсть и острые когти для хищнического, восполняется техническим освоением окружающего мира. Недостаток внутреннего биологического порядка компенсируется внешним социальным порядком, недостатки организма компенсируются техническими орудиями – нож вместо клыков, огонь вместо большой челюсти, шкура вместо шерсти. Человек с самого начала техничен, он инструментально осваивает природу и создаёт порядок в сообществе искусственно. Поэтому любые изменения в сконструированной искусственной технической среде определённым образом меняют человека, но меняют именно человека, а не кого-либо ещё. Мы солидарны с тезисом П.

Бергера и Т. Лукмана, согласно которому «человеческая природа – это социокультурная переменная»²⁹¹. Из этого следует, что любые суждения об аутентичном или неаутентичном бытии – это суждения оценки. Согласно предложенному М. Вебером методологическому принципу свободы от оценки, от оценочных суждений следует воздерживаться²⁹². Открывая простор морализаторству, такая постановка вопроса оказывается за пределами научного этоса. Мы можем фиксировать изменения, произошедшие по антитетическим осям, задающим формы повседневного взаимодействия, но не должны называть сложившееся положение вещей, каким бы оно ни было, более «подлинным» или менее «подлинным».

Другой аналитически важной антитетической осью, образующей структуру повседневного взаимодействия, по которой происходит трансформация, вызванная внедрением в непосредственную жизнь человека интернет-технологий, является различие «публичное / приватное».

2.3. Трансформация публичного и приватного.

Дистинкция «приватное / публичное» является одним из руководящих социальных различий, которое одновременно организует деятельность и коммуникацию людей на микроуровне, составляя неотъемлемую часть повседневного взаимодействия, и влияет на формирование макросоциального феномена публичной сферы, играющего важную роль в функционировании институтов гражданского общества. Различие приватного и публичного является исторически изменчивым и в высшей степени проблематичным.

Заявленная проблематичность связана с двояким положением публичного и приватного. При изучении данных феноменов мы вынуждены одновременно говорить как про наличное положение вещей, так и про

---

²⁹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 81

²⁹² См. Вебер М. Смысл «свободы от оценки в социологической и экономической науке» // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547-601.

«регулятивный идеал демократической формы правления»²⁹³. Концептуальное описание границ публичной сферы носит одновременно дескриптивный и прескриптивный характер, поскольку публичность является одновременно социальным фактом и ценностью, разделяемой в обществе. В свою очередь, пространство приватного или интимного носит тот же двойкий характер, являясь как социальным фактом, так и ценностью. Идеалистические представления об общественном благе и неприкосновенности частной жизни сталкиваются с несовершенством форм реального общественного взаимодействия и политического убеждения, а также с перманентным вторжением различных социальных институтов в частную жизнь. Это составляет неотъемлемую часть продуктивного напряжения, приводящего к непрерывному пересмотру границ между публичным и приватным, но в то же время отражается на характере исследований и способах постановки проблемы. В зависимости от ценностных презумпций исследователя, от наделения большей ценностью публичной сферы или приватной сферы, мы получим два разных исследовательских дискурса. В первом публичность будет рассматриваться как сфера позитивной свободы, отсутствие допуска в которую будет расцениваться как дискриминация, во втором приватность будет описываться как сфера негативной свободы, посягательство на которую со стороны общественных институтов будет расцениваться как дискриминация. В контексте интернет-исследований существуют две исследовательские традиции, обладающие достаточной степенью независимости друг от друга. В первой тематизируются проблемы новых возможностей, которые предоставляет интернет-сеть для актуализации публичной сферы, сюда относятся теории цифровой демократии, умных правительств, электронной агоры. Во второй традиции исследовательский акцент смещён к проблеме утраты приватности, связанной с новыми цифровыми способами сбора

---

²⁹³ Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 25.

личных данных, представляющих собой важный элемент создания стоимости в платформенном капитализме, не говоря уже о значимости данных в деле государственного контроля. Объединение этих двух исторически различных дискурсов даст ключ к описанию сложившегося разделения публичной и приватной сфер.

Проблематичность разделения публичного и приватного связана также с тем, что влияние современных цифровых медиа приводит к взаимной конвергенции публичной и приватной сфер, что не означает их полного слияния, однако заставляет участников коммуникации переопределять ситуации, традиционно считавшиеся публичными или приватными, что нередко выступает причиной коммуникативных неудач и конфликтов. Более того, постоянное переопределение ситуаций на микроуровне напрямую связано с трансформацией публичной сферы как макрофеномена, являющегося неотъемлемой частью функционирования институтов гражданского общества. Для фиксации изменений в области разделения публичного и приватного представляется эффективной двойная исследовательская оптика, позволяющая, с одной стороны, производить описание публичного и приватного как сфер/пространств, существование которых является внешним и принудительным по отношению к отдельному индивиду, с другой стороны, принимать во внимание публичное и приватное как свойства социального действия – смыслы, с которыми индивид связывает отдельную интеракцию.

Таким образом, мы получим два противопоставления «публичное как ценность» – «приватное как ценность» и «публичное и приватное как пространства/сферы» – «публичное и приватное как свойства действия», образующих исследовательский крест, в центре которого стоит межевой столб, разделяющий приватное и публичное.

Публичное и приватное как ценности

В классических теориях «публики» (die Öffentlichkeit) Ю. Хабермаса²⁹⁴ и «публичного пространства» Х. Арендт²⁹⁵ публичность рассматривается как особое пространство свободной общественной полемики, в котором за людьми признаётся право на политическую позицию и возможность её отстаивать, не прибегая к насилию или принуждению. Между двумя озвученными теориями существует ряд существенных различий. Для Ю. Хабермаса публика представляет собой виртуальную общность, сформированную благодаря распространению печатных СМИ, поэтому для него способом представленности в публичной сфере является коммуникация. Х. Арендт связывает публичное пространство с физическим городским пространством, в качестве идеала которого заявляется греческая агора. Способом включённости является свободное политическое действие, совмещение логоса (слова) и праксиса (поступка), причём политический поступок, лишённый насилия и принуждения, оказывается именно политическим высказыванием. Различие между концепциями «публичного пространства» и «публичной сферы» («публики») заключается в том, что Х. Арендт акцентирует внимание на соприсутствии и видимости акторов в пространстве городских площадей. Концепция Ю. Хабермаса является менее телесно-ориентированной, публика рассеяна в разных местах и может проявиться везде, где существует свободный от принуждения диалог. Однако публика должна быть «слышима» посредством СМИ, это читающая публика. Общими между данными позициями является то, что публичность понимается как пространство, допуск к которому является благом, поскольку связан с реализацией позитивной свободы, невозможной вне этого пространства. Быть частью публики – это привилегия. Как и любой ограниченный ресурс, право на публичность становится желанной целью,

---

²⁹⁴ См. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT press, 1991.

²⁹⁵ См. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000.

граница между частным и публичным в таком случае превращается в фронт политической борьбы.

Для Х. Арндт публичное пространство агоры представляло собой месторасположение свободы, равенства и политики, противопоставленное частному пространству патриархальной тирании и несправедливости, а также хозяйствования и собственности. Х. Арндт выделяет социальные группы и функции, которые не допускались в публичное пространство. Это рабы и женщины с соответствующими функциями хозяйства и деторождения. Труд и деторождение как функции поддержания биологической жизни, значит, биологически детерминированные, следовательно, не свободные, исключались греками из жизни полиса свободной по определению. Варварские деспотические государства, по мысли Х. Арндт, рассматривались греками как масштабированные домохозяйства. Свободными при такой картине мира оказывались только граждане античных полисов. С учётом определения человека как «животного политического» (*zoon politicon*), сформулированного Аристотелем, только граждане являются в полной мере людьми. Упадок публичности Х. Арндт связывает в первую очередь со случившимся в Новое время вынесением экономики в публичное поле и становлением национальных государств в качестве единого хозяйствующего организма. Для Ю. Хабермаса распространение печатных СМИ, также случившееся в Новое время, знаменует собой не упадок, а напротив зарождение публичного пространства современного типа. Ю. Хабермас, по собственному признанию, описал идеально-типическую модель публики²⁹⁶, а не приближенное к реальности положение дел, поэтому в своей концепции он не уделяет достаточного внимания группам населения, исключённым из публичной сферы. По этой причине концепция Ю. Хабермаса стала объектом критики феминистических и классовых теорий. Салонная культура, заявленная Ю. Хабермасом в качестве идеала

---

²⁹⁶ Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Habermas and the Public Sphere. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 422.

публичности, принадлежала исключительно привилегированным социальным классам. Рабочий класс, женщины и иные непривилегированные группы населения не являлись носителями данной культуры, поскольку не допускались к ней. По мнению О. Негта и А. Клюге, из буржуазной публичной сферы исключены «зависимые» социальные группы, в первую очередь – рабочий класс, причём речь идёт не столько о насильственном исключении или о классовой борьбе, сколько о несовместимости буржуазного и пролетарского типов дискурса²⁹⁷. Н. Фрэзер утверждает, что если понимать под публичной сферой «открытую для всех», то её никогда в реальности не существовало, поскольку некоторые части населения были сознательно отстранены от участия²⁹⁸. Данный тип критики не случаен. При рассмотрении публичности как блага и сферы свободы, линия, разделяющая публичное и приватное пространства, становится фронтом политической борьбы за включённость. Приватная сфера в таком случае может быть представлена как своего рода тюрьма, в которой закрыты группы населения и темы, не допущенные к публичности. В этом ключе Дж. Батлер констатирует, что в современном мире главной целью любого политического действия выступает включение исключённых ранее групп в политическое поле, устранение политического неравенства возможностей, борьба за инклюзию²⁹⁹.

Частная или приватная сфера, понятая как «часть общественной жизни, в которой индивид обладает некоторой степенью власти, свободной от вмешательства правительства или других институтов»³⁰⁰, тоже обладает самоценностью. В данном у Жолудя определении примечательно то, что

---

²⁹⁷ См. Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

²⁹⁸ См. Fraeser N. *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // Habermas and the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P. 109-142.

²⁹⁹ См. Батлер Д. *Заметки к перформативной теории собрания*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

³⁰⁰ Жолудь Р.В. *Публичная сфера в социальных медиа: от деградации к трансформации* // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. №1. С. 132.

именно в частной сфере локализована определённая свобода индивида, негативная свобода от вмешательства извне. Неприкосновенность частной жизни, равно как и право на личную и семейную тайну, закреплены в подавляющем большинстве современных конституций, в том числе в конституции Российской Федерации (статья 23, часть 1). Законодательные нормы, защищающие частную жизнь, начали складываться во время буржуазных революций, что, конечно, не случайно, поскольку именно в частной сфере локализована собственность. В научной правовой литературе идея о неприкосновенности частной жизни впервые была озвучена в 1890 году в статье «The right to privacy» Л. Брендейса и С. Уоррена³⁰¹.

Чтобы обозначить противопоставление и некоторую ценностную несовместимость таких пропозиций как «публичность есть свобода» и «приватность есть свобода» достаточно вспомнить труды Ж.-Ж. Руссо, обличавшего лицемерие, свойственное публике, и возвышавшего «благородного дикаря»: «Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под однообразной и вероломной маской вежливости, под этой хваленой учтивостью, которою мы обязаны просвещению нашего века, скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство»³⁰². Также можно привести в пример ужас и отвращение, которое испытывает Уинстон Смит, главный герой «1984» Дж. Оруэлла³⁰³, перед вездесущим присутствием Большого Брата, перед постоянной необходимостью нахождения на виду перед «телекраном». Отсутствие приватного пространства, тотальность публичности, когда даже мысли должны стать достоянием общественности, представляется дистопией. Приватное пространство, представленное как

---

³⁰¹ См. Seipp D. J. The right to privacy in American history. Cambridge: Harvard University, Program on Information Resources Policy, 1981.

³⁰² Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Избр. сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Гос. издательство худ. литературы, 1961. С. 46.

³⁰³ Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. М.: Издательство АСТ, 2016.

местонахождение «тайной свободы», нуждается в защите от посягающих на неё государства и общества.

Ценностная иерархия, возвышающая или умаляющая ценность публичной или частной сфер, открывает возможность для рассуждения о «деградации» или, напротив, «развитии». При такой постановке вопроса противоборство публичного и частного выступает в качестве своеобразной игры с нулевой суммой, то есть «возвышение» одного из членов дихотомии возможно только за счёт «падения» другого. Ярким примером подобного рода рассуждений является книга «Падение публичного человека» Р. Сеннета³⁰⁴, в которой он описывает деградацию публичной сферы, произошедшей из-за экспансии «интимности» в сферу политики, что привело к гипертрофии самости и культу интимности.

«Западные общества движутся от состояния направленности на других к состоянию направленности на себя ... В результате возникает смешение публичной и интимной жизни; люди очень лично относятся к общественным делам...»³⁰⁵. Более того, «Существует прямая аналогия между кризисом римского общества после смерти Августа и нынешней жизнью; это касается равновесия между публичной и частной жизнью»³⁰⁶. Согласно Р. Сеннету, с закатом эпохи Августа, римляне стали относиться к своей публичной жизни как к своего рода формальности, с чем связано смещение фокуса в сферу частного домохозяйства и возвышение «домашних» культов, в частности христианства раннего периода. Х. Арндт связывает расцвет античных городов-государств со снижением власти и значимости частной сферы семьи и домашнего хозяйства. Семейные связи и основанные на них фратрии и кланы были демонтированы в пользу иных форм политического союза³⁰⁷. С демонтажа родоплеменных союзов берёт своё начало античная агора как способ организации политического участия граждан. Упадок

---

³⁰⁴ См. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

³⁰⁵ Там же. С. 11-12.

³⁰⁶ Там же. С. 9.

³⁰⁷ Арндт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 39.

публичного пространства, в свою очередь, связан с вынесением частного (экономики в первую очередь) в публичное поле.

Эвристическая полезность применения подобных метафор к различению публичного и частного вызывает сомнение. Трансформации и смещения, происходящие по антитетической оси «публичное/частное», было бы правильней определить как перестройку, перенесение пограничных столбов, в результате которой какие-то способы действия людей и темы коммуникации получают статус публичных или, напротив, «закрываются» в области частного. Подобные смещения закрепляются в виде социального факта, то есть попытка сделать или высказать на публике нечто, что согласно общественному консенсусу относится к частной сфере, натолкнётся на жёсткое общественное неприятие, выраженное в формальных или неформальных санкциях, как и «официальное» поведение в неформальной частной атмосфере может привести к коммуникативным неудачам. Даже в случае коренной трансформации, когда речь идёт не о простом перенесении межевых столбов и о переопределении конкретных ситуаций, а о глубинных изменениях самой сети координат, говорить о «деградации» или «развитии» столь же проблематично, поскольку в таком случае публичная и частная сферы полностью переопределяются, что затрудняет проведение линии преемственности.

Прежде чем осуществить плодотворный синтез проблематики защиты частной сферы от посягательств извне и проблематики влияния интернета на публичную сферу, рассоединённых не из-за специфики предмета, а в силу ценностной презумпции и исторически сложившейся традиции, нам следует кратко обозначить второе различие, которое следует принять во внимание – «публичное и частное как сферы» / «публичное и частное как свойство действия».

Публичное и частное как сферы и как свойства действия

Как уже было сказано в классических построениях Ю. Хабермаса и Х. Арндт публичное описывается в пространственных терминах. Описание

публичного пространства у Х. Арендт телесно ориентированно, привязано к реальным городским пространствам и типам человеческой деятельности, в то время как Ю. Хабермас понимал пространство дискурсивно, то есть связывал его не с физическим, а с медиа-пространством. «Публичная сфера являлась, по Ю. Хабермасу, пространством между частными лицами и государственными органами, в котором люди могли бы встречаться и вести публичные дебаты об общественных вопросах»³⁰⁸. Подобное понимание публичности закрепилось в исследовательском дискурсе и получило своё продолжение в работах более поздних авторов. Хаузер понимает под публичным пространством «дискурсивное пространство, в котором индивиды и группы собираются для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес, и где возможно прийти к общему решению»³⁰⁹. Для Х. Арендт «разница между приватной и публичной сферами сводится в конечном счёте к разнице между вещами, предназначенными для публичности, и теми, для которых нужна потаённость»³¹⁰. Смысл человеческих дел сильно зависит от того места, где они осуществляются, причём какие из мест «заслуживают быть публично выставленными на обозрение и какие требуют потаённости в приватной сфере, не произвольно и не привязано исключительно к историческим обстоятельствам, но заложено в самой сути дела»³¹¹. У Х. Арендт различение приватного и публичного пространств в какой-то мере является исторически инвариантным: «в каком-то совершенно элементарном и принципиальном аспекте наше ощущение приватного ничем не отличается от того, какое имело хождение ранее»³¹². У Ю. Хабермаса публичная сфера представлена как изобретение Нового времени, социальный конструкт и продукт определённой эпохи. У обоих

---

³⁰⁸ Жолудь В. Публичная сфера социальных медиа: от деградации к трансформации // Вестник ВГУ. Серия: филология. Журналистика. 2013. №1. С. 132.

³⁰⁹ См. Hauser G. A. Vernacular dialogue and the rhetoricality of public opinion // Communications Monographs. 1998. Т. 65. №. 2. С. 83-107.

³¹⁰ Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 94.

³¹¹ Там же. С. 102.

³¹² Там же. С. 94.

авторов публичная сфера/пространство является внешним по отношению к индивиду, что так или иначе подразумевается в пространственных метафорах.

Существует и противоположный, непространственный подход, согласно которому публичное и приватное понимается как особые свойства социального действия, изменение поведения исходя из обладания контекстом действия. Исследовательский акцент смещается с пространства как чего-то внешнего по отношению к индивиду на искусство поведения отдельных индивидов, осознающих контекст своего действия как публичный или приватный. К данному подходу относятся теоретические разработки И. Гофмана³¹³, Р. Сеннета³¹⁴ и в какой-то степени Э. Гидденса³¹⁵.

И. Гофман связывает публичное поведение с «экспрессивной функцией», связанной с исполнением роли и желанием управлять впечатлением, производимым на публику. Анализируя передние и задние планы человеческого взаимодействия, И. Гофман приходит к выводу, что реальные чувства людей, выполняющих в кадре формальные или стилизованные роли, находятся за кулисами. Э. Гидденс находит такую интерпретацию неудовлетворительной, поскольку если субъекты деятельности являются и чувствуют себя просто актёрами, скрывающими своё истинное Я под масками, то социальный мир оказывается лишённым содержания. Драматургическая модель хорошо описывает действия актёра на сцене, который имеет определённую цель – продемонстрировать свою виртуозность и актёрское мастерство, однако большинство представителей других профессий, не связанных с публичным выступлением, такой цели не имеют и чувствуют себя на рабочем месте вполне аутентично. Постоянная «игра на публику» не могла бы дать чувство безопасности, и в нормальном

---

³¹³ См. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003

³¹⁴ См. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

³¹⁵ См. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005.

психическом состоянии человек в повседневной жизни далеко не всегда чувствует себя актёром на сцене, даже находясь на публике. «Поскольку в большинстве случаев имеет место глубокое, хотя и относительно обобщённое, эмоциональное погружение в повседневную рутину, акторы (субъекты деятельности) обычно не ощущают себя актёрами (исполнителями)»³¹⁶. Для человека являются значимыми как передний, так и задний планы взаимодействия, поэтому связывать аутентичность и раскрытие самости только с задним планом – методологически неверно. Деление на передний и задний планы не всегда совпадает с мотивациями сокрытия (утаивания) и раскрытия (разоблачения), однако задний план действительно может быть использован для обеспечения поддержания психологической дистанции между собственными взглядами и взглядами, которые принято разделять в сообществе. Выражение последних на публике обычно носит нормативный характер, соответственно, сама возможность не говорить на публике то, что не отвечает нормативным ожиданиям, формирует разделение переднего и заднего планов. Отметим, что в социальных ситуациях, подразумевающих жёсткую регламентацию способов поведения и применение нормативных санкций за нарушение «правил игры», драматургическая метафора И. Гофмана является рабочей, но не все события общества являются таковыми. Кроме того, закулисье тоже является сценой, кулуары научной конференции нельзя считать частной сферой, хотя кулуары выступают задним планом по отношению к пространству конференции. Таким образом, даже ситуации закулисья подразумевают свои передние и задние планы. Вне контекста формальных мероприятий задний план взаимодействия является неотъемлемой частью душевного комфорта, поскольку восстанавливает независимость, утраченную или ограниченную вследствие необходимости «быть на людях»³¹⁷.

---

³¹⁶ Там же. С. 193.

³¹⁷ Там же. С. 196.

Р. Сеннет во многом следует за И. Гофманом, обозначая в качестве основы различения приватной и публичной сферы «притворство» – манерность поведения, направленного на аудиторию. Р. Сеннет отмечает, что важным допущением подобной драматургической модели поведения, является различие «веры в условность» и «веры в личность», однако в современности происходит смешение публичной и приватной сфер, возникает доверительность в общественных делах.

Признавая эвристические возможности обеих групп подходов, мы обозначим в качестве продуктивного напряжения, приводящего к постоянному пересмотру границ публичного и приватного, с одной стороны, возможность индивида определять передний и задний планы взаимодействия и в соответствии с этим корректировать своё поведение, с другой стороны, некоторое устоявшееся положение дел, предписывающее какие социальные группы могут быть допущены к публичному пространству, а какие допущены быть не могут, какие темы могут коммуницироваться публично, а какие должны быть «закрыты» в приватном пространстве.

Публичная приватность и приватная публичность

Описав антитетические оси, задающие сетку координат нашего исследования, мы осуществим попытку синтеза двух традиционно разделённых дискурса, в которых отдельно тематизировались проблема влияния интернета на формирование публичной сферы и проблема утраты приватности, связанная с новыми цифровыми способами сбора личных данных. Целью методологического синтеза является описание взаимной конвергенции публичной и приватной сфер, вызванной внедрением цифровых социальных медиа в повседневные человеческие взаимодействия. Помимо двойной оптики, позволяющей рассмотреть публичное и приватное одновременно как пространства и как свойства социального действия, нам понадобится ввести два новых понятия – «публичной приватности» и «приватной публичности».

В научный обиход эти понятия были введены исследовательницей З. Папахарисси. В книге «Приватная сфера: Демократия в Цифровой век»³¹⁸, как видно из названия, акцент сделан на частной сфере, которая переплетается с публичной, что и даёт возможность говорить о «публичной приватности» – раскрытии свойств и характеристик частной жизни в публичной сфере; и о «приватной публичности» – возможности ограничения доступа и фильтрации аудитории, допущенной к раскрытию частной жизни. Приватность, по мнению исследовательницы, становится в некотором роде потребностью, удовлетворение которой связано с контролем над информационными потоками. Новые медиа изменяют формы повседневного взаимодействия и человеческие привычки, появляется желание выносить частное в публичное, в то же время оставляя за собой право ограничения таких форм вынесения. Не вся приватная информация воспринимается пользователем одинаково. Какую-то часть приватной жизни пользователь хочет вынести на публику, какая-то выносится без его желания, но в её распространении пользователь не видит ничего предосудительного, какая-то выносится без его ведома и нежелательна к распространению. В таком случае, считает З. Папахарисси, условием возможности сохранения приватности является возможность контролировать распространение информации о себе, если какая-то информация из частной жизни находится в публичном доступе – это не означает, что пользователь дал согласие. Несмотря на ряд достаточно точных описаний последствий внедрения интернета в повседневные взаимодействия, заданная дефиниция концептам «публичной приватности» и «приватной публичности», с нашей точки зрения, не ухватывает разностороннее воздействие интернет-технологий на конвергенцию приватного и публичного, поскольку стремление транслировать частную жизнь в публичную сферу, в то же время ограничивая доступ к ней, исходит из одного источника – желания

---

³¹⁸ См. Papacharissi Zizi. A Private Sphere: Democracy in a Digital Age / Z. Papacharissi. – Cambridge, 2010.

пользователя. Соответственно, заданные дефиниции не ухватывают проблему, связанную с использованием личных данных пользователей для создания стоимости и государственного контроля. Пользователь расстаётся с личными данными, наблюдается извне вне зависимости от своего желания, причём возможность высказывания на публику и возможность сбора личных данных предоставляется одной и той же технологией. Пользователь не может быть уверенным, какие действия осуществляются приватным образом, а какие являются частью публичной коммуникации. Например, распространённые в интернете механизмы селекции и аккумуляции зрительской активности приводят к тому, что аудитория, выбирая важную для себя информацию, участвует в формировании трендов, на основании которых остальные пользователи совершают свой выбор. Просмотр видеоролика, кинофильма, новости или книги превращается в публичный акт, хоть и до некоторой степени анонимный. Мы воспользуемся данными концептами, но зададим собственную дефиницию исходя из перспективы нашего исследования.

Под коммуникативным актом, обладающим характеристикой *«приватной публичности»*, мы понимаем такой, который по форме, содержанию обладает свойствами приватного, но по факту размещения на публичной странице в социальных является публичным. С одной стороны, это может быть связано с неполным пониманием контекста коммуникации, когда индивид внутренне переживает коммуникативный акт как адресованный узкому кругу лиц, не отдавая себе отчёт, что размещение контента на публичной странице есть публичное заявление. Данное напряжение, возникшее из неправильного определения переднего и заднего планов коммуникации, точнее, из несовпадения содержания и интенции коммуникативного акта, переживаемого как приватный, и публичного контекста, заданного свойствами пространства коммуникации, может приводить к репутационным потерям, неформальным негативным санкциям (публичное осуждение вплоть до массовой травли), формальным санкциям

(привлечение к уголовной или административной ответственности, увольнение с работы).

Пользователь также может сознательно включаться в игру различий между приватным и публичным с целью увеличения вовлечённости зрителей, привлечения к себе внимания, извлечения прибыли. Например, когда выкладывает на свою страницу откровенные фотографии, нацеленные на широкую аудиторию, но заявляющиеся в качестве «личных». Вынесение в публичное поле тем, ранее считавшихся приватными или интимными, также может быть осознанным актом политической борьбы за переопределение границ приватного и публичного. Существует общественный запрос на политизацию некоторых тем и ситуаций, традиционно считавшихся приватными. Интернет становится средством тотальной инклюзии исключённых, позволяет привлекать внимание к проблемам, по тем или иным причинам вынесенным из публичного поля в сферу приватного. Примером служит движение «MeToo», направленное на изменение социальных норм снизу. Движение «MeToo» манифестирует, что придавать огласке случаи мужского угнетения и злоупотребления властью – это долг, только так психологическое страдание жертвы опрессии может получить статус социального факта. Вынесение фактов харассмента из приватного в публичное поле стало способом политической борьбы за переопределение ситуации. Ещё одним примером служит тема домашнего насилия. Женщины во многих странах мира выносят данную тему на публичное обсуждение, требуя от государства создания эффективных правовых институтов, которые защищали бы женщин от применения к ним домашнего насилия. Интернет является эффективным инструментом для политизации тем и событий, даже если государственные органы стремятся ограничить данные темы сферой приватного. Таким образом, часть информации, считающаяся в определённом обществе приватной, выносится в публичное поле с целью закрепления в поле правовом.

В то же время, не все сферы своей жизни мы готовы сделать более публичными, чем они есть на настоящий момент. Например, существует множество социальных движений в разных странах мира, которые выступают против технологий видеонаблюдения с распознаванием лиц, сбора данных компаниями платформенного капитализма («Google», «Facebook», «ВКонтакте» и т.д.) и специальными службами различных стран. Что выводит нас к теме «публичной приватности».

Факты из жизни индивида, которые становятся публичными или могут впоследствии таковыми стать без его ведома и вопреки его воле мы обозначим как обладающие характеристикой «*публичной приватности*». Важно отметить, что данные изымаются у пользователя не из-за неполноты понимания контекста, а из-за самого нахождения индивида в наблюдаемых средах. Часто пользователь оказывается не в состоянии каким-либо образом повлиять на процесс извлечения своих личных данных. Работа алгоритмов, которые каждую секунду собирают количественную и качественную информацию о пользователях; GPS, который мы постоянно носим в кармане; системы городского видеонаблюдения превращают социальный мир в своего рода паноптикум. В этом состоит часть договора осознанно или неосознанно заключённого между пользователями и владельцами крупных платформ. Бесплатное пользование в обмен на данные. Однако владельцы платформ – это не единственные стейкхолдеры, желающие получить доступ к данным. Поскольку это огромный властный ресурс, естественно, представители власти тоже в нём заинтересованы. Возрастающая ценность личных данных позволила Ш. Зубофф охарактеризовать современное общество как «капитализм наблюдения»³¹⁹.

Если в случае с владельцами платформ «социальный контракт» представляет собой «пользование в обмен на данные», то в случае с государством речь идёт о переформулировании общественного договора,

---

³¹⁹ См. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power: Barack Obama's books of 2019. Profile books, 2019.

предложенного Т. Гоббсом: «свобода в обмен на безопасность» – «данные в обмен на безопасность». Сбор и обработка данных о личной жизни населения посредством систем городского видеонаблюдения или получения доступа к аккаунтам в социальных сетях часто оправдывается борьбой с угрозами терроризма, преступности или иного делинквентного поведения, скажем, участия в несанкционированных акциях протеста или нарушения режима самоизоляции, связанного с Covid-19. Важно отметить параллелизм риторики, сложившейся вокруг тем домашнего насилия и борьбы с угрозами терроризма и преступности. В обоих случаях часть информации, традиционно локализуемой в приватной сфере, становится публичной с целью обеспечения безопасности. Разница состоит в том, что в первом случае гражданин решает, когда ему выносить часть своей приватности на публичное рассмотрение, а во втором случае это решают государственные органы. Государственные органы декларируют намерение применять технологии извлечения личных данных только в случае необходимости защиты населения и сохранения правового порядка, однако нет никаких гарантий, что данные технологии не будут использованы с целью извлечения политической выгоды, как и нет гарантий отсутствия злоупотреблений на местах.

Интернет-технологии, предоставляя дополнительные возможности для политического действия, инклюзии исключённых, реформирования границ приватного и публичного, в то же время несут очевидную угрозу утраты приватности. Операторы сотовой связи, дебетовые и кредитные карты, системы CCTV, технологии распознавания лиц создают ситуацию тотальной слежки внутри и вне цифрового пространства. В своей статье «Letter to a young selector» Дж. Эпплбаум пишет: «Ваше поколение (имеется в виду поколение конца девяностых – начала нулевых – Е.Ц.) является первым, которое выросло в условиях тотальной слежки»³²⁰. Готовы ли люди

---

³²⁰ Appelbaum J. Letter to a Young Selector // Astro noise: a survival guide for living under total surveillance. New York: Whitney Museum of American Art, 2016. P.155.

пожертвовать частью своей приватности ради безопасности и какой конкретно частью готовы пожертвовать, зависит от конкретных социальных обстоятельств и умонастроений в обществе, социальных норм и ценностей.

Современная ситуация, связанная, с одной стороны, с переопределением «публичного / частного» в политических целях, с другой – с утратой приватности, укоренена и фундирована интернет-протоколами. Поскольку изначально интернет разрабатывался для узкого круга людей, доверявших друг другу, разработчики протоколов не опасались спама, DDOS-атак, кибернасилия, государственной слежки, вирусов и потери личных данных. Из-за описанных нами особенностей работы интернет-протоколов, пользователь не всегда может узнать от кого приходит сообщение. Так же, как замечает Дж. Ланир «... стало непросто узнать, на какой конкретно сервер вы входите, когда запускаете какое-то программное обеспечение»³²¹. С развитием интернета непрозрачность только усиливалась, так как разработчики хотели защитить свою личную жизнь от государственной слежки.

Однако, несмотря на все усилия пионеров сети, современный интернет стал местом, где о таком понятии как «*приватность*» можно забыть. Это наглядно показали создатель WikiLeaks Джулиан Ассанж, бывший сотрудник ЦРУ Эдвард Сноуден и один из ключевых участников проекта «Tor» Джейкоб Эпплбаум. Государственные структуры, оказывая давление на крупные интернет-компании, получают доступ к данным, которые пользователи нарочно или случайно оставляют о себе, да и сами интернет-компании не брезгают конвертацией личных данных пользователей в денежные знаки. Речь идёт не только о подробном досье, которое пользователь составляет сам на себя в социальных сетях, но об истории его поисковых запросов, о его местоположении и многом другом. Например, английская компания «Cambridge Analytica», занимающаяся политическим консалтингом, предположительно использует личные данные пользователей

---

³²¹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 197.

Facebook, чтобы влиять на результаты выборов³²². Государства и корпорации – не единственные наблюдатели в ситуации тотальной паноптичности интернет-пространства, существует ещё и субкультура хакеров, способных взломать облачные хранилища и выложить чьи-то личные фотографии в общий доступ.

Сторонники идеи «шифропанка»³²³ считают, что интернет из свободного от цензуры пространства превращается в орудие государственного контроля. Шифропанки видят частичное решение проблемы тотальной слежки в написании специального ПО (криптографии), которое будет шифровать сообщения пользователя, увеличивая непрозрачность интернета³²⁴. Но у медали две стороны, непрозрачность и анонимность в мировой сети рождают не меньше проблем. Протокольная структура интернета открывает широкий простор для преступной деятельности, которую сложно отследить. Для обычного пользователя интернет оборачивается паноптикумом, в то время как для умелого хакера интернет-пространство обладает достаточной непрозрачностью, чтобы скрыть свою деятельность, если возникнет такая необходимость. Существует множество инструментов для сокрытия следов своей деятельности в сети, самые известные из них: TOR (аббр. англ. «The Onion Router» – луковичный браузер), I2P (англ. «Invisible Internet Project» – невидимый интернет). Данное ПО создано для шифрования данных и множественную смену IP-адресов. Таким образом, почти невозможно определить с какого IP-адреса первоначально был осуществлён запрос. Часто такой софт пишется и распространяется из лучших побуждений, чтобы сохранить приватность в интернете. Но все люди разные, кто-то начинает

---

³²² См. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach // The Guardian [Электронный ресурс] – 2018. URL: https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election?CMP=share_btn_tw (дата обращения: 10.03.2021).

³²³ См. Hughes E. A Cypherpunk's Manifesto [Электронный ресурс] – March 9, 1993. URL: <https://www.activism.net/cypherpunk/manifesto.html> (дата обращения: 10.03.2021)

³²⁴ См. Ассанж Дж. Аппельбаум Дж., Мюллер-Магун Э. Шифропанки: свобода и будущее интернета. М.: Азбука, 2014. – 224 с.

использовать это ПО в преступных целях, что приводит к появлению глубокой паутины (англ. Deep Web) и тёмной паутины (англ. Dark Web).

Глубокая паутина (невидимый интернет) – это множество веб-страниц, не индексируемых поисковыми системами. Отличие глубокого интернета от того, с которым миллиарды людей работают каждый день, заключается в том, что сайты глубокого интернета остаются невидимыми для поисковых роботов (англ. «web crawler») – программ, являющихся составной частью поисковой системы и предназначенных для перебора страниц интернета с целью занесения информации о них в базу данных поисковика. Данная процедура индексации происходит следующим образом: программы переходят по гиперссылкам и индексируют содержимое веб-страниц, на которых они оказываются. Соответственно, информация из баз данных, доступная пользователям через поисковые веб-формы (но не по гиперссылкам), остаётся недоступной для робота. Таким образом, значительная часть всемирной паутины оказывается скрыта от поисковых роботов, а то, что невозможно индексировать – невозможно и аккредитовать.

Немалую часть глубинной паутины занимает тёмная паутина, где процветает кибер-преступность: торговля наркотиками и оружием, детская порнография, подделка документов. Оплачиваются подобные товары и услуги сложно отслеживаемыми криптовалютами, характеризующимися высокой волатильностью и технической сложностью. Однако, как показывает практика, даже тёмный интернет может прослеживаться. Так в период между июлем и августом 2013-го, благодаря действиям сотрудников ФБР, был арестован основатель «Freedom Hosting» – 28-летний житель Ирландии Эрик Оуэн Маркес. На его серверах была обнаружена детская порнография. А 2 октября 2013 года Уильям Росс Ульбрихт, основатель самого большого сайта по торговле наркотиками «Silk Road», был арестован в Сан-Франциско. Его обвинили в наркоторговле и хакерских атаках.

Такие явления как тёмная паутина, интернет-пиратство, мировой терроризм, промышленный шпионаж и хакерские атаки, дают государству

полемические основания требовать от интернет-компаний предоставления доступа к базам данных пользователей. На что поборники приватности в сети отвечают: «Сторонники слежки часто рисуют картину «либо терроризм, либо слежка», тогда как в реальности слежка используется в обеспечении возможности всех видов удалённого контроля, включая акты террора»³²⁵.

Добавим, что анонимность в сети, помимо прочего, порождает такие явления как интернет-троллинг и другие виды кибернасилия. Кибернасилие (кибермоббинг от англ. cyber-mobbing / кибербуллинг от англ. cyberbullying) – это намеренные оскорбления, угрозы, и сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации. Не стоит думать, что тролли – это кучка маргиналов-садистов. Как замечает Дж. Ланир: «Троллинг – это не цепочка отдельных случаев, это статус-кво сетевого мира»³²⁶. Дело в том, что устройство интерфейса веб-сайта, позволяющее быстро создавать пользовательскую страницу, чтобы оставить комментарий, плодит троллей. Люди в условиях анонимности не боятся за свою репутацию, не боятся запятнать своё имя. Одновременно, человек напротив не воспринимается как личность, это просто нечто, скрывающееся под псевдонимом, так что можно его оскорблять. Когда интернет был элитарной технологией, распространённой в узкой академической среде, несоблюдение правил сетевого этикета грозило пользователю экскоммуникацией. Теперь, когда интернет стал массово распространённой технологией, экскоммуникацией тролля не напугать.

Что мы имеем в итоге? Полностью прозрачная система превратит интернет в готовое орудие государственного контроля, беспрецедентное по степени воздействия на граждан, или в инструмент манипуляции потребительскими привычками пользователей в интересах корпораций. С другой стороны, полностью анонимная система будет способствовать

---

³²⁵ Appelbaum J. Letter to a Yong Selector // Astro noise : a survival guide for living under total surveillance. New York: Whitney Museum of American Art, 2016. P. 156.

³²⁶ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 103.

расцвету киберпреступности и сетевого терроризма. Так же полностью анонимная система превратит людей в троллей, создавая в интернете всё более токсичную среду, где никого нельзя призвать к ответу, а личное мнение ничего не стоит.

Вынесение ранее частных тем, выход из тени ранее вытесненных из публичной сферы групп выводит нас к проблематике трансформации политической сферы общественной жизни.

3. Влияние интернета на организационную сферу общественной жизни: общество социальных движений.

Часть текста данного раздела была опубликована в изданиях конференций³²⁷.

3.1. Трансформация социальных движений и форм протестной активности.

Генезис современных форм социальных движений, в том числе протестных, тесно связан с урбанизацией, вызванной развитием капиталистических отношений в странах Европы, приведших к обезземеливанию крестьян («Овцы съели людей»³²⁸) и вынужденному переселению последних в города. Это не означает, что протестных движений не существовало до появления современных городов. От знаменитого восстания Спартака до крестьянских войн, имевших колоссальное влияние на ход европейской истории, – всё это является проявлением протестной активности. До урбанизации непримиримый «классовый антагонизм», если прибегать к терминологии Маркса, зачастую выливался в протестные движения, бунты, гражданские войны, однако *город* конституировал пространство и время *современных* протестных движений, задав подвижные, но ощутимые рамки возможностей их осуществления. С ростом городов, в которых концентрировались как потенциальные рабочие, необходимые для нового типа промышленного производства, так и потенциальные потребители, столь же необходимые для массового производства, появляются маргинализованные прослойки населения – городская беднота, деклассированный люмпен-пролетариат. Развитие города и промышленного производства привело к гомогенизации пространства работы (заводы), жилья

---

³²⁷ Цуркан Е.Г. Влияние социальных сетей на современные протестные движения // Восьмой Российский Философский Конгресс - Философия в полицентричном мире. Круглые столы. Сборник научных статей. Т. 4. М., 2020. С. 657–660

Цуркан Е.Г. Причины повышения протестной активности в эпоху новых медиа // Философские и социокультурные основания цивилизационного будущего России: сб. науч. тр. По материалам Всерос. науч. конф. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2020. С. 156-161.

³²⁸ См. Мор Т. Утопия. М.: Эксмо-Пресс, 2018.

(рабочие или бедные кварталы, а позже – массовая застройка), бунта (площади, улицы). Люди, потенциально объединённые одинаковым отношением к средствам производства, характером труда (или формами безработицы) и нахождением в одной локации, могли актуально объединяться в группы, чтобы манифестировать в протестной форме своё несогласие со сложившимся состоянием дел (state of affairs). Подробнее данную причину развития социальных движений в современности мы разберём в разделе «Тема Дюркгейма: коммуникативное пространство» настоящей работы.

В Англии, являвшейся пионером развития капиталистических отношений и индустриализации в эпоху колониальных империй, уже в 1715 году появляется «Закон о бунтах» (Riot act) – закон об охране общественного порядка, который давал полномочия местным властям применять силу для разгона незаконно собравшейся группы из 12 (!) и более человек, в случае, если они не разойдутся сами в течение часа после прочтения им соответствующего закона³²⁹. Если во времена крестьянских войн социальное движение должно было носить массовый характер, чтобы обратить на себя внимание политической элиты, то с развитием урбанизации масштаб *значимых* для власти протестов существенно уменьшился. Уже 12 человек могли обратить на себя внимание, что, безусловно, связано с физической близостью жизненно важных центров политического управления и очагов протеста в границах одного городского пространства.

Начиная со второй половины XIX-ого века, большинство значимых массовых социальных движений на долгое время было подчинено логике двух различных форм осуществления протеста: «рабочего движения» в странах с развитым индустриальным производством (Север) и «национально-освободительного движения» в остальных странах, часто бывших колониях (Юг). Данное аналитическое различие не является абсолютным, поскольку

---

³²⁹ Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 13.

часто социальные движения, манифестирующие себя в качестве «рабочих», прибегали к националистической риторике, причём обратное суждение будет столь же релевантным³³⁰. Движения коммунистов и социал-демократов, которые после 1968 года получили уничижительное название «старых левых», были насквозь иерархическими, в них доминировала идея того, что в любой стране только одно движение может быть подлинно революционным, остальные движения, пытавшиеся осуществлять автономную стратегию, признавались контрреволюционными и подрывающими приоритетную борьбу.

Данное положение изменилось в 1968 году, когда различные социальные движения, альтернативные рабочим и национально-освободительным, отказались подчиняться логике заданных протестных нарративов. «Забытые люди», такие как женщины, меньшинства (расовые, этнические, религиозные, сексуальные), люди, отдававшие приоритет экологическим вопросам или борьбе за мир, хотели получить право голоса, независимого от «приоритетных форм борьбы». Как пишет И. Валлерстайн: «Политические активисты 1968 года настаивали на том, что требования об одинаковом отношении ко всем этим группам больше не могут откладываться до неопределённого будущего времени после того, как будет «выиграна» основная борьба. Это были насущные требования, и гнёт, на борьбу с которым они были направлены, был не менее важен, чем то, с чем боролась приоритетная на данный момент группа»³³¹.

На политическую сцену восходят «новые социальные движения», разнообразные и лишённые единого центра стратегии борьбы за инаковость и тотальную инклюзию. Движения «старых левых» перестали рассматриваться в качестве катализаторов любых возможных социальных

---

³³⁰ См. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 264-282.

³³¹ Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 50.

перемен, они становятся лишь одной из многих альтернатив. Именно мировая революция 1968 года становится «инициирующим событием», вечно актуальным настоящим, которое разыгрывается и реактуализируется в современных протестных движениях, составляет их концептуальный каркас. « ... Для Робеспьера Древний Рим был прошлое, заряженное актуальным настоящим, прошлое, которое он вырывал из исторического континуума. Французская революция понимала себя как возвращение Рима. Она цитировала Древний Рим...»³³². Подобным же образом современные протестные движения цитируют 1968 год.

Итак, в конце 60-ых годов прошлого столетия современный протест как социальное явление обрёл свои устойчивые коммуникативные формы, идеологию и институциональную структуру. Большинство протестных тем, которые коммуницируются в онлайн-социальных сетях, а именно – борьба за мир, защита окружающей среды, права женщин, отстаивание альтернативных ценностей и норм поведения, коррупционность и иные дисфункции макросистем общества, были сформулированы в ходе развития «Новых социальных движений».

В настоящее время происходит трансформация социальных движений, форм и практик протестной активности, связанная с появлением интернета – информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Путём анализа можно выделить следующие антитегические оси, по которым происходит изменение в сторону уменьшения роли первого члена дистрикции и увеличения роли второго:

1. *Эксклюзия / инклюзия*. Рост интенсивности протестной коммуникации, который можно наблюдать начиная со второй половины XX века по наши дни, связан с включением ранее исключённых из социальной коммуникации групп населения. Традиционным для большинства традиционных социальных систем способом работы с девиантными формами поведения и

---

³³² Беньямин В. О понятии истории // Девять работ. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. С. 217.

нестандартными ценностями была эксклюзия (исключение, вытеснение) носителей этих форм и ценностей за пределы социальной коммуникации. С появлением и распространением альтернативных массовым источникам информации и новых средств коммуникации маргиналы наконец получили голос. Кроме того, травма второй мировой войны, связанная с ужасающими формами эксклюзии (концентрационные лагеря, переселения, геноцид), волны миграции и либеральные умонастроения широкой общественности привели к становлению культурных форм терпимости (толерантности) в качестве доминирующих. Одним из критериев общественного прогресса стала инклюзивность общественной коммуникации, включение в коммуникацию ранее не допущенных к ней групп, чему посвящено множество работ Юргена Хабермаса³³³. Согласно перформативной теории собрания Джудит Батлер, целью политического действия становится включение исключённых ранее групп в политическое поле, устранение политического неравенства возможностей³³⁴. Появление интернет-технологий и социальных сетей стало ещё одним шагом на пути к тотальной инклюзии исключённых ранее элементов. Интернет оказывается главным средством инклюзии эксклюдированных, более того, интернет-технологии предоставляют возможность формирования общности на основании исключённости и «поражённости в правах».

2. *Стратегическое (телеологическое) действие / коммуникативное действие*³³⁵. Движениям «старых левых», как было сказано выше, была свойственная строгая иерархичность и подчинение «побочных» форм борьбы «главному» протестному нарративу. Иными словами, цели интеграции различных субъектов в протестную активность и установления операциональной степени порядка в социальных движениях достигались посредством стратегического действия. Поскольку участники протеста,

---

³³³ См. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001.

³³⁴ См. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

³³⁵ См. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001.

соединяя свои действия, ориентируются исключительно на достижения успеха (в данном случае, захвата власти), «постольку они стараются достичь своих целей, оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы, с использованием оружия или подкупа, угроз или посулов»³³⁶. Данная цитата является определением специфики стратегического действия в общем, а не только в случае с протестным действием, тем не менее, данное определение можно использовать как важный ресурс для выявления специфики дискурсов «старых» и «новых» левых. «Новые социальные движения» используют для интеграции и упорядочивания различных коммуникативных актов, имеющих протестное содержание, и акторов, желающих стать частью социального движения, коммуникативное действие, направленное не на успех, а на понимание. Экологические и феминистские движения зачастую не направлены на захват власти и изменение своего (или всеобщего) социального положения «сверху», они подчиняются логике «экспериментирования снизу», изменения нормативных форм поведения и общественных ценностей путём коммуницирования проблемных, и потому протестных, тем. Чтобы стать членом движения, нужно обладать общим коммуникационным фоном, быть включённым в контекст борьбы, понимать цели движения и действовать (коммуницировать) в соответствии с этим пониманием.

3. *Масса / множество*³³⁷. Массовость движений, которая достигалась путём стратегического подчинения «побочных» нарративов «приоритетным формам борьбы», уступила место множеству различных локальных движений, диверсификации протестной активности и интерсекциональности. Логика, согласно которой сами по себе инертные массы нужно просвещать, создавать из «класса-в-себе» «класс-для-себя» или же взывать к

---

³³⁶ Там же. С. 199.

³³⁷ См. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

национальной идее, «корнями врастающей в таинственную глубину жизни»³³⁸, сменяется логикой активного и «генеративного» множества, которое само, без «придания формы» извне (в стиле гилеморфизма Аристотеля), способно порождать протестную коммуникацию.

Наступление эпохи цифровизации и рост популярности социальных сетей, помимо вышеперечисленных трансформаций, привели к изменению как формы, так и содержания протестной коммуникации. Формальная организация, в которой раньше нуждались протестные движения для своего осуществления, была заменена горизонтальной консолидацией вокруг коммуницируемой темы протеста без чётких критериев принадлежности к определённому протестному движению и без указания условий входа/выхода. Некоторые теоретики пишут об отсутствии не только формальной организации, но и фактических лидеров протеста³³⁹. Это делает социальные движения неуничтожимыми, поскольку для прекращения оказывается недостаточным изолировать лидеров и разрушить организацию. Вместе с тем протест стал более рассеянным, энергия недовольства может быть перенаправлена с одной темы на другую. В околоправительственных структурах создаются специальные подразделения, чтобы, «перебивая повестку», рассеивать энергию протеста.

Наконец, изменилось пространство и время протеста. Пространственная фиксация протеста в эпоху институционализации НСД не представляла труда, поскольку совпадала с телесным присутствием протестующих в определённых местах, где осуществлялся протест – городские улицы, площади и так далее. Современная протестная коммуникация де-локализована, рассеяна в социальных сетях, тематических форумах, специфических сайтах и так далее. Большую проблему для исследователя составляет картография протеста, в которой нельзя ограничиться простой

---

³³⁸ Бердяев Н.А. Русская идея и судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 306-307.

³³⁹ См. Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. 126 с.

констатацией горизонтальности и некоторого рода спонтанности процесса общественной консолидации вокруг темы протеста, поскольку несмотря на отсутствие общей организационной рамки, коммуникационные возможности в сетях распределены неравным образом. Существуют посредники, которые заполняют структурные дыры, создавая мосты для распространения и продвижения протестной коммуникации³⁴⁰, и инфлюенсеры, чьё мнение по многим вопросам обращает на себя внимание гораздо большего количества людей.

Что касается временной фиксации протеста: протест перестаёт быть единовременным событием, он становится «кампанией»³⁴¹ – длительностью, объединённой чувством несправедливости, поражённости в правах и оторванности от механизмов власти. Конечно, «чувства» как феномена системы индивидуальной психики недостаточно для того, чтобы протестные формы коммуникации приобрели устойчивость. В рамках психики (в непатологических случаях) эмоции не способны аккумулироваться и сохраняться достаточно долго, если нет институтов, переводящих психический мотив в социальную установку, в нормативное ожидание или иную стандартную реакцию на соответствующее стандартное событие.

3.2. Смена оптики рассмотрения социальных движений.

В социальной теории в качестве двигателя и/или проводника социальных изменений обозначаются различные силы и агенты: великие личности, идеи, нормативы, техника, государственные институты, элиты, массы, классы и, наконец, социальные движения. Последние приобретают всё большую актуальность как на современной политической арене, так и в социальной теории, всё чаще попадая в социологическую оптику не просто

---

³⁴⁰ См. Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95-104.

³⁴¹ См. Момджян, К.Х. (ред.) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019.

как одна из причин социальных изменений или как их продукт, но как основной их инициатор и проводник.

Как пишут Э. Гидденс и Ф. Саттон: «На протяжении большей части XX века социальные движения рассматривались социологами как необычные и даже иррациональные явления»³⁴². Социальные движения ставились в один ряд с бунтами, революциями, волнениями масс, и соответственно описывались в терминах «аномии», «общественной дезинтеграции» и «структурного дисбаланса». Согласно данной логике, если в обществе имеют место протестные движения, то это сигнализирует о том, что основные макросистемы общества, такие как экономика или политика, недостаточно эффективно функционируют. Соответственно, сами общественные движения в такой оптике понимаются как симптом, то есть следствие социальной дезинтеграции. Причём, если работа макросистем не будет вовремя отлажена, то протест может привести к подрыву существующей общественной системы как таковой. Поэтому теоретические позиции, с которых рассматривались социальные движения, были рефлексивно или не рефлексивно алармистскими.

Существует, однако, и противоположная логика, согласно которой социальные движения не столько сигнализируют об общественной дисфункции, сколько являются дополнительной коммуникативной системой, которая выполняет функцию «коррекции наблюдения», восполняющую дефицит рефлексии, недостаточную скорость реагирования и некоторую степень закрытости, свойственные традиционным коммуникативным макросистемам. Социальные движения не подчинены инерции, которую всегда влечёт за собой высокая степень институционализации и регламентирования операций, свойственные основным макросистемам. Они представляют собой «движение» *par excellence*, текучесть и мгновенную адаптацию, именно в них зачастую формируется и формулируется

---

³⁴² Гидденс Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 329.

общественный запрос на изменение. Причём требования, изначально не носившие политический характер, будучи сформулированными участниками различных социальных движений, имеют тенденцию достаточно быстро политизироваться и предъявляться в качестве таковых действующим институтам власти³⁴³. Таким образом, социальные движения как наиболее изменчивая, подвижная и в то же время политически активная часть социальной системы реконцептуализируются в качестве инициатора, а также часто агента и проводника умеренных и радикальных социальных преобразований.

На протяжении XX-ого века оптика, распознающая социальные движения, в особенности протестные, в качестве маргинальных и иррациональных событий, сигнализирующих об «общественной дисфункции» была последовательно заменена. Функции и статус социальных движений и общественных протестов стали пониматься в более конструктивном ключе и соответствующим образом описываться. Герберт Блумер называл социальные движения «одним из главнейших способов, которым переделываются современные общества»³⁴⁴ и «видел в социальных движениях агентов социальных изменений, а не только их продукты»³⁴⁵. Льюис Киллиан обозначал социальные движения как «создателей социальных преобразований»³⁴⁶, Мэделин Адамсон и Сет Боргос – в качестве трансформирующих агентов политической жизни и «носителей исторических проектов»³⁴⁷. Никлас Луман пишет, что именно в поле социальных движений находится та позиция, которая позволяет

---

³⁴³ См. Porta della D. How progressive social movements can save democracy in pandemic times // *Interface: a journal for and about social movements*. 2020. Vol. 12 (1). P. 355-358.

³⁴⁴ Blumer H. *Collective Behavior // Principles of Sociology*. New York: Barnes&Noble, 1969. P. 165.

³⁴⁵ Гидденс Э., Саттон, Ф. *Основные понятия в социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 329.

³⁴⁶ Killian L.M. *Social movements // Handbook of modern sociology*. Chicago, IL: Rand McNally, 1964. P. 426.

³⁴⁷ Adamson M., Borgos S. *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*, Boston: Routledge Kegan & Paul, 1984. P. 12.

современному обществу себя наблюдать на самой границе своей альтернативности. Только сквозь оптику социальных движений общество способно обнаружить некоторые негативные последствия своего структурного выбора³⁴⁸.

Появились различные конкурирующие между собой теоретические подходы к описанию социальных движений. Структурно-критический подход «настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе»³⁴⁹. Сходным образом волнения в обществе как результат структурного напряжения были описаны в функционалистской теории Нейла Смелзера³⁵⁰. В ресурсно-мобилизационном подходе протест рассматривается как ресурс извлечения и максимизации «прибыли» относительно издержек участия в движении.

В результате волны протестов, прокатившейся по миру в 1960-ых годах, на политическую арену взошли «новые социальные движения», принявшие более свободные организационные формы, что сформировало запрос в научном сообществе на разработку нового языка описания социальных движений или уточнение старого. Ответом стала теория «коллективной идентичности», носители которой передают символические сообщения о назревших в обществе проблемах³⁵¹. Данный подход близок к «символически-интеракционистскому», в котором «протестное движение рассматривается как ключевой фактор социальной динамики, состоящий в борьбе за публичное определение ситуации, как фактор в определении, генерировании и продвижении собственной идентификации, воплощение

---

³⁴⁸ Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 213-214.

³⁴⁹ Бараш Р.Э., Антоновский А. Ю. Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 102.

³⁵⁰ См. Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press of Glencoe, 1962.

³⁵¹ См. Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. London: Hutchinson Radius, 1989.

новых образов жизни»³⁵². Все описанные выше теории объединяет положение, согласно которому социальные движения являются не общественной дисфункцией или результатом социальной аномии, но функцией, которую нужно зафиксировать и описать.

Попытка описания социальных движений в терминах дополнительной коммуникативной системы, выполняющей функцию «коррекции наблюдения», или же «генератора альтернатив», причём не только чисто политических, но также ценностных, нормативных, поведенческих, сталкивается с очевидной проблемой «избыточности» этой функции. За генерацию альтернатив, критику и программную рефлексию в политической системе отвечает партийная оппозиция, которая не требует дополнительных экстра-парламентских форм поддержки для проведения своих требований в жизнь, также функцию критики существующей власти выполняют массмедиа. Экономические дисфункции должны компенсироваться политически-мотивированными налоговыми перераспределениями и рыночной конкуренцией, что тоже не требует дополнительной коммуникативной системы, производящей коррекцию и предлагающей альтернативы. Иными словами, функционального объяснения самого по себе недостаточно для обоснования роста протестных движений.

Несмотря на указанную нами «избыточность», в современном мире возникает и развивается всё больше социальных движений, в том числе радикальных. Протест становится частью нормальной работы политической системы. Более того, устойчивый рост количества различных социальных движений и их тематического разнообразия, позволяет исследователям заявить о наступлении «эры социальных движений»³⁵³ или появлении

---

³⁵² Момджян К.Х. (ред.) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 5.

³⁵³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 343.

«общества социальных движений»³⁵⁴. Именно возрастающая политическая роль социальных движений при их кажущейся функциональной избыточности требует привлечения дополнительных теоретических ресурсов для обозначения причин наблюдаемого количественного роста и разнообразия, происходившего на протяжении всего XX и начала XXI веков.

В настоящий момент социальные движения переживают трансформацию, связанную с распространением интернета – информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Задачей данного раздела работы является выявление и классификация причин, обусловивших особую важность социальных движений в цифровую эпоху, и соответствующих теоретических разработок. Помимо функциональных причин, находящихся на макроуровне анализа, следует выделить психологические и идеологические причины, мотивирующие агентов на микроуровне, а также структурные и пространственные условия, составляющие поле возможности для осуществления протестной деятельности. Мы предполагаем, что ни одна из групп причин не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений. Обозначенные нами причины находятся в отношении взаимодополнительности.

Для достижения обозначенной цели мы воспользуемся теоретическими разработками П. Штомпки, который в произведении «Социология социальных изменений» выделил семь причин роста протестных движений в конце XIX – начале XX столетия. Выделенные причины Штомпка разбивает на пять «тем», приписывая каждую классику XIX столетия, который занимался разработкой данной объяснительной модели: а) тема Дюркгейма, б) тема Тённиса, в) тема Маркса, г) тема Вебера, д) тема Сен-Симона и Конта. В качестве отдельных, не соотнесённых с именами классиков, причин бурного роста социальных движений он выделяет образовательный подъём и

---

³⁵⁴ См. Meyer D.S., Tarrow S. The social movement Society: Contentious Politics for a New Century. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1997.

возникновение средств массовой информации³⁵⁵. В нашу классификацию последние две «безымянные» причины не попадут, поскольку появление и развитие средств массовой информации является общей темой для данного исследования (исследование посвящено изучению влияния интернета на социальные движения), а определённый уровень образования является базовым условием использования интернета. Задачей нашего исследования станет рецепция пяти классических «тем», в которых ухватываются отдельные причины роста социальных движений и, в частности, протестной активности, и их применение к описанию современной волны протестов, связанной с распространением интернета.

Мы решили воспользоваться именно классификацией Штомпки ввиду *трёх причин*. Во-первых, это позволит реактуализировать наследие классиков, что даст нам в дальнейших исследованиях большое количество теоретических ресурсов и крепкую методологическую основу. Во-вторых, в классификации Штомпки осуществлено двойное описательное движение: с одной стороны, описываются причины возрастания значимости социальных движений как общественного явления, с другой стороны, эти причины обозначены в качестве «тем», то есть теоретических традиций. Мы осуществим схожий концептуальный жест, одновременно указывая как на причины роста социальных движений, так и на конкретные работы, в которых эти причины тематизированы. В-третьих, современные исследования, посвящённые установлению связи между повышением протестной активности и распространением интернета, часто повторяют классические исследовательские ходы и используют схожие объяснительные модели с учётом изменившегося политико-социального и технологически-медийного контекста. Теперь обратимся непосредственно к каждой из «тем» и попытаемся раскрыть, как каждая из них работает в контексте современных интернет-исследований.

---

³⁵⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 343-344.

3.3. Причины роста значимости социальных движений в политических процессах в контексте интернет-исследований

Тема Дюркгейма: коммуникативное пространство

Первой темой и причиной, обусловившей возрастание значения социальных движений в новейшей истории, является «тема Дюркгейма», под которой подразумевается простое физическое скопление больших масс людей, связанное с урбанизацией и индустриализацией. «Это создаёт большие возможности для контактов и взаимодействия, выработки единой точки зрения, общей идеологии и сплочения единомышленников. Короче говоря, шансы для мобилизации социальных движений существенно увеличиваются. Могло ли возникнуть социалистическое движение без фабричной системы, где тысячи рабочих находятся в непосредственном контакте?»³⁵⁶.

Следуя логике данной темы само скопление больших масс людей с потенциально общими интересами в одном *физическом* пространстве даёт возможность для мобилизации социальных движений. В современных условиях цифровизации публичного пространства этот тезис можно видоизменить, отчего он не потеряет своей убедительности: простое наличие людей с потенциально общими интересами в едином *коммуникативном* пространстве интернета мобилизует протест. Если разделяемое пространство будет не физическим, но коммуникативным с сохранением прямого общения и возможности обращения любого участника коммуникации к другим, то аргумент не утратит силы. Более того, в современных социологических и антропологических исследованиях ставится под вопрос примат «реального» пространства как серьёзного и первостепенного над «виртуальным» как вторичным и несамостоятельным. В частности, Том Боэльсторф, проводя «полевые» исследования виртуального пространства игры «Second life», приходит к выводу, что: «Виртуальные миры не являются посредниками между местами; они являются самостоятельными местами, которые

---

³⁵⁶ Там же. С. 343.

сохраняются, когда люди входят и выходят из них» [13, с. 394]³⁵⁷. В этом смысле виртуальные пространства не являются просто «медиа», то есть посредниками, соединяющими различные места. «Жители виртуальных миров учат нас, что это настоящие места, которые нужно понимать по-своему»³⁵⁸. Исходя из социологического принципа «следуй за людьми» наблюдение за участниками коммуникации должно осуществляться в том месте, где они взаимодействуют, а не в физическом мире, где они телесно представлены. Хотя безусловно нужно учитывать тот контекст, в котором существуют коммуниканты вне виртуального пространства.

Пространство интернета, конечно, не является единым, распадаясь на различные платформы и пучки взаимодействий. Однако в обыденных интернет-практиках большинство людей используют социальные сети, в которых взаимодействуют с достаточно ограниченным кругом пользователей. Алгоритмы рекомендаций, формирующие новостную ленту, выполняют гомогенизирующую функцию, предлагая пользователю ту информацию, к которой он уже проявил интерес. Согласно теории Дж. Ланира, работа алгоритмов приводит к повышению «плотности» коммуникации и вовлечения пользователя, вместе с тем создавая иллюзию, что его точка зрения на политические процессы является наиболее широко представленной, разделяемой в сообществе и адекватной. Информационный пузырь, созданный работой алгоритмов, приводит к формированию внутри информационного пространства социальных сетей закрытых групп людей, разделяющих общие политические взгляды. Причём из-за информационной герметичности пузыря политические взгляды, разделяемые сообществом, со временем радикализируются. Данное явление Дж. Ланир окрестил «новым трайбализмом»³⁵⁹.

---

³⁵⁷ Boellstorff T. For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real // *Current Anthropology*. 2016. № 57:4. P. 394.

³⁵⁸ Там же. P. 394.

³⁵⁹ См. Lanier J. *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*. New York: Henry Holt and Company, 2018.

Нахождение в пространстве интернета как причина протестной активности встречается в достаточно большом количестве русских и зарубежных статей, написанных в период между 2011-ым и 2013-ым годами и посвящённых интернет-протесту. Как пишут в своём исследовании З. Кныжова и И. Суслов «...своеобразие российского научного дискурса в первой половине 2010-ых заключалось в определении Интернета как первопричины протестной мобилизации»³⁶⁰. Серьёзное влияние интернета на политические события заинтересовало Российских исследователей во время протестных движений 2011-2013 годов, главной символической локацией которых стала Болотная площадь. Обнаружив корреляцию между распространением интернета и участием людей в митингах, исследователи поспешили сделать вывод о наличии причинно-следственной связи. Е. Драчева и А. Щербак в своём исследовании указывают на связь между уровнем проникновения интернета и числом протестов в российских регионах³⁶¹. В западных исследованиях акцент был сделан на возможности мобилизации граждан посредством интернета против авторитарных режимов³⁶². Более того, события Арабской весны настолько вдохновили американских исследователей, что «Facebook-революция» и «Twitter-революция» стали расхожими фразами, протестные манифестации на площади Тахрир в Каире были объявлены заслугой Кремниевой долины, а социальные сети чуть ли не главным проводником демократизации авторитарных режимов³⁶³.

---

³⁶⁰ Кныжова З.З., Суслов И.В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. №5. С. 60.

³⁶¹ См. Драчева Е., Щербак А. Политический Интернет и гражданское общество на выборах 2011–2012 гг. // Публичная политика-2011: сборник статей. СПб: Норма, 2012. С. 26-39.

³⁶² См. Reuter O., Szakonyi R. Online Social Media and Political Awareness in Competitive Authoritarian Regimes // British Journal of Political Science. 2013. Vol. 45, №1. P. 29-51.

³⁶³ Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. P. 81-82.

Обозначение распространения интернета в качестве причины роста протестной активности является в высшей степени проблематичным. Согласно количественному исследованию Г. Волфсфельда и др., проведённому в 2013 г. на материале опроса респондентов из 20 арабских стран, более значимой статистической корреляцией является соотношение политической активности с уровнем коррупции и соблюдения прав человека, а не со степенью интернетизации. Авторы приходят к выводу, что повышение активности использования интернет-сети является следствием протестной активности, а не причиной. Об этом свидетельствует рост количества зарегистрированных в Facebook пользователей в тех арабских странах, где протесты уже начались³⁶⁴. К схожим выводам пришли С. Гонзалес-Бейлон и её коллеги в результате опроса авторов твитов о протестах в Испании в 2011 г. Проведённое исследование показало, что большинство пользователей, писавших протестные твиты, активизировались только после начала протестов³⁶⁵.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что интернет является полезным инструментом для: а) мобилизации и координации протеста; б) преодоления цифровых блокад, выстраиваемых провластными СМИ вокруг протестной активности; в) формирования коллективной идентичности протестующих. Однако сама возможность коммуникации в цифровом пространстве не является достаточной причиной роста протестной активности. В интернете могут коммуницироваться различные темы. Это «генеративное» или плодовитое сообщество в терминах Дж. Зиттрейна³⁶⁶, в избытке производящее коммуникацию, но, чтобы эта коммуникация была именно протестной и массовой, должны быть дополнительные причины. Это

---

³⁶⁴ См. Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // *International Journal of Press/Politics*. 2013. Vol. 18., №2. P. 115-137.

³⁶⁵ См. Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion // *American Behavioral Scientist*. 2013. Vol. 50, №7. P. 943-965.

³⁶⁶ См. Zittrain J.L. *The Future of the Internet – And How to Stop It*. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

приводит нас к «теме Маркса», в которой акцент ставится на референте протестной коммуникации – внешнем объекте, к которому коммуникация отсылает, то есть к структурным напряжениям и общественным дисбалансам.

Тема Маркса: структурные напряжения

Под «темой Маркса» Штомпка понимает «беспрецедентный рост социального неравенства, ступенчатую иерархию богатства, власти и престижа, что характерно для современной капиталистической экономики»³⁶⁷. Чрезмерная эксплуатация, поляризация общества, гендерное неравенство и экономические кризисы являются значимыми причинами для объединения людей. В более общем виде данную тему можно обозначить как структурные напряжения, выступающие в качестве внешнего референта протестной коммуникации. В теме Маркса основной причиной протестной активности выступает «объективный» дисбаланс в работе социальных макросистем, порождающий общественное напряжение. Внешние по отношению к самой протестной коммуникации проблемы, те самые, с которыми протест призван бороться.

Согласно К. Марксу, антагонистическая форма процесса общественного производства, к которой относятся буржуазные производственные отношения, в своей работе усиливает имеющийся антагонизм, вместе с тем создавая материальные условия для его разрешения, причём под «разрешением» понимается исключительно революция³⁶⁸. Несмотря на имеющиеся попытки, ни одной неантагонистической формы общественного производства на данный момент создано не было, поэтому мы воспользуемся усечённой версией вышеизложенного тезиса, а именно: в процессе нормальной работы основные макросистемы общества порождают «объективные» экономические, политические и иные формы неравного распределения ресурсов, которые становятся референтом протестной коммуникации.

---

³⁶⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 344.

³⁶⁸ Маркс К. К критике политической экономии. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1949. С. 8.

Относительно событий арабской весны, помимо приведённого выше исследования Г. Волфсфельда и др.³⁶⁹, «объективные» структурные напряжения в качестве основной причины протеста заявляются в исследовании С. Циреля, который приходит к заключению, что накал протестов в арабских странах тем опасней, чем выше уровень безработицы среди молодежи и доля дискриминируемых национально-религиозных групп³⁷⁰. И. Аллагуи и Дж. Кёблер также отмечают значимость для протестной мобилизации таких факторов, как безработица, классовое неравенство, коррупция и цензура³⁷¹.

Несмотря на высокую степень влияния структурного напряжения на протестную активность, данная причина не является ни единственной, ни доминирующей ввиду двух обстоятельств. Первое состоит в том, что социальной несправедливости, чтобы вызвать протестные настроения, мало просто быть, ей надо быть очевидной. Общественное напряжение должно быть в достаточной степени явным, чтобы быть тематизированным в протестной коммуникации и выступать её референтом. Многие общественные институты рефлексивно или нерефлексивно подразумевались в качестве «нормальных» до тех пор, пока не были артикулированы в качестве латентной или явной формы угнетения. Например, институты патриархальной семьи, монархии, рабства могут признаваться «нормальными» всеми членами общества и не вызывать протестных настроений, но будучи заявленными в качестве несправедливых и угнетательских явлений в рамках социального движения суффражисток, республиканской революции или восстания Спартака, они становятся «объективными» причинами протеста. То есть социальные явления просто

---

³⁶⁹ См. Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // International Journal of Press/Politics. 2013. Vol. 18., №2. P. 115-137.

³⁷⁰ См. Цирель С.В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Либроком/URSS, 2012. с. 162-174.

³⁷¹ См. Allagui I., Kuebler J. The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction // International Journal of Communication. 2011. № 5. P.1435-1442.

«есть» до тех пока внутри протестной коммуникации они не получают статус «несправедливых», только после этого они могут стать причиной протеста. Таким образом, протестные движения не только выступают против существующих проблем, но и выявляют новые.

Второе обстоятельство состоит в том, что, если оставлять за протестной коммуникацией лишь функцию практической рефлексии уже существующих проблем, нельзя объяснить, почему при сходном наборе вводных данных мы в одном случае получаем на выходе рост протестной активности, а в другом – нет. Например, проблемы электоральной системы в Белоруссии, которые коммуницируются в современных белорусских протестах, существовали и в 2015 году, на прошлом витке электорального цикла. Недостаточное количество независимых наблюдателей, непрозрачная система досрочного голосования, подозрения в использовании административного ресурса с целью фальсификации результатов – всё это вызвало лишь незначительный всплеск протестной активности 11 октября 2015 года. Спустя пять лет выборы прошли снова, проблемы остались те же, однако на выходе мы получили кризис легитимности власти и массовые протесты. Увлечение аргументом о внешних причинах вынуждает исследователей искать теневых игроков, дополнительных интересантов, которые бы влияли на процесс, что приводило бы к изменению выхода. Однако сомнительно, что современный децентрализованный массовый протест имеет столь высокую степень управляемости и предсказуемости, которая позволила бы более или менее беспрепятственно планировать этот процесс. Поэтому включение дополнительных причин выступает более предпочтительным и понятным объяснительным ходом.

Тема Вебера: структура политических возможностей

В «теме Вебера» внимание акцентируется на демократических преобразованиях политической системы, при которых объединение в политические группы и отстаивание своих интересов из маргинального и негативно санкционируемого поведения становится не просто законным

правом, но гражданским долгом. В более общем виде эту тему можно сформулировать следующим образом: причиной роста протестной активности служит расширение поля политических возможностей. Данное расширение может быть достигнуто различными средствами: либеральными преобразованиями по типу включения в политическое поле ранее исключённых из него групп, реформирования действующих демократических институтов с целью устранения явных и неявных барьеров, затрудняющих процедуры делегирования и волеизъявления граждан, наконец, внедрением новых медиа, опосредующих публичную политику. Развивая тему Вебера в контексте интернет исследований, следует задаться вопросом: каким образом внедрение интернета в существующие институты власти и модели политического действия видоизменяет распределение власти, а также тактики и стратегии, используемые в социальных движениях.

Согласно мнению одного из самых известных интернет-теоретиков Мануэля Кастельса интернет, будучи встроенным в существующие политические структуры, приводит к их существенному видоизменению, открывая новое поле действия для социальных движений. В работе «*Networks of Outrage and Hope*»³⁷² М. Кастельс формулирует гипотезу, согласно которой новые формы социальных движений, впервые появившись в Исландии в конце 2008 – начале 2009 года, распространились в Тунисе и Египте, а позже во всех арабских странах (Арабская весна). Затем новые формы сетевых протестных практик были применены в Испании (движение «Indignados») и американским движением «Occupy Wall Street». Сетевые формы протестных движений, согласно М. Кастельсу, являют собой новую форму гражданского общества. Социальные движения, использующие для мобилизации и координации интернет-сети, оказались столь востребованными и популярными по причине того, что старые политические институты не отвечают требованиям граждан, из-за чего образуется «дефицит

---

³⁷² См. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press, 2012.

демократии», при котором граждане перестают доверять своим представителям. М. Кастельс отмечает, что в описанных им социальных движениях интернет выступает в качестве автономного, горизонтального и децентрализованного пространства, свободного от государственного и корпоративного контроля, где люди могут делиться своими возмущениями и надеждами напрямую, без необходимости делегировать право высказывания политическому представителю, и каждый может быть услышанным. Возможность транслировать информацию сквозь национальные границы и экспортировать протестные практики также отмечает А. Келдераро³⁷³.

Близкую позицию касательно преобразующей силы интернета занимает Фрэнсис Фукуяма (Fukuyama). В частности, иронизируя над алармистскими высказываниями Питера Хубера (Huber), Фукуяма пишет: «Как замечал Питер Хубер, персональный компьютер, подключённый к Интернету, – это реализация оруэлловского телеэкрана. Но этот телеэкран, вместо того чтобы стать инструментов централизации и тирании, привёл к совершенно обратному: демократизации доступа к информации и децентрализации политики. Не Старший Брат наблюдает за всеми, а люди с помощью персоналок и Интернета наблюдают за Страшим Братом, поскольку правительствам волей-неволей приходится обнародовать больше информации о своей деятельности»³⁷⁴.

С рядом положений М. Кастельса можно согласиться, однако достаточно распространённая точка зрения, состоящая в том, что коммуникация, в том числе протестная, опосредованная интернет-сетью, является децентрализованной, горизонтальной и изменчивой, не выдерживает эмпирической проверки. Как пишет С. Гонзалес-Бейлон в своей совместной с Н. Вангом статье: «Эмпирический анализ показывает, что онлайн-сети высоко централизованные и фрагментированные структуры, а не

---

³⁷³ См. Calderaro A. Social Media and Politics // The SAGE Handbook of Political Sociology. 2018. P. 781-796.

³⁷⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. С. 14-15.

горизонтальные и изменчивые, какими их часто представляют»³⁷⁵. М. Кастельс исходит из положения о том, что контроль над информационным потоком порождает асимметрию, давая людям, контролирующим «информационные шлюзы» власть, а интернет децентрализует поток информации и подрывает старые модели власти и гегемонии, демократизируя политические процессы³⁷⁶. Подразумевается, что власть опирается на способность контролировать общественное мнение, то есть «власть основана на контроле над коммуникацией и информацией, будь то макро-власть государства и медиа-корпораций или микро-власть организаций всех сортов и видов»³⁷⁷. Интернет же разрушает возможности монопольного владения информацией, лишает «привратников» выделенного положения и, следовательно, власти. Однако социологическое исследование испанского движения Indignados и американского Occupy Wall Street, проведённое С. Гонзалес-Бейлон и Н. Вангом методом снежного кома, показало, что большинство онлайн-сетей организованы вокруг структурных дыр, которые препятствуют распространению информации. Наличие мостов, переброшенных через эти дыры, и содействие со стороны информационных «брокеров» являются необходимыми условиями для распространения любой информации, в том числе и протестной. Естественно, положение посредника является структурно выделенным и порождает асимметрию, которая в свою очередь является источником власти, возможности которой не разрушены, а перераспределены³⁷⁸.

Асимметрия в распределении и распространении информации, структурные разрывы, необходимость брокерства и участие инфлюенсеров в формировании общественного мнения, могут быть использованы в том числе и правительственными организациями, причём не только демократическими,

---

³⁷⁵ Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 97.

³⁷⁶ См. Castells M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013.

³⁷⁷ Там же. P. 3.

³⁷⁸ См. Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95-104.

но и авторитарными, что окончательно дискредитирует мысль о том, что интернет-технологии имеют исключительно демократический потенциал. Иными словами, интернет действительно приводит к трансформации политических институтов и перераспределению власти, однако не подрывает основанную на информационной асимметрии властную модель. Следовательно, распространение интернет-технологий в каком-либо национальном государстве не является достаточной причиной для развития протестных движений, более того, оно может приводить к спаду протестной активности и способствовать конструированию таких политических эффектов как «согласие без согласия» и «искусственное большинство».

Тема Тённиса: психическая мотивация

«Темой Тённиса» П. Штомпка обозначил опыт переживания отчуждения, «одиочества в толпе», который формирует особого рода запрос на включённость в группу, стремление к солидарности и сплочённости. Массовое распространение опыта отчуждения напрямую связано с процессом урбанизации, вызванным развитием капиталистических отношений в странах Европы и приведшим к обезземеливанию крестьян и вынужденному переселению последних в города. Данная тема возникла в определённом историческом контексте, в более общем виде её можно обозначить как психическую или эмоциональную причину участия в социальных движениях. Согласно логике данной темы популярность и рост социальных движений определяются особого рода переживаниями, психическими состояниями, распространёнными в какой-либо социальной группе. Этот опыт может быть обозначен как чувство несправедливости, депривации, субъективно переживаемого неравенства, ощущение незащищённости или «прекарности», угрозы потери благ. Вне зависимости от конкретного обозначения, интерес подобного рода исследований смещается к субъективному состоянию психики.

На протяжении второй половины XX-ого века в Америке развивается депривационно-психологический подход, в котором одной из главных

причин участия в социальных движениях обозначено переживание депривации. Функция социальных движений заключается в прекращении психических страданий, связанных с этим чувством³⁷⁹. Люди испытывают чувство депривации в случае, если находят своё социальное положение менее благоприятным в сравнении с другими индивидами или группами, а также в сравнении со своим прошлым положением. Большое значение имеет, какая референтная группа берётся для сравнения. Стоит отметить, что перманентно плохие условия жизни (абсолютная депривация потребностей) сами по себе не вызывают протеста, в то время как резкое ухудшение условий жизни после длительного периода материального благополучия (относительная депривация) способно вызвать массовый протест, поскольку воспринимается большинством людей как несправедливость. Однако, как отмечает А.Ш. Гусейнов, «...модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворённость переходит в коллективный протест. Некоторые авторы отмечали, что чувство неудовольствия не всегда связано с протестом»³⁸⁰.

Попыткой ответить на вышеобозначенные вопросы явилась уже упоминавшаяся в данной работе теория мобилизации ресурсов, в рамках которой протест определялся как совместное коллективное действие рациональных агентов, объединённых общими интересами, целью которого является максимизация приобретаемого блага относительно издержек участия в движении. Из-за базового предположения рациональности участвующих в социальных движениях агентов темы эмоциональных состояний и субъективных переживаний как иррациональных отошли на второй план. Однако в контексте исследований современных феминистских и ЛГБТК+ движений тема эмоций вновь приобретает популярность. Предметом научного исследования становятся гнев, возмущение и

---

³⁷⁹ См. Gurney J. N., Tierney K. J. Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research // *The Sociological Quarterly*. 1982. Vol. 23. P. 33-47.

³⁸⁰ См. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2012. №2. С. 82-96.

негодования, всё больше внимания уделяется эмоциональным культурам движений. Однако в главе из хрестоматии по социологии эмоций Дж. Джаспер и Л. Оуэнс пишут, что исследование эмоциональных аспектов социальных движений, активно развивавшееся в последнее десятилетие, претендует на дополнение или расширение существующих исследований социально-структурных и культурных факторов развития социальных движений, а не на отдельную и самостоятельную теорию³⁸¹.

Современная исследовательница В. Боттеро в работе «A Sense of Inequality», развивая тему субъективного переживания неравенства, настаивает на примате изучения личного и местного неравенства над «объективным». В. Боттеро аргументирует предпочтительность «методологического локализма» тем, что люди понимают и чувствуют неравенство, реализуемое в их собственной повседневной жизни, гораздо острее, чем «объективные» и «удалённые» от индивида формы неравенства. «Объективное» неравенство не имеет прямого отношения к росту протестных настроений в обществе. Приведённые в исследовании опросы показывают, что мнения о неравенстве вообще, высказанные респондентами, отличаются ограниченным видением и достаточно абстрактны, в то время как чувство «субъективного неравенства» переживается довольно остро³⁸². Методологический локализм, предложенный Боттеро, достаточно близок к теоретическим решениям, предложенным в рамках депривационно-психологического подхода, а концепты объективного и субъективного неравенства сходны с абсолютной и относительной депривацией. Важный вопрос, как индивидуальная неудовлетворённость переходит в коллективный протест, в рамках обоих подходов остаётся неразрешённым.

Безусловно, субъективное переживание неравенства и несправедливости является важной причиной роста протестных движений, но эмоция должна

---

³⁸¹ См. Jasper J.M., Owens L. Social movements and emotions // Handbook of the sociology of emotions. New York: Springer, 2014. P. 529-548.

³⁸² См. Bottero W. A Sense of Inequality. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2020.

приобрести статус социально значимой для того, чтобы мобилизовать большие группы людей для участия в социальном движении. Эмоция как мотивирующая сила, имеющая своим источником психику, при специфических обстоятельствах должна из системы психики перейти в статус социальной установки, нормативного ожидания, встроенного в социальную структуру, должна стать «социальной эмоцией». «Социальный характер некоторой психической эмоции означает лишь то, что в специфической ситуации, когда от человека ожидается выражение некоторого чувства, он должен действовать так, как будто он испытывает это чувство, даже не испытывая его»³⁸³. Прояснение специфических обстоятельств и ситуаций, при которых такой переход становится возможен, потребует привлечения дополнительных теоретических ресурсов, находящихся вне области психологии.

Тема Сен-Симона и Конта: идеологическая причина

В последней теме внимание акцентируется на вере в то, что социальные изменения напрямую зависят от действия людей, что общество может быть изменено к выгоде участников социального движения. В более общем виде эту тему можно сформулировать как влияние веры в эффективность собственных коллективных действий по переустройству общества. В контексте интернета эта вера выражается в идее эффективности новых сетевых форм протеста как для выражения несогласия с существующим положением вещей, так и для его изменения.

Убежденность в эмансипационном и демократизирующем потенциале интернета проявляется трояким образом. Во-первых, люди, принимающие участие в протестных акциях, используют интернет-сети для мобилизации и координации своих действий, исходя из предположения, что эта технология повысит шансы на успех и массовость протестной акции. Важно отметить,

---

³⁸³ Момджян, К.Х. (ред.) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 11.

что учитывается как действительная эффективность интернет-медиа в реализации протеста, так и манифестируемая. Например, сетевая форма организации протеста, продемонстрировав свою эффективность в Исландии, начинает применяться в других странах как универсальная. Если протесты в этих странах окажутся менее эффективными, это не отразится на убеждённости в протестном потенциале интернет-технологий, в качестве причины неудачи будут обозначены иные обстоятельства. Идея того, что интернет способен привести к демократизации общества, безотносительно того насколько она соответствует действительности, является мощным мотиватором для людей, принимающих участие в протесте. Во-вторых, вера в протестный потенциал интернета отражается на действиях власти по пресечению протеста. Силовые структуры, охраняющие сложившийся политический режим, часто прибегают к массовым блокировкам интернета, что лишний раз утверждает интернет-сети в качестве главного проводника протестных настроений. В-третьих, идея взаимосвязи роста протестной активности и распространения интернета отражается не только на людях, принимающих непосредственное участие в протесте или борьбе с ним, но и на исследователей, подтверждением чего служит растущее с каждым годом количество литературы, посвящённой этой теме.

Пять тем, обозначенных нами, дополняют друг друга, составляя координатную сетку, позволяющую установить и зафиксировать причины появления и развития социальных движений. В конкретных социальных движениях или протестных акциях одна или несколько названных причин могут превалировать или, наоборот, влиять лишь в незначительной мере в сравнении с другими, но при изучении любого конкретного проявления протеста все пять групп причин должны учитываться исследователем. В каждой теме мы указали ограниченную применимость данного типа причинности и невозможность указать какую-либо причину в качестве единственной или доминирующей. Как в хорошей музыкальной композиции различные темы сплетаясь дополняют друг друга, составляя единое целое.

4. Влияние интернет-сети на динамику производства культуры.

Часть текста данного раздела была опубликована в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI³⁸⁴, и журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации³⁸⁵.

Данный раздел работы посвящен анализу культурных эффектов, являющихся следствием опосредования интернет-технологиями творческой активности пользователей. Логика, имманентно присутствующая в протокольной структуре интернета, обуславливает определенные формы творческой активности, которые могут осуществлять пользователи сети. Пользователи, встроенные в определенную протокольную архитектуру интернет-коммуникации, своим поведением поощряют некоторые формы творческой активности, в то время как другие формы, ставшие неликвидными в пространстве сети, оказываются на периферии. В данном разделе мы проводим диагностику культурных трансформаций, которые несет в себе логика сетевой коммуникации. В данном разделе проводится контент-анализ доминирующих культурных форм, специфичных для цифрового пространства; описание взаимообусловленности таких проблематичных и устойчивых трендов современности, как открытость интернета, даровость информации, невозможность обеспечения соблюдения авторского права, распространение количественных критериев оценки качества контента, замена экспертного сообщества на «мудрость толпы»,

---

³⁸⁴ Цуркан Е.Г. К вопросу об автономии университетов // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 49-52.

Цуркан Е.Г. «ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ – ОСУЩЕСТВИТЬ ДИАЛОГ КУЛЬТУР» (публикации В.В. Миронова в журнале «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия») // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 6. С. 122-133.

³⁸⁵ Цуркан Е.Г. Культурные вызовы глобальной сети Интернет // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Цифровой ученый: лаборатория философа. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2018. Т. 1. № 4. С. 116-128.

разрушение сложившейся культурной иерархии и постоянное ускорение информационного обмена.

4.1. «Открытость» интернета и «даровость» информации

Движения за «открытые исходники» и «свободное ПО», которые мы описали во втором разделе первой главы данной работы, популяризировали лозунг «Информация хочет быть свободной». Со временем, эту идею стали применять не только к области программирования, но и к области продуцирования культуры, что в итоге привело к распространению практик «интернет-пиратства». Многие пионеры сети считали, что свобода распространения информации является панацеей от всех системных проблем «старых медиа»: коррупции, политической ангажированности, намеренной дезинформации, завышенных цен. Следует признать, что так называемые «старые медиа», которым противопоставлялась свобода распространения информации, присущая новым цифровым медиа, действительно обладали рядом существенных системных недостатков, активно дискутирующихся в то время в академическом сообществе и за его пределами.

Информация играет ключевую роль в поддержании динамического равновесия общества, данное положение активно развивалось в рамках системной теории, в частности – Н. Винером. Н. Винер в своих трудах определял информацию, помимо знаменитого «апофатического» определения «не материя и не энергия», как «коррелят организованности»³⁸⁶. Винер, считал, что накопление информации и изменение дальнейшего поведения, происходящее с учётом полученной информации (положительная и отрицательная обратные связи), является главным негэнтропийным принципом существования системы. Более того границы сообщества определяются границами эффективного информационного обмена: «сообщество простирается лишь до того предела, до которого простирается

---

³⁸⁶ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 33.

действительная передача информации»³⁸⁷. Из этого Н. Винер делал вывод, что концентрация средств связи в частных руках, ограничивающая передачу информации, является сильнейшим антигомеостатическим общественным фактором. Передача информации в обществе, слишком большом для непосредственного контакта между всеми его членами, осуществляется посредством прессы, книг, радио, телевидения и прочих медиа, а также социальных институтов – школы, театра, церкви и т.д. При капиталистической форме хозяйствования, в которой главным императивом для участников выступает увеличение прибыли, на средства связи налагается тройное ограничение: 1. исключение менее выгодных средств в пользу более выгодных; 2. средства связи принадлежат буржуазии и выражают мнения этого класса; 3. средства связи, представляющие собой властный ресурс, привлекательны для людей заинтересованных в обладании властью. В обществе, где всё приобретает товарную форму, средства связи начинают служить другим побочным целям, выходящим за пределы передачи информации, а именно – извлечению прибыли. По мысли Н. Винера, если побочные функции медиа начинают играть роль более важную, чем передача информации, это приводит к возрастанию энтропии. Действительно ли концентрация средств передачи информации в частных руках ведёт к разрушению общества, а не к особому режиму существования, который также может сохраняться, находясь в динамическом равновесии – вопрос, который выходит за рамки нашего исследования. Нам было важно подчеркнуть, что недостатки «старых медиа» были и остаются достаточно очевидными, а их критика является распространённым жанром. «Новые медиа» в начале своего развития в этом отношении выгодно отличались от своих предшественников, поскольку информация не концентрировалась в руках отдельных лиц, а циркулировала более или менее свободно.

---

³⁸⁷ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – 2-е издание. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. С. 239.

Пионеры сети ставили под вопрос способность экспертного сообщества оценивать тот или иной продукт культуры. Распространившаяся постмодернистская парадигма мышления, допускающая релятивизм и перспективизм, подрывала авторитет экспертного сообщества. Поэтому, когда речь заходит о невозможности обеспечения правовой эффективности института копирайта в глобальной сети, «инженеры иногда заявляют, что они атакуют коррумпированный существующий порядок медиа, и требуют, как сокрытия следов, так и анонимности, чтобы углубить эту фантазию»³⁸⁸. Новый свободный режим существования информации по мысли сторонников этой идеи сам по себе способен поднять уровень образования и качество жизни, обеспечить соблюдение гражданских прав и свобод, ускорить технический прогресс. Так тезис «информация хочет быть свободной» перерастает в тезис «информация должна быть бесплатной». В «Манифесте хакера», одном из программных документов для хакеров всего мира, Л. Блэнкеншип пишет: «Мы используем существующие системы, не платя за то, что могло быть дешевле грязи, если бы не управлялось грязными спекулянтами, и вы называете нас преступниками»³⁸⁹. К. Кирчев в своём «Манифесте киберпанка» идёт ещё дальше: «Всё, что принадлежит нам, принадлежит и вам. Всё, что принадлежит вам, принадлежит и нам», и далее: «Каждый может использовать информацию. Ограничений не существует»³⁹⁰.

Естественно, установившееся в девяностых-двухтысячных годах положение вещей цифрового мира, не устраивало представителей «старых медиа», они теряли деньги. В прошлом, когда крупные музыкальные лейблы имели монополию на выпуск пластинок (и иных аудионосителей), а кино можно было посмотреть только в кинотеатре, либо посредством материальных носителей, выпуск которых был лимитирован (VHS, DVD),

---

³⁸⁸ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 198.

³⁸⁹ Blankenship L. The Conscience of a Hacker [Электронный ресурс] – January 8, 1986. URL: <http://phrack.org/issues/7/3.html#article> (дата обращения: 23.03.2021)

³⁹⁰ Kirtchev С.А. A Cyberpunk Manifesto [Электронный ресурс] – February 14, 1997. URL: http://project.cyberpunk.ru/idb/cyberpunk_manifesto.html (дата обращения: 23.03.2021)

работала определённая бизнес-модель, которая в современных реалиях открытого интернета находится под угрозой. Фильмы, стоит им выйти в прокат (а иногда и до того), копируются и выкладываются в свободный доступ, то же происходит и с музыкальными альбомами. В интересах медиакорпораций – огораживание интернета, прекращение свободного обмена информацией. Как пишет С. Жижек: «Ключевой антагонизм так называемых новых (цифровых) отраслей промышленности, следовательно, таков: как сохранить форму (частной) собственности, только в рамках которой может существовать логика прибыли?»³⁹¹ В целях обеспечения права интеллектуальной собственности «старые медиа» пытаются политически лоббировать свои интересы, добиваясь появления новых законопроектов.

В истории России достаточно прецедентов правового ограничения пиратства, однако в российской политической повестке гораздо большее внимание уделяется угрозам терроризма, связывающимся в СМИ с анонимностью таких мессенджеров как Telegram, распространению «фейк-ньюс» и неподотчетной государству просветительской деятельности. Ограничения свободы интернета дискурсивно связывается российским правительством с Гоббсовским общественным договором «свобода в обмен на безопасность», в СМИ активно освещаются угрозы, созданные анонимностью в интернете, и электорату продают безопасность от этих многочисленных угроз. Из-за частых политически мотивированных блокировок различных ресурсов в интернете и выхода новых законов, негативно санкционирующих некоторые виды высказываний (оскорбление ветеранов, оскорбление чувств верующих, разжигание межнациональной розни, призывы к насилию) Россия традиционно занимает низкие позиции в западных исследованиях свободы интернета³⁹². Однако, в сравнении с другими странами, в России существенно облегчён доступ к пиратским

---

³⁹¹ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем Пресс, 2003. С. 174.

³⁹² Одно из последних исследований уровня свободы интернета в различных странах, проведённое организацией Freedom House – <https://freedomhouse.org/>

ресурсам, поскольку защита интеллектуальной собственности в интернете не является одной из первостепенных задач российской политики в отношении интернета, в то время как в странах западной Европы использование и распространение пиратского контента санкционируется внушительными штрафами, а также ежегодно выходят новые законы, призванные защитить права на интеллектуальную собственность в интернете.

Невозможность обеспечения соблюдения авторского права в интернете вызвано двумя базовыми для архитектуры глобальной сети техническими решениями. Первое из них – технология коммутации пакетов. Пакет – это не файл целиком, но лишь маленький кусочек файла. У передаваемого пакета есть адрес назначения, но маршрут не зафиксирован – каждый пакет может проходить через разные узлы сети. Незаменимых узлов нет, всегда есть обходные пути, это оптимизирует процесс доставки сообщения, делая сеть децентрализованной. Отслеживание путей передачи пакетов при такой децентрализованной архитектуре становится очень проблематичным, особенно если использовать различного вида анонимайзеры, прокси-серверы и луковичные браузеры. Второе техническое решение – это возможность неограниченного копирования одного и того же файла. Несмотря на кажущуюся очевидность такого решения, оно отнюдь не было безальтернативным. Как пишет Дж. Ланир, Тед Нельсон на заре появления интернета «предложил вместо копирования медиа держать лишь по одной копии каждого культурного продукта – книги или песни – и платить автору этого произведения небольшую, приемлемую для всех сумму каждый раз, когда кто-то обращается к его произведению»³⁹³. Конечно, для эффективного функционирования системы в любом случае понадобилось бы больше одного файла, но фиксация идеи Т. Нельсона в коде породила бы совершенно другую экономику ссылок, это был бы уже совершенно другой интернет.

Информация в интернете – это очень специфический продукт, в котором затраты и усилия по производству уходят только на создание первого

---

³⁹³ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 163.

экземпляра: «Как только информация размещена в Сети, стоимость ее дальнейшего копирования стремится к нулю ... Хотя большинство нынешних пользователей не принадлежат к академической среде, техническая конструкция сети по-прежнему подразумевает, что информация – это подарок»³⁹⁴. Программист Эрик Раймонд в своей статье «Заселяя ноосферу»³⁹⁵ пишет, что разработчики свободного программного обеспечения с открытым кодом создали «культуру дарения», которая зафиксировалась в протоколах сети. Джонатан Зиттрейн называет такое положение вещей «системой, построенной на доверии»³⁹⁶, и тоже связывает такую архитектуру сети с тем, что у людей, которые создавали протоколы сети, не было цели заработать с её помощью денег. Единственный способ исключить возможность нарушения авторского права в интернете – отключить всех людей от интернета.

Мы показали, что из-за установленного режима существования интернет-сети медиакорпорации терпят убытки. На это сторонники идеи открытой культуры, желающие заниматься свободным творчеством в сети, могут ответить: если медиамагнаты не смогли приспособиться к новой конъюнктуре рынка, то лишь из-за собственной узколобости, пускай эти «бегемоты сварятся в своих бассейнах»³⁹⁷. Информация, которая находится в свободном обращении, открывает дорогу новым формам культуры и коллективным формам творчества. Открытая культура либерализует общество: малые группы, ранее лишённые голоса в системе представительной демократии, вновь обретают его. Идея демократического доступа к информации подразумевает повышение уровня образованности и включенности людей в функционирование гражданского общества.

---

³⁹⁴ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 86-87.

³⁹⁵ Raymond E.S. Homesteading the Noosphere // *The Cathedral & the Bazaar*. O'Reilly, 2001. 65-112 pp.

³⁹⁶ См. Zittrain J.L. *The Future of the Internet— And How to Stop It*. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008.

³⁹⁷ Отсылка к американскому контркультурному произведению: Берроуз У., Джек К. И бегемоты сварились в своих бассейнах. М.: АСТ, 2010.

Крушение «старых медиа» – это цена, которую придётся заплатить. Однако основную прибыль получают не «свободные творцы», которые производят контент на платформах, а владельцы этих платформ, спроектированных по модели веб 2.0, путём торговли личными данными пользователей.

Такой способ получения прибыли концептуализируется по формуле, вынесенной в эпиграф книги американского исследователя интернета Эли Паризера «The Filter Bubble»: «Если вы получаете нечто бесплатно, помните, вы не клиент. Вы – товар»³⁹⁸. За «бесплатный интернет» пользователям приходится расплачиваться информацией о своей идентичности: ссылки на которые ты нажимаешь, люди с которыми общаешься – всё это становится объектом мониторинга и статистики. Такие компании, как Facebook, Вконтакте, Google, собирают информацию о своих пользователях, анализируют полученные данные и классифицируют пользователей на «target group». Рекламодателям больше не надо проводить дорогостоящие опросы общественного мнения, «target group» уже ждёт, нужно только купить эту информацию. Ф. Фукуяма в книге «Наше постчеловеческое будущее»³⁹⁹ иронизировал на тему того, что Оруэл предсказывал наступление царства Большого Брата в 1984 году, а на деле этот год не запомнился ничем, кроме появления новой модели персонального компьютера IBM. Эту иронию можно обратить против автора, указав на то, что реальный Большой Брат настолько глобален и неочевиден (неочевидность всегда отличает реального монстра от его сказочного образа), что ускользает от аналитики Фукуямы.

При таком положении вещей определить, кем становится пользователь по отношению к социальной сети – трудно. Это рабочий, который на добровольных началах повышает цену акций компании, владеющей социальной сетью? Тогда работа над страницей становится «отчуждённым

---

³⁹⁸ См. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. London: Penguin, 2011.

³⁹⁹ См. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. С. 14-15.

трудом»⁴⁰⁰, а манипуляции социальных сетей – простым извлечением прибавочной стоимости из цифровой репрезентации пользователя. В этом нет ничего нового, рабочие уже давно умеют продавать свой труд, теперь научились отдавать бесплатно. Но в каком смысле репрезентирование себя в социальной сети – это отчуждённый труд? Ведь человек свободно может ассоциировать себя со своей страницей, чувствовать её частью себя, тогда речь об отчуждении не идёт. Так же пользователя можно рассматривать как товар, который сам себя упаковывает для удобства рекламодателей. Наконец, пользователь – это получатель услуги, предоставляемой социальной сетью, где он может бесплатно заниматься самовыражением. Все эти стратегии концептуализации приемлемы.

Информация, воспроизводящаяся в даровых формах, рискует обернуться системным дисбалансом. Возможность создавать большие проекты (далее – ААА-проекты) обеспечивается способностью аккумулировать ресурсы в виде капитала. Логика «старых медиа» – это логика аккумуляции ресурсов, которая позволяла справляться с издержками создания ААА-проектов, подразумевающих: наличие целого штата людей; профессионализм всех участников; большое количество времени, затраченного на реализацию проекта. Конечно, за всё это надо платить. Если посмотреть не на формальную сторону производства контента в сети, а на содержательную, то можно заметить, что большая часть интернет-контента – это *мэшаны*.

Мэшап – это смешение нескольких фрагментов, которые вырезаются из уже созданных произведений. Часто оказывается так, что произведения из которых нарезаются мэшапы были созданы «старыми медиа», следовательно, когда сторонники открытой культуры и свободной информации говорят, что медиакорпорации должны уйти в прошлое – они пилят сук, на котором сидят. Фрагментарность и несамостоятельность львиной доли творчества,

---

⁴⁰⁰ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. С. 303-358.

осуществляемого в сети, наводит на мысль о том, что мы нуждаемся в «старых медиа» ничуть не меньше, чем раньше. Если «новые медиа» хотят похоронить этих «динозавров», то стоит придумать гибридную возможность аккумуляции ресурсов, которая позволит создавать ААА-проекты в сети. Впрочем, не все согласны с такой постановкой вопроса. Сторонники «гениальности множества» считают, что достаточно большая группа людей, свободно обменивающихся информацией в сети, способна, не прибегая к старым формам экономики культуры, создавать ААА-проекты, работая на чистом энтузиазме, главное грамотно написать ПО.

4.2. Трансформация культурных иерархий

Помимо идеи равного включения пользователей в сеть, пиринговые сети и агрегаторы контента поколения web 2.0, несут с собой идею равного включения в сеть культурных артефактов, которые пользователи выкладывают через свои профили: аудиофайлов, видеозаписей, фотоснимков etc. В этом способе включения культурных артефактов в сеть имплицитно заложен взрывной потенциал разрушения сложившейся культурной иерархии, то есть принятого деления культуры на высокую (элитарную) и низкую (массовую) или, если использовать термины Джона Сибрука, деления культуры на «Highbrow» и «Lowbrow»⁴⁰¹. Включение культурного артефакта в сеть, предоставляя пользователю возможность его оценивания, скачивания, распространения, уравнивает его со всеми остальными включёнными в сеть артефактами. Таким образом, вместо вертикальной иерархии высокой и низкой культуры, выстраивающейся на основе мнений различных экспертных сообществ, обладающих должным авторитетом, мы получаем горизонтальное культурное пространство, которое можно охарактеризовать с помощью концепта «Nobrow»⁴⁰², где такие различия теряют смысл.

---

⁴⁰¹ См. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 32-33.

⁴⁰² Там же.

Само по себе небольшое число «посвящённых» потребителей определённого контента также не позволяет обозначить данный контент в качестве элитарного, хотя внутри закрытого сообщества определённый контент вполне может считаться таковым, но это мнение не будет разделяться более широким интерне-сообществом. Элитарному, чтобы существовать, помимо признания внутри элиты, так или иначе нужна минимальная степень признания за пределами элитарного сообщества. Пространство сети, характеризующейся своей горизонтальностью и плоскостью, не предоставляет возможности создать «выделенное» положение, которое можно было бы расположить на вертикальной оси и охарактеризовать «более высоким» по отношению к положению массовой культуры. Однако интернет предоставляет возможность «закрыться» путём настроек приватности, равно как и сообщество потребителей определённого контента может быть узким из-за невысокого спроса на данный контент. В таком случае речь будет вестись, конечно, не об элитарности, а об «андерграунде». Впрочем, разделение культуры на «андерграунд» и «поп» тоже становится весьма проблематичным. Во-первых, из-за смешения искусства и маркетинга и, во-вторых, из-за диверсификации и кастомизации контента, появления специальных нишевых продуктов. Иными словами, дистинкция поп / андерграунд – это скорее маркетинговое клише, преследующее цель продвижения контента, а не сущностное свойство контента, позволяющее провести указанное культурное различие.

Трансформации культурных иерархий также могут быть описаны и в более пессимистичных терминах, таких как «разрушение», «деградация», наконец – «карнавализация» культуры. Данная оптика рассмотрения существующей культурной динамики получила широкое распространение в русскоязычной философской среде благодаря работам В.В. Миронова. Согласно его концепции, классическая культура разделяется на низкую и высокую. С раздвоением культуры связаны и соотнесены дихотомии «свой-чужой», «откровенный-прикровенный», определяющие культурное

производство и задающие ритм нормальной работы классической культуры. К определяющим принципам классической культуры В.В. Миронов относит завершенность, замкнутость (закрытость), самодостаточность и линейность⁴⁰³.

Ключевым моментом в философии культуры В.В. Миронова служит положение, что культура не может существовать вне диалога – как внутреннего, так и с другими культурами в пространстве семиосферы. Смысл диалога культур возникает из напряжения, вызванного их противоположностью и несопоставимостью. В Другом нас привлекает его инаковость, а схожесть лишь предоставляет возможность для понимания. Иными словами, чем больше разница, чем шире сфера иного, тем больше в коммуникации смысла⁴⁰⁴. Идею «напряжения», игры тождества и различия культур Миронов использует в соответствии с концепцией Лотмана, в которой неполнота охвата бытия языком локальной культуры понимается как условие, принуждающее культуры к диалогу. Необходимость и желание понять другого увеличивает область пересечения культур, а смысловое напряжение, возникающее из их различности и желания самобытности, сохраняет область непересекающегося. В процессе диалога классические локальные культуры адаптируются друг к другу.

На рубеже XIX-XX вв. описанное выше состояние культуры начинает разрушаться. Согласно В.В. Миронову, становление и развитие информационного общества, с его технически опосредованной коммуникацией, оказывает разрушительное влияние на

---

⁴⁰³ Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 34–48.

Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 8.

⁴⁰⁴ Миронов В.В. Семиотические выражения культуры: от диалога к монологу? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2017. № 5. С. 8.

структурообразующие компоненты системы культуры⁴⁰⁵. Продолжением логики данного процесса является коммуникативное пространство интернета. У культур классического типа имелся достаточно консервативный адаптационный механизм – любые инновации, попадая в локальную культуру, абсорбировались ей, становясь ее органической частью. «Сегодня все как бы меняется местами, и мы наблюдаем скорее процесс необходимой адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству»⁴⁰⁶.

«Глобальное информационное пространство» в работах В.В. Миронова получает название «инфосфера». Инфосфера – это «не просто совокупность информационных средств, а именно реальность, в определенном смысле не зависящая от человека, но делающая его и мир зависящим от нее», «медиапространство, в которое погружаются культуры, вынужденные работать по законам этого нового образования»⁴⁰⁷. Это пространство, в отличие от семиосферы, не подразумевает различия между культурами как основного условия общения, напротив, оно само создает правила и способы общения, вынуждая локальные культуры говорить на одном языке. В результате чего разрушается локальный характер культуры. Культуры насильно встраиваются в агрессивную и ускоряющуюся коммуникационную среду. В становлении «инфосферы» можно выделить как минимум четыре ключевые черты.

1. Расширяется «псевдокультурное» поле общения, специфической чертой которого является принцип познания «наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур». То есть на передний план коммуникации выходит не различие, порождающее смысл, а

---

⁴⁰⁵ Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 38.

⁴⁰⁶ Там же. С. 38-39.

⁴⁰⁷ Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 12.

«мертвая тождественность». Из этого следует вывод, что коммуникация осуществляется не ради обмена смыслами, а ради самой коммуникации⁴⁰⁸.

2. Информационный обмен ускоряется, старая система ценностей с консервативным аппаратом усвоения инноваций просто не успевает адаптироваться. Разрушаются системы ценностей, которые формировались и господствовали веками, а новые ценности, едва успев сформироваться, уступают место новейшим, расходящимся с традиционными настолько, что их смысл всегда остается до конца не проясненным.

3. Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. «Низовая культура становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура – это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования»⁴⁰⁹.

4. В мире начинают господствовать интегративные языковые тенденции. Культурная гегемония настолько проникла в локальные культуры, что дихотомия «свой-чужой» теряет смысл и разрушается, этому процессу также способствует толерантность как неконфликтное принятие инаковости, причем не понимание, а именно пассивное принятие.

Мыслители, воспитанные в другой культуре, наблюдающие за все ускоряющейся цифровой трансформацией, склонны к пессимизму. Это подчеркивает и сам В.В. Миронов: «Мыслители, которые дают оценку сегодняшней ситуации в культуре, объективно являются носителями традиционных по отношению к сегодняшней культуре систем ценностей.

---

⁴⁰⁸ Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 39.

⁴⁰⁹ Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 14.

Подняться над этим личностным образованием очень трудно и для многих мыслителей невозможно. Отсюда и мрачный пессимизм»⁴¹⁰.

Переход культуры в новый режим функционирования, в котором не могут состояться определяющие для локальной классической культуры различия «высокая-низкая» или «откровенная-прикровенная», действительно может восприниматься как катастрофа и вызывать пессимистические или алармистские настроения. Однако человеческая культура – это адаптивная система. На протяжении истории менялись главенствующие медиа, что отражалось на характере коммуникации, в том числе разрушая состоявшиеся культурные традиции. «История медиа насчитывает шесть эпох разной продолжительности: устная речь – письменность – массмедиа – дигитализация – осетевление»⁴¹¹. Не менее «катастрофичным» был переход от устной речи – главенствующего медиа доисторического периода – к письменности. В дописьменной аудиальной культуре отсутствовал разрыв между семантической передачей и визуальным образом собеседника. Основным хранителем существующей информации выступала человеческая память. Помимо разрыва между семантической передачей и визуальным образом говорящего, письменность предоставила коммуникации возможность отсрочки восприятия во времени и пространстве. Письменный текст может быть прочтён после смерти автора и на другом конце земли. Это коренным образом изменило способ социальной организации общества. Революция в сфере медиа, конечно, могла вызывать и вызвала алармистские настроения. Сократ отрицательно относился к письменности, считая, что, записывая информацию, мы слишком полагаемся на письменный текст и не считаем нужным запоминать и действительно усваивать новые идеи. Однако, что Сократ придерживался именно этой точки зрения из диалога Платона, который был *записан*.

---

⁴¹⁰ Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 40.

⁴¹¹ Больц Н. Азбука медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. 3 с.

4.3. Экспертное сообщество и «мудрость толпы»

Горизонтальный способ организации культурного пространства сети требовал изобретения нового способа оценки качества контента, не основанного на суждениях экспертного сообщества. Этим новым механизмом стала агрегированная «мудрость толпы»⁴¹². На мудрость толпы часто ссылаются, упоминая историю о ярморочном быке. В этой истории группе людей предложили оценить вес бычка на глаз, после чего оказалось, что усреднённый показатель точнее, чем ответ каждого отдельного человека. «Такой эффект воспроизводим и очень многие считают его основой как рыночной экономики, так и демократии»⁴¹³. Отдельный человек может заблуждаться в своих суждениях, его взгляды могут быть предвзятыми, прямо или опосредованно ангажированными, в то время как масса людей, с различными взглядами на жизнь, лишена индивидуальных стереотипов и неподкупна. Проблема заключалась в том, что до появления интернета обеспечить перманентную и мгновенную обратную связь между потребителем и производителем было невозможно.

В цифровом пространстве почти всё поддаётся калькуляции и классификации: просмотры, лайки, количество подписчиков. Если раньше общественная оценка фильмов была задачей узкого круга кинокритиков, то теперь у этой элитарной группы есть мощный конкурент. Такие сайты как «IMDb» и «КиноПоиск» аккумулируют оценки зрителей. По мысли создателей, чем больше оценок оставлено на сайте, тем объективней средняя оценка фильма. Впрочем, такая система уязвима к накруткам и влиянию «лидеров мнений», так называемых «интернет-инфлюенсеров», которые могут существенно повлиять на оценку фильма зрителями, данное произведение не смотревшими.

---

⁴¹² Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007.

⁴¹³ Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 94.

Агрегированная «мудрость толпы», принятая как камертон качества, является отражением глубокой трансформации, которую переживает культура, начиная с середины XX века. Одновременно, способ организации культурного пространства в интернете, фиксирует эту трансформацию, превращая ее в социальную закономерность. Структура интернет-протоколов определяет режим культурного функционирования сетевого сообщества. Пользователи, встроенные в определенную архитектуру интернет-коммуникации, своим поведением поощряют некоторые формы творческой активности, в то время как другие формы, ставшие неликвидными, оказываются на периферии.

Вышеупомянутая трансформация заключается в том, что искусство постепенно срастается с экономикой, становится тканью капитализма, так как каждый его объект приобретает экономический смысл, то есть становится пригодным к продаже товаром. Внутренняя логика развития искусства подменяется логикой товарного обмена⁴¹⁴. Одновременно, искусство из области эстетического рассуждения переходит в зону потребительского конструирования различий между индивидами⁴¹⁵, то есть в зону самоидентификации через потребление⁴¹⁶. Культура может быть представлена в виде огромного прилавка – люди, выбирая из представленного на прилавке ассортимента, формируют свои вкусы. Таким образом, пользователь составляет подвижную цифровую идентичность, присваивая себе всё новые и новые предикаты. Жан-Поль Сартр в своём достаточно влиятельном труде «Бытие и ничто» писал, что самоидентификация не имеет смысла без Другого⁴¹⁷. Если принять во внимание данное положение, то можно заключить, что пользователь с необходимостью вступает в коммуникацию с другими пользователями в

---

⁴¹⁴ См. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014.

⁴¹⁵ См. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2009.

⁴¹⁶ См. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

⁴¹⁷ См. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015.

поисках соответствия и различия. Хэштеги, мемы, тренды – это поиск соответствия с другими, несовпадение через продуцирование отличий – способ различения от других. Выбор из многообразия предложенных продуктов культуры – это работа по различению, но и, одновременно, работа по включению себя в общность.

Пользователь, включённый в совместное интернет творчество, репрезентирует себя определённым образом, соответствующим как его представлениям о себе, так и представлениям других о нём. То есть соответствия его идентичности ожиданиям других, с одной стороны, и его собственных представлений об оригинальности – с другой. «Привязанности, бренды и отношения – части того, что на самом деле означает понятие «мне это нравится». Ваше суждение вливается в поток других суждений, образуя миниатюрную экономику взаимоотношений, одну из миллиона тех, что то образуются вокруг культурных продуктов ..., то вновь растворяются. Ваша индивидуальность – это инвестиция в подобные экономики. Инвестиции в некоторые проекты «большой сети» не влекут за собой практически никакого риска, но и дивиденды здесь минимальны (сказать, что вы любите «Роллинг Стоунз», — все равно что купить облигации тридцатилетнего займа), а инвестиции в «малые сети» рискованнее, но сулят большую прибыль»⁴¹⁸. Пользователю приходится тщательно следить за тем, во что он инвестирует свое время и свою репутацию, соблюдая баланс между чрезмерно популярными культурными явлениями (и мнениями о них) и слишком непопулярными. Выставление на показ принадлежности к совсем непопулярным брендам и мнениям грозит пользователю в лучшем случае безразличием со стороны других пользователей, в худшем – остракизмом или троллингом. В то же время демонстрация приверженности ко всем без разбора модным трендам и мнениям рискует обернуться потерей

---

⁴¹⁸ Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 187.

индивидуальности, что в конечном счете тоже приведет к безразличию или троллингу.

Коммуницируя в интернет-сети, пользователь стремится репрезентировать себя, поделиться собой с другими: своими интересами, потребительскими предпочтениями, событиями из своей жизни. Репост чужой записи делает пользователя соучастником, соавтором этой записи. Репост заимствует «ссылку» как инструмент познания из арсенала гуманитарных наук, и переводит её в имиджево-символический план, что приводит к опасности замены реального обладания культурным капиталом на знак его репрезентации в сети. Прочитал ты книгу или нет, если она выложена на твою страницу, то для других пользователей ты её уже прочитал. Данная тенденция, с одной стороны, имеет огромный эмансипационный и демократизирующий потенциал становления человека тем, кем он хочет быть или кем он хочет казаться, с другой стороны, она открывает широкий простор для симуляции, выраженной в подмене реальной событийности на знак её репрезентации.

«Голосование ногами» (в современных реалиях – «голосование кликами») может приводить и часто приводит не к повышению качества контента, а к увеличению производства шокирующего или упрощённого контента, который, так или иначе, привлечёт внимание пользователей. Когда основным показателем качества являются просмотры, возрастает количество «кликбейта» – веб-контента, использующего сенсационные заголовки или привлекательные картинки для увеличения числа переходов по ссылке. Такой подлог не является чем-то новым. Как заметила Сьюзан Сонтаг, ещё в начале 1860-ых годов Бодлер в своём дневнике пишет: «Любая газета, с первой до последней строчки, как бы соткана из ужасов»⁴¹⁹. Однако тогда у каждой газеты была своя редакционная политика. Что печатать и какую информацию давать людям решали редакторы, естественно, опираясь на реалии рынка. Соответственно, решение о том, что такое качество, лежало на

---

⁴¹⁹ Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 96 с.

их совести. Потакать вкусам публики или продолжать гнуть какую-либо культуртрегерскую линию – данное решение принимала редакция. Сегодня архитектура новостных агрегаторов устроена таким образом, что «наверх» идёт наиболее популярный контент, отмеченный наибольшим количеством просмотров. Барьер редакторского совета смысла информационная волна. Более того, в печатных изданиях и на телеканалах, где существует редакция, она часто принимает решение о публикации того или иного материала, основываясь на существующих в интернете трендах. Логика ясна – показать людям в первую очередь то, что интересно большому количеству других людей.

Замена качественных критериев оценки на количественные часто используется в манипулятивных целях. Ведь, если контент попал в тренды, то, поскольку он висит на первом месте в рейтингах, на него будут кликать ещё больше людей. Соответственно, если искусственно накрутить просмотры, то можно добиться того, что твой контент действительно увидит большое количество людей, поверивших в «мудрость толпы». Сейчас такими уловками пользуются как частные контентмейкеры, так и государственные конторы. Появляется подозрение, что в будущем, используя архитектурные уязвимости сетей поколения веб 2.0, машина государственной пропаганды заработает как никогда раньше.

Многие исследователи хотят видеть в интернете некий конструктор позитивного будущего, где реализовалась полная свобода слова, мысли и творчества, где каждый может быть услышанным и оценённым по достоинству. Действительно, на заре появления интернета творились чудеса, но всё же, вопреки возложенным ожиданиям, интернет зачастую предстаёт не как машина инноваций и совместного творчества, а как машина развлечений. Принцип удовольствия, возведённый в абсолют, требует постоянной стимуляции. Всё, что попадает в поле зрения потребителя, должно быть китчевым, ярким, должно притягивать и доставлять удовольствие, а значит, быть простым и незамысловатым, иначе это не

продашь. В подобной ситуации требование «качественного контента» для всех – абсурдно, ведь у него не найдётся реального потребителя, требующего сложности и интеллектуальной работы.

Количественные критерии оценивания качества, таким образом, ведут к тому, что сложные культурные формы нивелируются или оказываются вытесненными из поля зрения. Впрочем, такой капиталистический критерий оценки качества продукта культуры имел место и до интернета, в пример можно привести такое явление как «бестселлер». Однако, именно появление интернета сделало критерий «мудрости масс» наиболее эффективным и распространённым принципом оценивания культурных артефактов.

4.4. Сетевой эффект «гениальности множества»

«Гениальностью множества» мы называем сетевой эффект, при реализации которого люди, не состоящие друг с другом в профессиональных отношениях, закреплённых контрактом; не включённые в типичную для индустриального производства иерархическую вертикаль, предполагающую субординацию; «не обременённые» денежным вознаграждением за свои усилия; совместно создают трудоёмкий и требующий большого количества времени успешный проект.

Создание ОС Linux/GNU и сформулированный на основе успешности этого проекта закон Linux: «при наличии достаточного количества глаз = все ошибки всплывают», обозначенный Эриком Раймондом как «базарный» способ проектирования – это один из примеров реализации эффекта «гениальности множества».

Ещё одним ярким примером является Википедия, построенная на утопичной идее о том, что писать энциклопедические статьи и заниматься их правкой может кто-угодно и когда-угодно, платить никому не нужно, единственное ограничение – это свод из семи правил. Эта идея настолько абсурдна, что не пришла в голову даже создателю Википедии Джимми Доналу Уэйлсу. Уэйлс занимался разработкой проекта «Nupedia», статьи в котором писались высокооплачиваемыми экспертами и свободно

распространялись по сети. Википедия была введена как своеобразное служебное помещение, где составители энциклопедии могли вносить правки, работая удалённо. Вдруг, служебное помещение выросло и охватило собой весь проект. В наши дни по популярности и частоте обращений Википедия давно обогнала «Encyclopædia Britannica» и другие авторитетные издания. Однако такая система, построенная на дружелюбии и доверии – очень хрупка. Википедию постоянно атакуют спам-боты, чтобы внести на её страницы рекламу. Недобросовестные пользователи устраивают «войну правок» на энциклопедических страницах, освещающих злободневные политические вопросы. Единственное, что удерживает Википедию на плаву – это небольшая группа небезразличных людей, которым эта работа не сулит ни денег, ни карьеры. Что их мотивирует? Признание среди коллег, возможность поработать с интересными людьми, чувство «призвания». Вопросу этики авторов Википедии посвящён целый ряд научной литературы⁴²⁰.

Так же примером «гениальности множества» является браузерная игра EteRNA, разработанная сотрудниками двух университетов – Карнеги-Меллон и Стэнфордским⁴²¹. В молекулярной биологии существует проблема пространственной укладки молекул, которую называют фолдингом белка. Фолдинг – это процесс спонтанного сворачивания полипептидной цепи в уникальную пространственную структуру. Поскольку структура уникальна, долгое время учёные не могли построить достаточно эффективную компьютерную модель фолдинга. Тогда было принято решение сделать браузерную игру, привлекающую игроков со всего мира к решению этой головоломки. Идея заключалась в использовании человеческих

---

⁴²⁰ Baytiyeh H., Pfaffman J. Volunteers in Wikipedia: Why the community matters // Educational Technology and Society. 2010. Vol. 13, N 2. С. 128-140.

Danielewicz M. Wikipedia: Socjologiczny raport z miejsca zdarzeń // Studia socjologiczne. – W-wa, 2010. – N 2. – S. 127 – 156.

⁴²¹ Markoff J. RNA Game Lets Players Help Find a Biological Prize // The New York Times [Электронный ресурс] – January 10, 2011. URL:

https://www.nytimes.com/2011/01/11/science/11rna.html?_r=3&ref=science (дата обращения: 25.03.2021)

способностей, чтобы улучшить существующие программные алгоритмы за счёт анализа пользовательских стратегий. Очередная безумная идея, ну кто будет в это играть? Однако люди оказались отзывчивыми, игра стала популярной. Сотни молекул, спроектированных игроками, впоследствии действительно были синтезированы в химических лабораториях.

Причины возникновения сетевого эффекта, обозначенного нами как «гениальность множества», объясняются по-разному. Джонатан Зиттрэйн связывает этот эффект с открытыми системами, охарактеризованными им как «плодовитые». Плодовитость (англ. Generativity) – «это способность системы производить непредвиденные изменения через неограниченную совместную активность широкой и разнородной аудитории»⁴²². Клэй Ширки объясняет эффективность работы сетевого множества при помощи концепта «когнитивного излишка» (англ. Cognitive Surplus): большое количество людей, обладающие ресурсом свободного времени, вместо потребления занимаются творчеством, потому что у людей есть внутренняя мотивация, которую Ширки обозначает как «стремление к щедрости» (англ. Desire for Generosity). По мысли К. Ширки отсутствие внешних экономических мотиваторов и добровольность осуществляемого труда, создаёт внутреннюю мотивацию творить⁴²³. Так или иначе, «гениальность множества» доказывает, что сетевое сообщество способно координироваться без субординационных моделей и выполнять сложные проекты без финансового поощрения, работая на чистом энтузиазме. Сеть, кажущаяся стороннему наблюдателю бесформенной, на деле оказывается ризоматичной системой, имеющей потенциал к самоорганизации. Диссипативной структурой, способной к автокатализации, если заимствовать терминологию из теории термодинамики. Как пишут М. Хардт и Т. Негри: «Если заглянуть внутрь

---

⁴²² Zittrain J.L. The Future of the Internet — And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008. P. 70.

⁴²³ См. Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. London: Penguin, 2010.

сети, то можно увидеть, что на практике она организована, рациональна и отличается способностью к творчеству»⁴²⁴.

Закрепление за отдельным регионом социального бытия особой «плодовитости» является достаточно распространённым философским концептуальным жестом, который был многократно осуществлён задолго до появления интернет-технологий. Особенно часто наличие «плодовитости» или в более традиционных терминах «цветущей сложности» и «разнообразия положений» используют как аргумент при обосновании необходимости оградить некоторый регион социального бытия или социальный институт от государственного или корпоративного вмешательства.

Проблема пределов вмешательства государства в цифровую среду, как уже было сказано в разделе, посвящённом истории интернет-исследований, является одной из самых распространённых в *internet-studies*. Национальные государства как одна из основных групп стейкхолдеров развития интернет-среды преследуют собственные интересы, однако расширение полномочий государства в интернете означает повышение прозрачности и наблюдаемости, следовательно, контролируемости интернет-среды. С этим связано две проблемы, одну из которых, а именно – сокращение пространства приватности – мы описали в разделе, посвящённом трансформации различения приватного и публичного в интернет-среде. Вторая же проблема заключается в возможности потери особой «плодовитости» (англ. *Generativity*), присущей интернет-коммуникации, в обосновании необходимости сохранения которой используются аргументы сходные с теми, что использовались для обоснования независимости хозяйственной деятельности в трудах А. Смита и университетов в трудах В. фон Гумбольдта.

В XVIII классическая политическая экономия в Шотландии (Адам Смит) и физиократическая экономическая школа (Франсуа Кенэ) во Франции

---

⁴²⁴ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 121.

разрабатывали аргументацию в пользу невмешательства государства в область экономики, которая была выстроена вокруг убеждения, что в обществе действуют «естественные законы», автоматически приводящие к увеличению общественного благосостояния. В то время как вмешательство государства, пусть даже целесообразное, но всё ещё искусственное, способно лишь подорвать и замедлить естественный ход развития, естественный прирост сложности. В контексте проблематики интернет-исследований подобного рода аргументы используются в обосновании преимуществ «базарного» типа проектирования систем, но в большей степени для обоснования необходимости свободы интернет-творчества как от государственной цензуры, так и от корпоративного копирайта.

Подобный же тип аргументации встречается в теоретическом наследии Г. Спенсера, но наиболее наглядным образом он был развит в трудах В. фон Гумбольдта, в частности, в его произведении «О пределах государственной деятельности»⁴²⁵. В этом произведении В. фон Гумбольдт выдвигает в качестве критерия различия государства и общества наличие или отсутствие свободы, которая является сущностным свойством индивидов и общества и отсутствует у государства и больших коллективов. В качестве сущностного свойства последних выделяются однообразие и механический характер.

В концепции Гумбольдта вмешательство государства должно ограничиться безопасностью граждан. Любые попытки государственного контроля приведут к разрастанию бюрократического аппарата, который растратит живые общественные силы на форму дела, игнорируя суть. Последствиями данной системы управления станет дух раболепия, воспитанный в гражданах, подавление всякой самостоятельности, и, как следствие, нравственный и умственный упадок. Запрет на вмешательство государства в жизнь общества, возникает не из сомнения в благих

---

⁴²⁵ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009.

намерениях государственных чиновников, напротив, Гумбольдт охотно верит в них. Однако, к чему бы не прикоснулось государство, везде механический характер его деятельности производит дух однообразия, подобно царю Мидасу все превращая в золото, но не в смысле ценности, а в смысле инертности и прекращения всяческих взаимодействий и реакций. В контексте интернет-исследований подобным Мидасом может выступить как государство, если будет цензурировать интернет, так и корпорации, если будут огораживать и защищать авторским правом каждый байт информации. В любом случае при вмешательстве этих стейкхолдеров особая «плодовитость» интернета будет утрачена.

В наши дни на эффект «гениальности множества» возлагаются большие надежды. В этом смысле ставка в противостоянии «свободного интернета» по одну сторону баррикад и государства/корпораций по другую достаточно высока. Обозначенные надежды основаны на предположении, что если индивид не способен обладать всей полнотой информации из-за непрозрачности сети, то ей обладает самоорганизующийся коллектив или множественность. М. Хардт и А. Негри заходят ещё дальше, наделяя «множество» волей и разумом: «Нам нужно покончить с представлением, будто инновации зависят от индивидуального таланта. Мы производим и внедряем новшества все вместе и только в сетях. Если и существует гений, так это гениальность множества»⁴²⁶. Несмотря на свою необоснованность, это довольно распространённая точка зрения, которую разделяют многие разработчики ПО, а значит эта идея фиксируется в протоколах. «Когда они (разработчики – прим. Е.Ц.) создают интернет-сервис, который редактирует анонимная толпа, они предлагают согласиться с тем, что толпа случайных людей есть организм с присущей ему точкой зрения»⁴²⁷. Это положение созвучно с идеей сингулярности, выраженной Вернером Винджем: «Крупные

---

⁴²⁶ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 407.

⁴²⁷ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 15.

компьютерные сети (и их объединенные пользователи) могут "осознать себя" как сверхчеловечески разумные сущности»⁴²⁸. Некоторые исследователи ведут себя так, будто это событие уже произошло, из-за чего гениальность множества начинает ожидаться повсеместно. Вместо того, чтобы согласиться с тем, что этот сетевой эффект имеет ограниченную применимость, выводы, сделанные на основе отдельных событий, экстраполируются на продуцирование всех культурных форм.

Например, «в 2008 году главный редактор журнала Wired Крис Андерсон высказал мнение, что “ввиду огромного потока данных научные методы уже неактуальны”. В статье “Век петабайтов” он заявил, что это означает не что иное, как “конец теории”»⁴²⁹. Иными словами, учёным больше не нужно выдвигать теории, технологии больших данных и вычислительных облаков прекрасно справятся и без них. Статья Андерсона вызвала оживленное обсуждение, но автор быстро отказался от своих смелых заявлений⁴³⁰.

В своей работе «Неизбежно» Кевин Келли утверждает, что «единственный способ для большинства книг сохранить ослабевающий авторитет в нашей культуре заключается в объединении их текстов во всемирную библиотеку»⁴³¹, то есть создание книги книг из вырванных из контекста идей и фрагментов. Несмотря на то, что К. Келли использует слово «автор», понятно, что об «авторе» речи больше не идёт, книгу книг напишет безымянное множество. Такое решение представляется нам весьма сомнительным. То, что сработало в написании энциклопедии или в разработке ПО, может не сработать в иных случаях, и «гениальность», которую ожидают от сетей, окажется фальшивой. Вместо больших и сложных форм художественной выразительности, мы можем получить серии

---

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Майер-Шенбергер В, Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 77.

⁴³⁰ Там же. С.78.

⁴³¹ Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. 121.

мемов, как результат коллективной работы миллионов людей. Вместо конструктивной полемики по интересующим вопросам, мы можем получить болтовню, атмосферу карнавала и интернет-троллей. Вместо увеличения уровня образованности населения – клиповое сознание, верхоглядство и праздное любопытство.

Группы людей действительно способны к самоорганизации в сети, если есть чёткая цель и заданы критерии эффективности, то есть правила игры. Каждый программист понимает, что делает код лучше, а что хуже, если какой-то член сообщества этого не понимает, то те изменения кода, которые привносит он, удаляются остальными членами сообщества. Когда речь заходит о художественной или политической культуре – таких критериев просто нет. Художественная культура является самовыражением свободной личности или свободных личностей, но никак не множественности. Сколько нужно вики-волонтёров, чтобы написать «Войну и Мир»?

Экстраполяция «гениальности множества» на все культурные формы – это способ выражения антигуманистической риторики, подсказанный протокольной организацией интернета. Из-за анонимности и непрозрачности сети складывается ощущение, что контент действительно производится каким-то «коллективным разумом», но это не так, контент создаётся и потребляется только людьми. Даже если контент производится нейросетями, а подбирается алгоритмами, то алгоритмы и нейросети настраиваются и создаются людьми. По крайней мере, пока.

4.5. Информационная перегрузка

Скоростной режим существования интернета в совокупности с даровым обращением информации и анонимностью приводит к накоплению информационного мусора. Речь идёт не только о намеренной дезинформации и «информационных вбросах», не только о побочных продуктах сетевой жизнедеятельности – старых страницах, забытых блогах, брошенных аккаунтах, но и о качестве того контента, который миллионы пользователей ежедневно выкладывают в сеть. Если с намеренной дезинформацией и

отходами сетевой жизнедеятельности всё более или менее ясно, то вопрос о том, почему превалирующей формой творчества в сети является именно мэшап и мем остаётся открытым. Попробуем на него ответить.

Как пишет Г. Стэндинг: «Цифровой мир не признаёт долгих размышлений и раздумий: он даёт мгновенную стимуляцию и удовлетворение, заставляя мозг уделять больше внимания краткосрочным решениям и реакциям»⁴³². В мире, где тренды сменяют друг друга быстрее, чем успеваешь моргнуть – постоянное выкладывание в сеть информации о себе – что ты ешь, где ты находишься, как ты выглядишь – это естественная для общества консюмеризма адаптивная реакция, возможность зацепиться за постоянно ускользающий мир. В романе «Употреблено» Д. Кроненберг пишет: «Не фотографироваться ежедневно, пусть даже просто делать селфи, не сохранять себя в аудио- и видеоформате, не кружиться в сетевом вихре значило искушать небытие»⁴³³. При таком скоростном режиме сложно сосредоточиться, аккумулировать ресурс времени и выложить что-то более объёмное, чем «твит» в 140 знаков. Краткосрочная ментальность, описанная З. Бауманом⁴³⁴, проявляется в бесконечном потоке однотипных «селфи», «реакций»⁴³⁵, «распаковок»⁴³⁶. Учителя в школах часто сетуют на то, что поколение интернета ничего не может запомнить. Впрочем, каждый раз, когда появляется новое медиа, поднимается вопрос о человеческой памяти – так было с письменностью и с книгопечатанием. Однако у короткой памяти есть причина – мир интернета настолько динамичен, что «в этих условиях онтологической неустойчивости забывание становится стратегией адаптации»⁴³⁷. Чтобы постоянно воспринимать новую информацию, нужно забывать старую, иначе случится информационная перегрузка. Скорость

---

⁴³² Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 40.

⁴³³ Кроненберг Д. Употреблено: роман. М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 66.

⁴³⁴ См. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2005.

⁴³⁵ Жанр видеоблога, в котором влогер (видеоблогер) снимает на камеру свою реакцию от просмотра другого видео.

⁴³⁶ Жанр видеоблога, в котором влогер распаковывает приобретённый товар.

⁴³⁷ Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 103.

вызывает зависимость – состояние, культивируемое обществами контроля, как отмечают Жиль Делёз⁴³⁸ и Марк Фишер⁴³⁹. Диагноз, поставленный Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари обществам позднего капитализма – шизофрения⁴⁴⁰ – остаётся в силе, к нему добавляется синдром дефицита внимания и гиперактивность.

Помимо обычных пользователей, использующих интернет, чтобы разнообразить свой досуг, существуют люди, которые профессионально занимаются творчеством в сети – блогеры, влогеры, интернет-журналисты. Казалось бы, уж они-то должны делать качественный контент. Однако блог, как новый способ взаимодействия автора и читателя, требует от обоих постоянной активности. Если автор неактивен, его публика постепенно рассеивается. Из-за дарового обращения информации основным способом монетизации творчества становится рекламодатель, ориентированный на количество просмотров, лайков, репостов, что низводит творчество автора до саморекламы – привлечения к своей персоне внимания инвесторов. За творчество само по себе никто не заплатит, выгоду от него в сетевом мире получают не авторы, а владельцы облаков. Чтобы подогревать интерес публики, автор вынужден поставить себя в положение постоянного дедлайна. Естественно, это отражается на качестве создаваемого материала: чтобы успеть за всеми трендами нужно членить информацию, упрощать её, подгонять под легко воспроизводимый формат. Материал, от которого требуют ежедневности становится однодневным. Логика аккумуляции ресурсов, по которой работают крупные музыкальные лейблы и издательские дома, позволяла оплачивать авторский труд, не ставя автора в положение ежедневного дедлайна, хоть и требуя от автора различных форм отчётности. В глобальной сети эта логика преломляется и перестаёт работать.

---

⁴³⁸ См. Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233.

⁴³⁹ См. Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. С. 48-53.

⁴⁴⁰ См. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Информация, поступающая в общий доступ в таких количествах, девальвируется. Главный герой рассказа «Зимний рынок» писателя У. Гибсона задаётся вопросом – «Где кончается гоми и начинается мир?»⁴⁴¹. Это не праздный вопрос, в интернете перемещается такое количество информации, что отличить полезное от бесполезного, правдивое от лживого, становится весьма затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Вместо обещанной «гениальности множества» мы получаем информационный шум.

Несмотря на все обозначенные проблемы, интернет имеет мощный эмансипационный потенциал. Малоизвестным авторам музыкальных композиций, живописи, литературы больше не нужно проходить через фильтр редакционных советов, продюсерских центров, наконец, цензуры. Современный автор выходит к потребителям напрямую, более того, находит непосредственный и молниеносный отклик потребителей на своё творчество. Несмотря на то, что скорость обмена навязывается интернет-пользователю, он не обязан подчиняться этому ритму. Культурные вызовы, описанные выше, не могут автоматически привести к тому, что в обществе перестанут производиться сложные художественные формы. Сеть всё ещё остаётся новой степенью человеческой свободы, воспользовавшись которой молодой автор может найти своих читателей, а музыкант – слушателей. В интернете действительно много талантливых и оригинальных людей, которые не были бы услышаны, если бы мировой сети не существовало. Но чтобы найти этих людей, придётся научиться слушать шёпоты в мире информационного шума.

---

⁴⁴¹ Гоми (яп. ゴミ) – мусор.

Гибсон У. Зимний рынок // Нейромант: роман, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 404.

Заключение.

В настоящем диссертационном исследовании была проведена следующая работа. В **первой главе** нами была обоснована рабочая гипотеза, согласно которой протольно-интерфейсная техническая архитектура интернет-медиа обуславливает способы социального взаимодействия, которые устанавливаются в интернете и вокруг использования интернета, и экспортируется за его пределы, следовательно, отчасти обуславливает общую социокультурную динамику. Исходя из методологических интуиций социального конструктивизма, дополненных преобразовательной моделью социальной деятельности и элементами технологического детерминизма, мы приходим к выводу, что сообщество в интернете формируется под влиянием протольно-интерфейсной технической архитектуры интернета, которая в свою очередь является продуктом, с одной стороны, до некоторой степени ситуативных технических решений разработчиков, с другой стороны, влияния социокультурного и технологического контекста, отразившихся на идеях которыми руководствовались разработчики. В то же время само появление интернета является не необходимым, но возможным и логичным продолжением технических, социальных и культурных трансформаций, происходящих в рамках развития мирового капитализма. Во **втором подразделе первого раздела** проведено исследование связи между техникой и медиа, а также исследование пересечения предметного поля философии техники и медиа-теории. Сделан вывод, что интернет-медиа в своей технической составляющей представлены в компьютерах, сети оптоволоконных кабелей и электростанций, в функциональной же составляющей интернет представляет собой протольно-интерфейсную архитектуру (написанную на языке бинарного машинного кода и, на более высоком уровне, на различных языках программирования) и коммуникацию пользователей.

В соответствии с логикой развёртывания и обоснования рабочей гипотезы исследования во **втором разделе** посредством историко-

генетического метода изучения генезиса интернет-сети мы прояснили исторический контекст, в котором находились люди, разрабатывающие ключевые технические решения протольно-интерфейсной архитектуры. В разделе были рассмотрены ключевые исторические события, идеи и движения, которые позволяют понять, как интернет стал возможен в том виде, в котором мы его имеем налично. К таким событиям мы в том числе отнесли: создание агентства по перспективному исследованиям ARPA, разработку ARPANET, разработку технологии коммутации пакетов, разработку протокола TCP/IP, закрепление данного протокола в качестве мирового стандарта, создание приложения WWW и программного обеспечения HTTP, HTML, URL, отделение программного обеспечения и аппаратного обеспечения в первых персональных компьютерах, появление методики проектирования систем Web 2.0. К движениям, повлиявшим на выстраивание протольной структуры интернета, мы отнесли в первую очередь движения за «открытые исходники» и «свободное ПО». К идеям мы отнесли «мудрость толпы» и «базарный способ производства».

В **третьем разделе** была проведена диагностика социокультурных последствий распространения интернета, эксплицировано послание интернет-технологии, объективно встроенное в интернет-протоколы и пользовательские интерфейсы. В результате чего мы пришли к выводу, что идеи и воображаемые модели пользователей и их практик, из которых исходили разработчики, зафиксированы в интернет-протоколах вне зависимости от того, каким образом их в конечном итоге используют. После того как какое-то техническое решение вводится в эксплуатацию, оно начинает формировать когнитивные ожидания пользователей и в этом смысле конструировать их. С другой стороны, нередко пользовательские практики существенным образом отличаются от спроектированных разработчиками, возникают непредвиденные и непреднамеренные побочные следствия человеческого взаимодействия в сети, выявляются неочевидные зависимости, что в обратном порядке влияет на изменение интерфейса,

перенастройку его под «действительные» нужды пользователя. Однако не все решения можно отменить или перенастроить. Некоторые элементы работы сети являются критически важными, поскольку от них зависят цепочки других протольно-интерфейсных решений, поэтому базовые протольно-интерфейсные архитектурные решения становятся своего рода «правилами игры» или закономерностями интернет-коммуникации. Мы выделили три взаимосвязанных уровня интернет-сети, имеющих определённые характеристики, отражающиеся на индивидуальных пользовательских практиках:

1. Техническая сеть электрических потоков, совокупность серверов, электрических и оптоволоконных кабелей, составляющих необходимые условия возможности существования интернета. Главными характеристиками, отражающимися на социальном взаимодействии внутри интернет-пространства и вокруг использования интернет-технологии, являются скорость, сложность и вытекающая отсюда хрупкость.

2. Бинарный машинный код, протокольная организация интернета, программное обеспечение, интерактивный интерфейс, которые также выступают условием возможности существования интернета, но имеют качественно другой статус и способ взаимодействия с третьим уровнем. Характеристиками, влияющими на производство интернет-сообщества и осуществления коммуникации в сети, являются: децентрализация, непрозрачность, открытость, даровость, горизонтальность, глобальность, не отменяющая локальной специфики различных интернет-сообществ, и ризоматичность.

3. Социальная среда, с которой рядовой пользователь непосредственно сталкивается, используя интернет. Этот уровень исследования интернета описан во второй главе настоящего исследования.

В четвёртом разделе мы осуществили анализ истории интернет-исследований, а также выявили предметную соотнесённость интернет-исследований с проблемным полем социальной философии, чтобы очертить

исследовательскую область, которую можно сформулировать следующим образом: интернет-технологии и все социальные взаимодействия, выстраивающиеся вокруг их использования, а также социальные взаимодействия, включающие использование интернета. Согласно нашему анализу поля интернет-исследований, в область интересов исследователей может входить техническая инфраструктура, алгоритмы, «коробки» и «провода», но в фокусе всегда находятся взаимодействия людей, обусловленные или обеспечиваемые этой технической инфраструктурой, а не инфраструктура сама по себе. Более того, и это без сомнения ещё больше размывает и без того размытую предметную область интернет-исследований, исследователи, работающие в данном направлении, могут изучать, как интернет влияет на вещи за его пределами: как меняется работа заводов, поликлиник, школ, общества в целом, когда в них появляется интернет. Поскольку внедрение интернет-технологий в различные сферы общественного производства приводит к определённым тенденциям социальной динамики, мы приходим к выводу, что исследовательское поле включает в себя широчайшую область социальных трансформаций.

Мы выделили три периода истории интернет-исследований в соответствии с общим характером производимого знания. В качестве границ исторических периодов мы обозначили события, существенным образом повлиявшие на содержание интернет-исследований:

1. От WWW до «пузыря доткомов». Зарождение интернет-исследований.
2. От кризиса dot.com до 2010 года. Институционализация интернет-исследований.
3. От площади Тахрир до наших дней. Диверсификация интернет-исследований, закрепление исследовательских сфер и языков описания.

В четвёртом подразделе четвёртого раздела мы обозначаем ряд тем, наиболее распространённых в интернет-исследованиях, на которые мы ориентировались в настоящем исследовании.

Вторая глава содержит четыре раздела в соответствии с четырьмя сферами общественной жизни: материальной (хозяйственной), социальной, организационной и духовной. Выделенные сферы соответствуют четырём необходимым для выживания типам совместной деятельности людей. В главе было осуществлено описание и объяснение макросоциальных сетевых эффектов, связанных с интеграцией интернет-технологий в традиционные экономические сектора, область производства культуры и политически активные социальные движения, а также описанию и объяснению трансформации идентичности и базовых структур повседневного взаимодействия.

В **первом разделе** был осуществлен анализ тенденций капиталистического экономического развития, определённых процессом интеграции цифровых технологий в структуру общественного производства и распределения. В результате анализа мы пришли к выводу, что данные тенденции носят закономерный и взаимозависимый характер. Ускорение информационного обмена предоставляет возможность замены фордистской модели производства на более бережливую модель тойотизма и далее на сетевую модель, подразумевающую выведение части сотрудников на аутсорс и снижение долгосрочности контрактных обязательств и отношений найма, что приводит к прекаризации труда определенной социальной группы, которую можно обозначить как «прекариат» или занятые в сфере «гигономики». Изменение условий труда приводит к изменению способов повышения производительности труда, что является причиной становления «обществ контроля», характеризующихся распределенной властью, встраиванием ранее внешнего принуждения внутрь личности, аффективным инжинирингом, пролонгацией образовательного процесса, возрастанием темпа и ритма работы, распространением проектных форм работы, заменяющих рутинные формы, и появлением ликвидной краткосрочной идентичности.

Второй раздел главы посвящён исследованию влияния интернета на идентичность и структуры повседневного взаимодействия. **В первом подразделе** был проведён анализ взаимосвязи изменившихся моделей производства и распределения с изменениями в области человеческой идентичности. Мы обнаружили, что трансформации человеческой идентичности зачастую концептуализируются в исследовательской литературе, посвящённой данной проблематике, в качестве вызова человеческому бытию как таковому. Однако такой подход не свободен от ценностных презумпций, поскольку предполагает по отношению к бытию человека такие различия как «подлинный/неподлинный» или «аутентичный/неаутентичный». Описанию данной постановки вопроса и её критике посвящен **второй подраздел**, в котором также описаны трансформации базовых различий структур повседневного взаимодействия: «наличное/подручное», «далёкое/близкое», «перцептивное/манипулятивное». В **третьем подразделе** проведено исследование современной трансформации различия «публичного/приватного», в ходе которого мы приходим к выводу, что внедрение интернет-технологий в повседневные человеческие практики приводит к взаимной конвергенции публичной и приватной сфер. С целью теоретической фиксации данной трансформации нами была применена двойная исследовательская оптика, позволившая нам рассмотреть публичное и приватное одновременно как пространства особого типа и как свойства социального действия. С той же целью в данном подразделе работы осуществлён тематический синтез двух исторически разделённых направлений интернет-исследований, посвящённых проблеме влияния интернета на формирование публичной сферы и проблеме утраты приватности, связанной с новыми цифровыми способами сбора личных данных, а также переопределяются понятия «приватной публичности» и «публичной приватности». На примерах социального движения «MeToo» и движения против домашнего насилия было проиллюстрировано, как вынесение в публичное поле тем, ранее

определявшихся в качестве интимных, может быть актом политической борьбы за переопределение границ частного и публичного.

Третий раздел посвящён влиянию интернета на политический уклад, тесно связанный с организационной сферой общественной жизни. Проводится обоснование возрастания роли социальных движений в политической жизни общества, заключающейся в том, что социальные движения как наиболее изменчивая, подвижная часть политической системы реконцептуализируются в качестве инициатора, а также часто агента и проводника умеренных и радикальных социальных преобразований. **В первом подразделе** проведён анализ трансформации социальных движений, форм и практик протестной активности, связанной с появлением интернета – информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Аналитически выведены следующие антитетические оси, по которым происходит изменение в сторону уменьшения роли первого члена дихотомии и увеличения роли второго: «эксклюзия/инклюзия», «стратегическое действие/коммуникативное действие», «масса/множество». Осуществляется исследование изменения пространства и времени протестной деятельности и коммуникации. **Во втором подразделе** проводится концептуальный анализ исследовательской литературы, относящейся преимущественно к 20-ому веку и посвящённой социальным движениям. В результате анализа мы приходим к выводу, что описание социальных движений в терминах «аномии», «общественной дезинтеграции» и «структурного дисбаланса» постепенно сменяются на функционалистские описания социальных движений как неотъемлемой и необходимой части политического процесса и, более того, главного драйвера социальных преобразований. **В третьем подразделе** мы провели последовательный анализ причин возрастания роли социальных движений в политическом процессе, опираясь как на наследие таких классиков как Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер, Ф. Тённис, А. Сен-Симон и О. Конт, так и на современные исследования, посвящённые установлению связи между повышением

протестной активности и распространением интернета. В указанных подразделах мы осуществили двойное описательное движение: с одной стороны, мы описываем причины возрастания значимости социальных движений как общественного явления, с другой стороны, эти причины были обозначены и исследованы нами в качестве «тем», то есть теоретических традиций.

Четвёртый раздел посвящен анализу культурных эффектов, являющихся следствием опосредования интернет-медиа творческой активности пользователей. Дано обоснование того, что логика, имманентно присутствующая в протольно-интерфейсной архитектуре интернета, обуславливает определенные формы творческой активности, которые могут осуществлять пользователи сети. Пользователи, встроенные в определенную протольно-интерфейсную архитектуру интернет-медиа, своим поведением поощряют некоторые формы творческой активности, в то время как другие формы, ставшие неликвидными в пространстве сети, оказываются на периферии. Осуществлено исследование культурных трансформаций, которые несет в себе логика сетевой коммуникации. Проведён контент-анализ доминирующих культурных форм, специфичных для цифрового пространства, а также дано обоснование взаимосвязи таких проблематичных и устойчивых трендов современности, как открытость интернета, даровость информации, невозможность обеспечения соблюдения авторского права, распространение количественных критериев оценки качества контента, замена экспертного сообщества на «мудрость толпы», разрушение сложившейся культурной иерархии и постоянное ускорение информационного обмена. В **первом подразделе** работы мы провели диагностику последствий, к которым привела идея «свободы информации», экстраполированная из области программирования на область продуцирования культуры. Во **втором подразделе** проведен анализ трансформации культурной иерархии, то есть традиционного различения культуры на высокую (элитарную) и низкую (массовую) и современного

различия на «поп» и «андерграунд». В результате анализа мы приходим к выводу, что пространство сети, характеризующейся своей горизонтальностью и плоскостью, не предоставляет возможности создать «выделенное» положение, которое можно было бы расположить на вертикальной оси и охарактеризовать «более высоким» по отношению к положению массовой культуры. С целью анализа глубинных трансформаций семиотического пространства культуры, выраженных в переходе от «семиосферы» к «инфосфере» мы привлекли философское наследие В.В. Миронова. **Третий подраздел** был посвящён анализу социокультурного эффекта «мудрости толпы», связанного с распространением интернет-технологий. В результате исследования мы приходим к выводу, что агрегированная «мудрость толпы», принятая как способ оценки качества, является отражением глубокой трансформации, которую переживает культура, начиная с середины XX века. Одновременно, способ организации культурного пространства в интернете, фиксирует эту трансформацию, превращая ее в закономерность функционирования сетевого сообщества. Искусство из области эстетического рассуждения переходит в зону потребительского конструирования различий между индивидами, то есть в зону самоидентификации через потребление. В **четвёртом подразделе** мы проанализировали сетевой эффект «гениальности множества» и определили причины его появления с привлечением концептов «когнитивного излишка», сформулированного К. Ширки, и «плодовитости», сформулированного Дж. Зиттрэйном. Мы обнаружили, что закрепление за коммуникацией в интернет-сети особой «плодовитости» является достаточно сильным аргументом в пользу ограничения вмешательства государства и корпораций в цифровую среду. Для обозначения пределов государственного и/или корпоративного вмешательства в область продуцирования интернет-культуры мы провели рецепцию аргументов, сформулированных в философском наследии В. фон Гумбольдта относительно пределов вмешательства государства в образование. В **пятом подразделе** проводится

диагностика специфических культурных вызовов и внутренних напряжений, которые несёт в себе новый режим продуцирования культуры, заданный и опосредованный интернет-сетью.

Интернет-сеть проникает во все сферы общественной жизни, радикально меняя производительные силы и производственные отношения, организационную и духовную подсистемы общества, следовательно, все общество, включая человеческие повседневные практики и формы идентичности. Тенденции повсеместной сетевизации и цифровизации чрезвычайно противоречивы, инфраструктура интернет-медиа приводит к конфликтам интересов.

Покупая продукты в супермаркете, заправляя машину или осуществляя авиаперелёт – человек прибегает к услугам интернет-сети. Причина такой популярности интернет-технологий у производителей ясна – подключение к сети существенно снижает стоимость производства и дистрибуции. Однако такая популярность интернета делает общество всё более уязвимым перед лицом технических катастроф. Чтобы снизить риски – нужно разработать резервную информационную сеть, работающую на протоколах отличных от TCP/IP.

Интернет сеть имеет большой эмансипационный и демократизирующий потенциал – малые социальные группы, которые прежде были лишены права голоса, теперь способны добиться тотальной гласности, привлекая к своим локальным проблемам внимание большого количества людей. Такая открытость интернет-сети оборачивается тотальной слежкой, осуществляемой государством и/или интернет-корпорациями. Если проблему несанкционированного использования личных данных, осуществляемого корпорациями, можно решить с помощью ужесточения законодательства, то кто ограничит возможность государства следить за всем членами общества? Эта проблема не имеет системного решения, но имеет индивидуальное – интернет обладает достаточной непрозрачностью, чтобы хотя бы частично скрыться от всевидящего ока надзирателя.

Эмансипируется современный автор – он может выходить к потребителям напрямую, минуя редакционные фильтры. Однако анонимность и даровые формы обращения информации приводят к тому, что деньги за своё творчество получает не автор, а владельцы вычислительного облака. Кроме того, информация, поступающая в общий доступ в таких количествах, девальвируется, поскольку провести важное для реципиента различие «важная/неважная» оказывается всё более трудно. Растут горы информационного мусора. Тем не менее, интернет обладает достаточной гибкостью для создания гибридных форм экономики культуры. Партнёрская программа YouTube позволяет автору зарабатывать своим творчеством. Технология краудфандинга – коллективного финансирования, основанного на добровольных взносах – является гибридной формой аккумуляции финансовых ресурсов, нужных для создания AAA-проектов. Большому кино и крупным музыкальным лейблам придётся подстраиваться под новый информационный режим – совершенствовать гибридные формы получения прибыли, которые могут предоставить такие площадки как iTunes, Netflix, Google play. Проблема информационного мусора может быть решена воспитанием и повышением культуры общения в сети.

Интернет расширяет возможности самовыражения каждого отдельного индивида. Безвозмездно делясь информацией как собственного производства, так и чужого, пользователь вступает в перманентный коллективный информационный обмен. Работая над своим сетевым профилем, пользователь создаёт, репостит и оценивает контент для повышения своего социального статуса, при этом выступая участником коллективного труда. Пользователь является индивидуализированным узлом сети, действующим исходя из своих интересов, но вместе с тем – частью сети, действующей в интересах коллектива или вопреки им. В то же время, из-за троллинга и иных видов кибернасилия, порождённых анонимностью и удалённостью, отдельный индивид может пострадать. Возможности монолога и диалога могут быть уничтожены полилогичностью сети.

Политическая кооперация может трансформироваться в фанатское движение, способное заявить о своих проблемах, но не способное осуществить свою политическую волю.

Обозначенные противоречия являются следствием введения новой информационной технологии в производство непосредственной жизни людей. Несмотря на то, что технические медиа, будучи введённой в производство, обладают собственным «посланием», технические медиа всегда оставляют коридор возможностей своего использования. Эмансипационный и демократизирующий потенциал сети не раскроется самостоятельно, это отличает нашу позицию от позиции радикального технического детерминизма.

Любая действительно инновационная технология, будучи внедрённой в производство, не просто открывает новые возможности развития общества, но в некотором смысле предопределяет эти возможности, несёт собственное «послание», имеет потенциалы и лимиты своего использования, инерцию своей эксплуатации, что, однако, не означает, что нет возможности точно корректировать курс общественного развития. Иными словами, если цифровые технологии не повышают качество жизни людей, всегда остаётся возможность эти технологии изменить, не отказываясь от них полностью. Главное – осознавать, какие последствия будут иметь те или иные вносимые изменения. Безусловно, каждая из описанных здесь тенденций требует более детального изучения, однако следует брать во внимание их системную взаимообусловленность, так как корректирование направления движения одной из тенденций способно привести и приведёт к изменению всех остальных.

Список литературы.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в Интернете. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 304 с.
3. Арендт Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
4. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. – 830 с.
5. Ассанж Дж., Аппельбаум Дж., Мюллер-Магун Э. Шифропанки: свобода и будущее интернета. М.: Азбука, 2014. – 224 с.
6. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 264-282.
7. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 99-110.
8. Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 128 с.
9. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
10. Баринова Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства интернета // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. М: ИНИОН РАН, 2013. С. 19-34.
11. Барт Р. *S/Z*. М.: Академический проект, 2009. – 373 с.
12. Барт Р. Мифологии. М: Академический проект, 2010. – 351 с.
13. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384-391.
14. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 248 с.
15. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. – 390 с.
16. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №. 4. С. 133-154.

17. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.
18. Беньямин В. О понятии истории // Девять работ. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. С. 199-223.
19. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. – 240 с.
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.
21. Бердяев Н.А. Русская идея и судьба России. М.: Сварог и К, 1997. – 542 с.
22. Берроуз У., Джек К. И бегемоты сварились в своих бассейнах. М.: АСТ, 2010. – 224 с.
23. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. – 248 с.
24. Блауг М. Мальтус, Томас Роберт // 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс, 2008. С. 187-190.
25. Бодрийяр Ж. Почему всё ещё не исчезло? [Электронный ресурс] – 2016. URL:
http://www.chaskor.ru/article/zhan_bodriyyar_pochemu_vse_eshche_ne_ischezlo_o_40860 (дата обращения – 21.03.2021)
26. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2009. – 387 с.
27. Больц Н. Алфавит медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. – 136 с.
28. Бхаскар Р. Общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 219-240.
29. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23-61.
30. Вебер М. Смысл «свободы от оценки в социологической и экономической науке» // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547-601.

- 31.Верченков Л. Н., Ефременко Д. В., Тищенко В. И. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М: ИНИОН РАН, 2013. – 357 с.
- 32.Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство АСТ, 2019. – 288 с.
- 33.Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – 2-е издание. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
- 34.Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс. – 144 с.
- 35.Гибсон У. Зимний рынок // Нейромант: роман, рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. С. 402-426.
- 36.Гибсон У. Распознавание образов. М.: Азбука, 2015. – 384 с.
- 37.Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
- 38.Гидденс Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 336 с.
- 39.Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
- 40.Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009. 304 с.
- 41.Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Южно-российский журнал социальных наук. 2012. №2. С. 82-96.
- 42.Делёз Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233.
- 43.Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. – 472с.
- 44.Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
- 45.Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. – 895 с.

46. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. – 414 с.
47. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 808 с.
48. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, Corpus, 2013. – 512 с.
49. Драчева Е., Щербак А. Политический Интернет и гражданское общество на выборах 2011–2012 гг. // Публичная политика-2011: сборник статей. СПб: Норма, 2012. С. 26-39.
50. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. – 575 с.
51. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ад Маргинем Пресс, 2003. – 256 с.
52. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.
53. Жолудь Р.В. Публичная сфера в социальных медиа: от деградации к трансформации // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. №1. С. 132-135.
54. Ильченко М.С., Мартьянов В.С. (ред.) Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. – 279 с.
55. Капп Э., Кунов Г., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: 1925. С. 21-168.
56. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
57. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
58. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 352 с.
59. Кныжова З.З., Суслов И.В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. №5. С. 59-66.

60. Колозариди П.В. Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания // Социология власти. 2018. Т. 30, № 3. С. 69-92.
61. Колозариди П.В. Утопия и идеология в исследованиях интернета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №5. С. 144-158.
62. Колозариди П.В., Ульданов А.А. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS // Социологический журнал. 2015. Том 21, №3. С. 105-128.
63. Корбюзье Л. Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017. – 120 с.
64. Кроненберг Д. Употреблено: роман. М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 416 с.
65. Крэри Д. Техники наблюдателя. М.: V-A-C press, 2014. – 256 с.
66. Ланир Д. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. – 320 с.
67. Лapidус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2018. – 381 с.
68. Лapidус Л.В., Полякова Ю.М. Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // Вестник ИЭ РАН. №6. 2018. С. 73-89.
69. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
70. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
71. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 194-218.
72. Майер-Шенбергер В, Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.
73. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
74. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. – 464 с.

75. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
76. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2. Т.1. М.: ГИПЛ, 1955. С. 414-429.
77. Маркс К. К критике политической экономии. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1949. – 270 с.
78. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Первоначальный вариант Капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2. Т.46. Ч.II. М.: ГИПЛ, 1969. – 244 с.
79. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.: Академический Проект, 2010. – 775 с.
80. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. – 331 с.
81. Мартынов К. Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. 2014. #4(100). С. 73-86.
82. Миронов В.В. Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // Философские науки. №7. 1987. С.26-36.
83. Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 3. С. 3-25.
84. Миронов В.В. Семиотические виражи культуры: от диалога к монологу? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2017. № 5. С. 3-18.
85. Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 4. С. 34-48.
86. Момджян К.Х., Бараш Р.Э. (ред.) Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2019. – 271 с.
87. Момджян К.Х. (ред.) Социальная философия и философия истории: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. – 478 с.

88. Момджян К. Х. Социальная Философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч.1. М.: Издательство Московского университета, 2013. – 400 с.
89. Мор Т. Утопия. М.: Эксмо-Пресс, 2018. – 160 с.
90. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 246-262.
91. Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 328 с.
92. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор. М.: Издательство АСТ, 2016. – 384 с.
93. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
94. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
95. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
96. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
97. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Избр. сочинения в 3 т. Т 1. М.: Гос. издательство худ. литературы, 1961. С. 41-64.
98. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015. – 928 с.
99. Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск: Фонд Социально-прогностических Исследований «Тренды», 2004. – 296 с.
100. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. – 424 с.

101. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 240 с.
102. Соловей В.Д. Социальные сети как инструмент политических перемен: возможности и ограничения // Коммуникология. 2017. Том 5. № 5. С. 15-23.
103. Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 96 с.
104. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
105. Степанов М. «Вторая» машина Готтхарда Гюнтера, аппарат Вилема Флюсера и трансгуманистический оптимизм // Медиа: между магией и технологией. М.: Кабинетный учёный. С. 207-231.
106. Степин В.С. Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований // Социальная и экологическая оценка научно-технического развития. Материалы межд. Конференции. М.: Российско-германское общество «Философия науки и техники» РФО, 2007. – 128 с
107. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
108. Таненбаум Э., Вудхалл А. Операционные системы: Разработка и реализация. СПб.: Питер, 2007. – 704 с.
109. Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 432 с.
110. Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997. – 252 с.
111. Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 25-34.
112. Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

113. Ушкин С.Г. Вовлечённость пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. №8. С. 138-142.
114. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
115. Фишер М. Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
116. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015. – 416 с.
117. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. – 588 с.
118. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349 с.
119. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. – 379 с.
120. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2013. – 452 с.
121. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 306-330.
122. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ad Marginem, 2017. – 128 с.
123. Хардт М, Негри Т. Империя. М.: Праксис, 2004. – 440 с.
124. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
125. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780. СПб.: Алетейя, 1998. – 307 с.
126. Хомский Н. Прибыль на людях: неолиберализм и мировой порядок. М.: Праксис, 2002. – 256 с.
127. Цирель С.В. Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 162-174.

128. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 336 с.
129. Цуркан Е. Г. Кризис самоидентификации как одна из причин популярности виртуальных социальных сетей // Аспекты IX. Сборник статей по философским проблемам истории и современности. М.: Издатель Воробьев А.В. 2014. С. 152-162.
130. Цуркан Е.Г. «ФУНКЦИЯ ФИЛОСОФИИ – ОСУЩЕСТВИТЬ ДИАЛОГ КУЛЬТУР» (публикации В.В. Миронова в журнале «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия») // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 6. С. 122-133.
131. Цуркан Е.Г. Влияние интернет-технологий на трансформацию различия публичного и частного // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 4. С. 53-68.
132. Цуркан Е.Г. Влияние социальных сетей на современные протестные движения // Восьмой Российский Философский Конгресс – Философия в полицентричном мире. Круглые столы. Сборник научных статей. Т. 4. М., 2020. С. 657–660.
133. Цуркан Е.Г. К вопросу об автономии университетов // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 49-52.
134. Цуркан Е.Г. Культурные вызовы глобальной сети Интернет // The Digital Scholar: Philosopher’s Lab. Цифровой ученый: лаборатория философа. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2018. Т. 1. № 4. С. 116–128.
135. Цуркан Е.Г. Причины повышения протестной активности в эпоху новых медиа // Философские и социокультурные основания цивилизационного будущего России: сб. науч. тр. По материалам Всерос. науч. конф. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2020. С. 156-161.
136. Цуркан Е.Г. Проблема правовой неэффективности института копирайта в глобальной сети интернет // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4 (86). С. 54-57.

137. Цуркан Е.Г. Цифровые технологии и формы «неаутентичной жизни» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. Пермь: 2019. Т. 1, № 3. С. 184-194.
138. Цуркан Е.Г., Дряева Э.Д. Влияние цифровых технологий на модели производства и формы занятости: социально-философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. М., 2019. Т. 23, № 4. С 533-547.
139. Ширки К. Включи мозги. Свободное время в эпоху интернета. М.: Карьера Пресс, 2012. – 272 с.
140. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
141. Шуровьески Дж. Мудрость толпы. Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум формирует бизнес, экономику, общество и государство. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 304 с.
142. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
143. Эрнст В. Время медиа: понятия, археология, наука // Медиа: между магией и технологией. М.: Кабинетный учёный, 2014. С. 144-161.
144. Abbate J. *Inventing the Internet*. Cambridge, MA: MIT. Press, 1999. – 268 p.
145. Abbate J. What and where is the Internet? (Re)defining Internet histories // *Internet Histories*. 2017. Т. 1, №1-2. P. 8-14.
146. Adamson M., Borgos S. *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*, Boston: Routledge Kegan & Paul, 1984. – 143 p.
147. Allagui I., Kuebler J. The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction // *International Journal of Communication*. 2011. № 5. P.1435-1442.

148. Appelbaum J. Letter to a Yong Selector // Astro noise: a survival guide for living under total surveillance. New York: Whitney Museum of American Art, 2016. P. 154-161.
149. Bakardjieva M. Internet in Everyday Life: Diverse Approaches // The Handbook of Internet Studies. Oxford: Blackwell, 2011. P. 59-82.
150. Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Электронный ресурс] – 1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения – 21.03.2021)
151. Barlow J.P. Is There a There in Cyberspace? // Utne Reader (March–April), 1995. P. 50–60.
152. Baudrillard J. Why Hasn't Everything Already Disappeared? Calcutta: Seagull books, 2011. – 77 p.
153. Baytiyeh H., Pfaffman J. Volunteers in Wikipedia: Why the community matters // Educational Technology and Society. Athabasca, 2010. Vol. 13, N 2. P. 128-140.
154. Berger T., Frey C. B., Levin G., Danda S. R. Uber happy? Work and well-being in the «gig economy» // Economic Policy. 2019. T.34, № 99. P. 429-477.
155. Berners-Lee T. WWW: Past, present, and future // Computer. 1996. Vol. 29. № 10. P. 69–77.
156. Blankenship L. The Conscience of a Hacker [Электронный ресурс] – 8 January 1986. URL: <http://phrack.org/issues/7/3.html#article> (дата обращения: 23.03.2021)
157. Blumer H. Collective Behavior // Principles of Sociology. New York: Barnes&Noble, 1969. P. 165-221.
158. Boellstorff T. For Whom the Ontology Turns: Theorizing the Digital Real // Current Anthropology. 2016. № 57:4. P. 387-407.
159. Bottero W. A Sense of Inequality. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2020. – 262 p.
160. Bourdieu P. La précarité est aujourd'hui partout // Contre-feux. Paris: Raisons d'agir, 1998. P. 96-102.

161. Calderaro A. Social Media and Politics // The SAGE Handbook of Political Sociology. 2018. P. 781-796.
162. Castells M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 592 p.
163. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. – 320 p.
164. Clark S. The Sun Kings: The Unexpected Tragedy of Richard Carrington and the Tale of How Modern Astronomy Began // Stuart Clark's Universe [Электронный ресурс] – 2007. URL: <https://web.archive.org/web/20100419205321/http://www.stuartclark.com/sunkings.html> (дата обращения: 10.03.2021).
165. Consalvo, M., Ess, C., & Wiley, J. (Eds.). The handbook of internet studies. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. – 498 p.
166. Craven P., Wellman B. The network city // Sociological inquiry. 1973. T. 43. №. 3-4. P. 57-88.
167. Danielewicz M. Wikipedia: Socjologiczny reportaż z miejsca zdarzeń // Studia socjologiczne. W-wa, 2010. N 2. P. 127-156.
168. Dijk J. van. The Network Society. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications Ltd, 2020. – 384 p.
169. DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W.R., Robinson J.P. Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 307-336.
170. Dutton W. H. (Eds.) Internet Studies: The Foundations of a Transformative Field // The Oxford Handbook of Internet Studies. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 640 p.
171. Flichy P. The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // Business and Economic History. 2004. Vol. 2. P. 1–11.
172. Fraeser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermas and the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P.109-142.

173. Gates B. The Bill Gates Column // The Guardian – 20 Jule 1995. P. 14.
174. Gonzales-Bailon S., Wang N. Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media // Social Networks. 2016. №44. P. 95-104.
175. Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 50, №7. P. 943-965.
176. Graham M., Dutton W.H. (eds.). Society and the Internet: How Networks of Information and Communication are Changing Our Lives. Oxford: Oxford University Press, 2014. – 390 p.
177. Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // Sociological theory. 1983. Vol. 1. P. 201-233.
178. Gurney J. N., Tierney K. J. Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research // The Sociological Quarterly. 1982. Vol. 23. P. 33-47.
179. Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Habermas and the Public Sphere. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 425-429.
180. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT press, 1991. – 328 p.
181. Hagstrom W. Gift giving as an organizing principle in science // Science in Context: Readings in the Sociology of Science. Cambridge: MIT Press, 1982. P. 21-34.
182. Hampton K., Wellman B. Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb // City and Community. 2003. № 2(3). P. 277-311.
183. Hauser G. A. Vernacular dialogue and the rhetoricality of public opinion // Communications Monographs. 1998. T. 65. №. 2. P. 83-107.
184. Hughes E. A Cypherpunk's Manifesto [Электронный ресурс] – 9 March 1993. URL: <https://www.activism.net/cypherpunk/manifesto.html> (дата обращения: 10.03.2021).

185. Jasper J.M., Owens L. Social movements and emotions // Handbook of the sociology of emotions. New York: Springer, 2014. P. 529-548.
186. Kadushin C. Understanding Social Networks: Theories, Concepts, Findings. New York: Oxford University Press, 2012. – 264 p.
187. Kanalley Craig. Occupy Wall Street: Social Media's Role in Social Change // Huffington Post. October 6. URL: https://www.huffingtonpost.com/2011/10/06/occupy-wall-street-social-media_n_999178.html (дата обращения: 30.09.2020).
188. Killian L.M. Social movements // Handbook of modern sociology. Chicago, IL: Rand McNally, 1964. P. 426-455.
189. Kirtchev С.А. А Cyberpunk Manifesto [Электронный ресурс] – February 14, 1997. URL: http://project.cyberpunk.ru/idb/cyberpunk_manifesto.html (дата обращения: 23.03.2021).
190. Kuper S. The great middle-class identity crisis // FT Magazine – 2013. URL: <http://www.ft.com/cms/s/2/04179370-4741-11e3-b4d3-00144feabdc0.html> (дата обращения: 25.04.2021).
191. Land N. A quick-and-dirty introduction to accelerationism // Jacobite [Электронный ресурс] – May 25, 2017. URL: <https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/> (дата обращения: 25.03.2021).
192. Lanier J. Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. New York: Henry Holt and Company, 2018. – 127 p.
193. Livingstone S. Critical debates in internet studies: reflections on an emerging field [Электронный ресурс] – 2005. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/1011> (дата обращения: 01.10.2021).
194. LovinGOD. Киберфашизм [Электронный ресурс] – 1998. URL: <http://dooma.ru/article.php?fid=3345> (дата обращения: 10.03.2021).
195. Markham A.N. Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies // The Information Society. 2005. 21(4). P. 257-267.

196. Markoff J. RNA Game Lets Players Help Find a Biological Prize // The New York Times [Электронный ресурс] – January 10, 2011. URL: https://www.nytimes.com/2011/01/11/science/11rna.html?_r=3&ref=science (дата обращения: 25.03.2021).
197. Melucci A. Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. London: Hutchinson Radius, 1989. – 288 p.
198. Meyer D.S., Tarrow S. The social movement Society: Contentious Politics for a New Century. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1997. – 282 p.
199. Naughton J. A Brief History of the Future: The Origins of the Internet. London: Weidenfeld and Nicolson, 1999. – 332 p.
200. Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. – 305 p.
201. Nelson T. Computer Lib // Dream Machines [Электронный ресурс] – 1974. URL: http://www.newmediareader.com/book_samples/nmr-21-nelson.pdf (дата обращения - 28.02.2021)
202. O'Reilly T. What Is Web 2.0 [Электронный ресурс] – 2005. URL: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 10.03.2021).
203. Papacharissi Z. The virtual sphere: The internet as a public sphere // New media & society. 2002. Vol. 4. №1. P. 9-27.
204. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. London: Penguin, 2011. – 304 pp.
205. Porta D. della. How progressive social movements can save democracy in pandemic times // Interface: a journal for and about social movements. 2020. Vol. 12 (1). P. 355-358.
206. Raymond E.S. The Cathedral & the Bazaar. O'Reilly, 2001. – 256 p.
207. Reuter O., Szakonyi R. Online Social Media and Political Awareness in Competitive Authoritarian Regimes // British Journal of Political Science. 2013. Vol. 45, №1. P. 29-51.

208. Revealed: 50 million Facebook profiles harvested for Cambridge Analytica in major data breach // The Guardian [Электронный ресурс] – 2018. URL: https://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election?CMP=share_btn_tw (дата обращения: 10.03.2021).
209. Robinson G. A mythic perspective of commodification on the World Wide Web // First Monday. 2002. Vol. 7. №3. URL: http://firstmonday.org/issues/issue7_3/robinson/index.html (дата обращения: 01.10.2021).
210. Seipp D. J. The right to privacy in American history. Cambridge: Harvard University, Program on Information Resources Policy, 1981. – 212 p.
211. Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. London: Penguin, 2010. – 256 с.
212. Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York: Free Press of Glencoe, 1962. – 436 p.
213. Srnizek N., Williams A. #ACCELERATE: Manifesto for an Accelerationist Politics [Электронный ресурс] – 2013. URL: <https://syntheticedifice.files.wordpress.com/2013/06/accelerate.pdf> (дата обращения: 25.03.2021).
214. Stone B. Pakistan Cuts Access to YouTube Worldwide // The New York Times [Электронный ресурс] – February 26, 2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/02/26/technology/26tube.html> (дата обращения: 10.03.2021)
215. Tufekci, Z., & Wilson, C. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square // Journal of communication. 2012. №62(2). P. 363-379.
216. Vinge V. The Coming Technological Singularity [Электронный ресурс] – 1993. URL: <http://www.accelerating.org/articles/comingtechsingularity.html> (дата обращения: 10.03.21).

217. Wellman B. Networks in the global village: Life in contemporary communities. Routledge, 1999. – 403 p.
218. Wellman B. Studying the Internet through the Ages // The handbook of internet studies. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2011. P. 17-23.
219. Wellman B. The three ages of internet studies: ten, five and zero years ago // New media & society. 2004. 6(1). P. 123-129.
220. Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. Social Media and the Arab Spring Politics Comes First // International Journal of Press/Politics. 2013. Vol. 18., №2. P. 115-137.
221. Zittrain J.L. The Future of the Internet – And How to Stop It. New Haven: Yale University Press & London: Penguin, 2008. – 342 p.
222. Zuboff S. The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power: Barack Obama's books of 2019. Profile books, 2019. – 704 p.